

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Межвузовский сборник
научных трудов**

Красноярск 2003

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск 7

КРАСНОЯРСК 2003

ББК 6799(2)8

Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.7 / Сибирский юридический институт МВД России; отв. ред. докт. юрид. наук., проф. В.И.Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – ISBN 5-7889-0081-6.

Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор В.И. Горобцов (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

И.А. Кириллов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

М.В.Грамматчиков, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России)

В межвузовский сборник научных трудов включены статьи, посвященные актуальным проблемам уголовно-правовой практики, подготовленные профессорско-преподавательским составом и адъюнктами различных вузов: Дальневосточного, Сибирского юридических институтов МВД России, Юридического института Дальневосточного государственного университета, Юридического института Красноярского государственного университета, Байкальского государственного университета экономики и права, а также сотрудниками Законодательного Собрания Красноярского края и практическими работниками.

Сборник представляет интерес для работников правоохранительных органов, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов (аспирантов) и слушателей (студентов) юридических высших учебных заведений.

ISBN 5-7889-0081-6

© Сибирский юридический институт МВД России, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

<i>Винокуров В.Н.</i> Предмет преступления и его соотношение с объективными признаками преступления.....	5
<i>Грамматчиков М.В.</i> Проблемы квалификации преступлений при рецидиве преступлений	11
<i>Гордеев Р.Н.</i> Правовая природа и особенности отражения группового преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.....	20
<i>Питецкий В.В.</i> О дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление.....	29
<i>Скобелин С.Ю.</i> О необходимости разделения института условного осуждения	35
<i>Мицкевич А.Ф.</i> Мотивационное воздействие уголовного наказания в специальном предупреждении преступлений.....	39
<i>Калугин А.Г.</i> О содержании и практике применения некоторых специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.....	51
<i>Алфимова О.А.</i> Основные этапы развития уголовного законодательства об освобождении от наказания в связи с болезнью	60
<i>Попкова Е.А.</i> Сравнительно-правовой анализ регламентации принудительных мер медицинского характера в отношении психически больных в российском и зарубежном уголовном законодательстве.....	65

II. ВОПРОСЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

<i>Ступина С.А.</i> Проблемы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений.....	71
<i>Шишко И.В.</i> Детерминированность уголовно-правовых норм регулятивным законодательством и конструирование диспозиций «экономических» норм УК РФ.....	80
<i>Дремина М.А.</i> О предмете преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ	89
<i>Агафонов А.В.</i> К вопросу о содержании непосредственного объекта преступления при контрабанде.....	95

<i>Димитрова Е.А.</i> Создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст.239 УК РФ	102
<i>Басова Т.Б.</i> Злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог: вопросы соотношения.....	107
<i>Бунева И.Ю.</i> Основание и место осуществления функций должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях.....	111
<i>Кондрашев А.А.</i> Ответственность Президента Российской Федерации	121
<i>Примак А.А.</i> К проблеме о наказании за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы	129
<i>Кулешов Ю.И.</i> Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта: состояние и перспективы	137

III. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Чирков Д.К.</i> Особенности криминологической характеристики личности несовершеннолетнего лица, совершившего преступление в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости	144
<i>Терехова О.Н.</i> Системные элементы групповой преступности несовершеннолетних.....	155
<i>Кириллов И.А.</i> Комплексный подход как основное направление борьбы с терроризмом	160
<i>Смирнов А.И.</i> Роль экономических факторов в формировании причин и условий взяточничества.....	170

IV. ВОПРОСЫ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

<i>Горобцов В.И.</i> Организационно-правовые аспекты применения к осужденным к лишению свободы мер медицинского характера	177
<i>Тепляшин П.В.</i> Тюремная система Англии и Уэльса: современное состояние, проблемы и перспективы развития.....	202

І. ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ОБЪЕКТИВНЫМИ ПРИЗНАКАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Винокуров В.Н.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

Вопрос о понятии предмета преступления является одним из дискуссионных вопросов в учении об объекте и составе преступления. Определенную сложность представляет соотношение предмета преступления с объектом преступления, последствиями преступления, что в конечном счете определяет механизм посягательства на объект преступления, а также орудиями совершения преступления. В теории уголовного права существуют различные точки зрения относительно необходимости разработки учения о предмете преступления и его важности при квалификации преступлений. При этом они обоснованы и аргументированы.

Так, Б.С.Никифоров полагал, что нет необходимости исследовать проблему предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование.¹

А.А.Пионтковский считал, что отношения между общим и непосредственным объектом преступления следует рассматривать не как соотношение рода и вида, а в плоскости взаимоотношений таких категорий, как сущность и явление. По мнению А.А.Пионтковского, непосредственный объект – это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (имущество, здоровье, телесная неприкосновенность). Общественное отношение как объект преступления – это то, что стоит за непосредственным объектом и что еще необходимо вскрыть, чтобы более глубоко понять истинное общественно-политическое значение рассматриваемого преступления. Непосредственный объект является или материально предпосылкой существования и развития соответствующих общественных отношений, или материальной формой их выражения, или их субъектом. Излишнее увлечение проблемой разграничения объекта преступления и предметом

преступления влечет за собой ослабление внимания к теоретической разработке существенных вопросов об объекте преступления. О предмете преступления, по мнению указанного автора, как элементе состава преступления можно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него (предмет) не происходит посягательство. Поэтому, по мнению А.А.Пионтковского, объектом взяточничества является нормальная работа государственного аппарата, а предметом взяточничества – определенные материальные ценности, вследствие чего предмет преступления следует относить не к объекту, а к объективной стороне преступления.² Именно это положение в дальнейшем было подвергнуто критике, так как признание имущества непосредственным объектом преступления не позволяло объяснить, почему завладение имуществом в одних случаях следует квалифицировать как хищение, а в других как самоуправство.³

Как признак, характеризующий объективную сторону состава преступления, рассматривал предмет преступления и А.Н.Трайнин. Так, отмечая, что предметом преступления являются те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление, он считал, что в отличие от объекта предмет преступления не терпит ущерба от преступного посягательства, кроме того, объектом в составе взяточничества является законная деятельность должностных лиц, а предметом – деньги и иное имущество, переданное в качестве взятки. Объектом преступления в составе, предусмотренном ст.108 УК РСФСР 1926 года (ст.228 УК РФ), будет здоровье граждан, а предметом – одурманивающие вещества.⁴

Согласно следующей точке зрения, предмет посягательства – это элементы объекта посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение. Предмет преступления нельзя отождествлять с общественным отношением, поскольку элемент целого никогда не может быть одновременно и самим целым, но нельзя их и противопоставлять, ибо предмет преступления есть необходимая составная часть общественного отношения. Существование общественного отношения невозможно без его составных частей (элементов субъектов отношений, их деятельности, материальных вещей), которые и выступают в качестве предмета посягательства.⁵

Однако приведенные выше точки зрения на понятие предмета преступления не получили в дальнейшем поддержки ученых, занимавшихся проблемой предмета преступления.

Так, С.Ф.Кравцов полагает, что предмет преступления – это материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение. К признакам предмета он относит материальность и способность выражать определенные общественные отношения, а также то, что предмет преступления – это юридическое понятие.⁶

Н.И.Коржанский к предметам преступления также относит только конкретные материальные объекты, в которых проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступлений), путем физического или психического воздействия на которые причиняется социально опасный вред в сфере этих отношений. Соответственно тело и психика человека относятся к предмету преступления.⁷

По мнению Е.А.Фролова, к предметам преступления следует относить только такие предметы материального мира или вещи, которые имеют материализованную оболочку и являются доступными для измерения и фиксации. Функции предмета заключаются в том, что он служит материальным поводом, условием или свидетельством существования определенных общественных отношений, а также в том, что посредством его изъятия, уничтожения либо видоизменения причиняется ущерб общественным отношениям – объекту уголовно-правовой охраны. При этом субъект нарушенного преступлением общественного отношения не относится к предмету преступления.⁸

В.Я.Таций под предметом преступления понимал любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления.⁹

Таким образом, согласно мнению ряда ведущих теоретиков уголовного права, проблемы предмета либо вообще не существует, либо ее следует рассматривать в рамках объективной стороны состава преступления. Согласно мнению других, предмет преступления – это предметы материального мира, воздействуя на которые происходит нарушение объекта преступления, и его изучение способствует уяснению понятия объекта преступления и механизма его нарушения.

Чтобы разобраться в вопросе о предмете преступления, так как одно и то же понятие в праве должно нести одну смысловую нагрузку, его следует рассматривать в соотношении с такими понятиями, как объект и общественное отношение.¹⁰

В теории уголовного права спорным является вопрос о понятии общественного отношения. Так, одни авторы полагают, что структурными элементами общественных отношений являются носители (субъекты) этих отношений; предмет, по поводу которого существуют отношения, или факторы, опосредующие возникновение и существование такой взаимосвязи, и общественно значимая деятельность (социальная связь) как содержание отношений.¹¹

Согласно другой точке зрения под общественными отношениями следует понимать лишь связь между субъектами – права и обязанности сторон, а также реальное поведение участников общественного отношения. Сами субъекты и предметы общественного отношения находятся за пределами общественного отношения. Весьма наглядно и удачно рассматривает общественное отношение Е.В.Благов, приводя в качестве примера взаимодействие двух магнитов и существующее между ними магнитное поле. Без магнита поле отсутствует, но поле и магнит – относительно самостоятельные по отношению друг к другу реальности. Ни одно из них не является элементом содержания другой.¹²

Нам представляется, что в данном случае никаких противоречий нет, потому как в первом случае речь идет о структуре, а во втором – о содержании общественного отношения. Анализ механизма причинения вреда объекту преступления, для чего собственно и рассматривается вопрос о предмете преступления, возможен лишь посредством рассмотрения объекта через его структуру, при воздействии на определенные элементы которой, в частности предмет, и нарушается содержание общественного отношения.

При определении понятия предмета преступления следует исходить, во-первых, из того, что предметы, которые стоят вне отношения, не относятся к объекту преступления. Будучи компонентами преступления, они служат орудием воздействия (взлома) на общественные отношения.¹³ В этом случае они являются элементом объективной стороны преступления.¹⁴ Как отмечает В.Н.Кудрявцев: «предмет служит необходимой материальной предпосылкой либо формой закрепления того общественного отношения, на которое посягает преступник»¹⁵. На основании этого нельзя согласиться с мнением А.А.Пионтковского о том, что предметом взяточничества являются материальные ценности, передаваемые в качестве взятки. В этом случае они действительно относятся к признакам объективной стороны преступления – орудиям и средствам преступления. Именно это

терминологическое разногласие о том, что в одном случае предмет – это то, на что происходит воздействие, а в других – то, чем происходит воздействие, и послужило для Б.С.Никифорова основанием утверждения о ненужности изучения предмета преступления в рамках учения об объекте преступления.¹⁶ Согласно ст.81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы: 1) которые служили орудием преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) на которые были направлены преступные действия; 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Представляется, что во втором случае предметы, на которые направлены преступные действия, характеризуют объект преступления как элемент состава преступления. В первом случае предметы являются орудием совершения преступления, и их следует рассматривать как факультативный признак объективной стороны преступления. В третьем случае предмет – это такие вещи материального мира, изготовление которых свидетельствует о факте совершения преступления, они имеют криминалистическое значение и их следует рассматривать как предмет преступления – реально совершенного в объективной действительности действий.

На основании этого нельзя относить к предмету преступления, как признак такого элемента состава преступления, как объект преступления, оружие (применительно к составу преступления, предусмотренного ст.222 УК РФ), наркотические средства (ст.228 УК РФ), документы (ст.327 УК РФ), потому как эти предметы не входят в структуру отношений, охраняемых уголовным правом. В этом случае они являются доказательствами того, что было совершено преступление. С их изготовлением возникают иные негативные отношения, которые составляют предмет уголовного права как отрасли права и уголовным законом не охраняются. Если нет охраняемых правоотношений, то и нет преступления, либо преступление посягает на иные охраняемые интересы. Поэтому мы полагаем, что Верховный Суд РФ в своем постановлении от 27 мая 1998 г. №9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в п.11. необоснованно дает указания о том, что: «... ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ наступает в случаях противоправного их изъятия у юридических и физических лиц, владеющих ими законно или *незаконно*, в том числе путем сбора наркотикосодержащих растений либо их частей (коробочек и

стеблей мака, стеблей конопли и т.д.) с земельных участков сельскохозяйственных и иных предприятий и с земельных участков граждан, на которых выращиваются эти растения»¹⁷. Аналогичное положение содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда от 12 марта 2002 г. №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», где в п.13 отмечается: «Уголовная ответственность по ст.226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо *незаконно*»¹⁸. Государство не может охранять отношения между гражданами, которые складываются по поводу незаконного хранения наркотических средств и оружия, у граждан, владеющих этими предметами и веществами, отсутствует право собственности. Поэтому такие действия следует квалифицировать как покушение на хищение, если виновный не осознавал факт незаконности хранения указанных веществ и предметов вследствие того, что правоотношения собственности не нарушаются либо, в случае осознания этого факта, их следует квалифицировать как незаконное приобретение наркотических средств и оружия (ст.ст.222, 223 УК РФ).

Во-вторых, следует присоединиться к мнению В.Я.Тация о том, что следует различать предмет как структурный элемент общественного отношения и предмет преступления, как существующий наряду с объектом самостоятельный факультативный признак состава преступления.¹⁹ В тех случаях, когда предметом общественного отношения выступают нематериальные ценности: общественная безопасность, безопасность дорожного движения, здоровье населения, они выступают в качестве непосредственного объекта преступления. Изменения, произошедшие в материальных предметах, характеризуют последствия преступления и относятся к общественно опасным последствиям как признаку объективной стороны преступления.²⁰ Объекту преступления причиняемый вред может быть только социальным, а предмету преступления – материальным, физическим.²¹

В-третьих, предмет преступления – это правовое понятие. Свойства предмета преступления – это факультативные признаки объекта преступления. В предмете преступления проявляются свойства различных общественных отношений. В зависимости от

того, на какие свойства предмета материального мира происходит воздействие и какие законодатель выделил в качестве наиболее важных, и происходит определение объекта преступления.

В-четвертых, понятие предмета преступления как признака, характеризующего объект, следует рассматривать посредством анализа способов воздействия на него. К таковым относятся изъятие, уничтожение, повреждение предмета. Исходя из этого можно сделать вывод, что предметом преступления может быть и информация как сведения различного характера, при этом не только на материальных носителях: чертежах, магнитных носителях и т.п. Так, копирование информации в одних случаях следует квалифицировать как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст.277 УК РФ), в других – как государственную измену в форме шпионажа (ст.275 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст.137 УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст.183 УК РФ). Представляется, что причиной того, что ранее вопрос о нематериальности предмета преступления не рассматривался, явилось отсутствие широкого применения компьютеров.

Таким образом, предмет преступления следует рассматривать лишь только в рамках учения о составе преступления как факультативный признак такого элемента, как объект преступления. Под предметом преступления следует понимать предметы материального мира и информацию, существовавшие до момента совершения преступления, посредством воздействия на которые происходит нарушение объекта преступления – общественных отношений.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Грамматчиков М.В.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

В судебно-следственной практике нередко допускаются ошибки, связанные с квалификацией преступлений, где в качестве признака состава преступления выступает рецидив. В ряде случаев он выступает «в качестве конститутивного, обязательного признака, формирующего состав преступления»¹. Это нашло отражение в следующих статьях УК РФ: в ст.313 УК РФ «Побег из

места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи», в ст.314 УК РФ «Уклонение от отбывания лишения свободы» и в ст.321 УК РФ «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». В этих статьях субъектом преступления является осужденное лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, где судимость выступает в качестве обязательного признака состава преступления, следовательно, налицо рецидив преступлений, который, по мнению С.И.Зельдова, «ограничен временем реального отбытия уголовного наказания»². В этих составах преступлений предусматривается уголовная ответственность лиц, отбывающих уголовное наказание по приговору суда, то есть идет речь об общем рецидиве преступлений.

Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев законодатель предусматривает рецидив в качестве квалифицирующего признака конкретного состава преступления, усиливая уголовную ответственность лиц, совершающих тождественные или однородные преступления. При этом используется более широкое понятие – «совершение преступления лицом, ранее судимым» за совершение тождественного или однородного преступления. Используя указанную формулировку, законодатель, по мнению Т.Г.Черненко, «включает в себя две формы множественности преступлений: рецидив и совершение преступления лицом, имеющим судимость, при отсутствии признаков рецидива»³, то есть идет речь о специальном рецидиве преступлений.

Необходимо уточнить, что законодатель прямо не указывает рецидив в диспозициях статей Особенной части УК РФ, а уголовно-правовое значение приобретает только один из признаков рецидива преступлений – судимость. Исходя из анализа содержания рецидива преступлений, закрепленного в ч.1 ст.18 УК РФ, необходимо выделить два основных признака рецидива: 1) совершение лицом в разное время двух и более умышленных преступлений; 2) наличие судимости за предшествующее преступление. Причем неважно, отбывало лицо наказание по предшествующему приговору или нет.

Еще в 1910 году Н.Д.Сергеевский, рассматривая рецидив преступлений, отмечал: «Рецидив есть совершение одним и тем же лицом преступного деяния во второй, третий и т.д. раз после суда и наказания за первое»⁴.

Следовательно, судимость напрямую связана с рецидивом преступлений, а факт рецидива переплетается с понятием неоднократности преступлений по УК РФ 1996 года.

Законодатель, включая специальный рецидив в квалифицирующий признак «судимость» или «неоднократность», стремится усилить уголовную ответственность лиц, совершающих тождественные или однородные преступления.

В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой предлагается исключить от использования «судимости» и «неоднократности» в качестве квалифицирующих признаков конкретного состава преступления.⁵

Авторы этой позиции (Н.А.Советченко, В.Ткаченко, С.М.Кочои, Т.Г.Черненко) мотивируют тем, что «совершение преступлений лицом неоднократно или совершение преступления (преступлений) судимым лицом – это обстоятельства, характеризующие не преступление, а личность виновного», а квалификация преступления должна охватываться анализом совершенного преступного деяния. Усиление ответственности за неоднократность преступлений и совершение преступлений судимыми лицами, по их мнению, должно устанавливаться «путем введения специальных правил назначения наказания при неоднократности преступлений, при специальном рецидиве преступлений, при совершении преступлений судимыми лицами при отсутствии признаков рецидива»⁶.

Однако данное положение носит дискуссионный характер и полностью с ним согласиться нельзя. Так, не всегда будет назначаться более строгое наказание за совершение аналогичных преступлений лицам, находящимся в состоянии судимости, в отличие от лиц, впервые совершивших преступление. Это будет связано с тем, что они должны нести уголовную ответственность по одной и той же статье или части статьи Особенной части УК РФ, где предусмотрена одна и та же санкция, а при этом не будет учитываться личность виновного лица.

Следовательно, указанным категориям лиц может быть фактически назначено одинаковое наказание, несмотря на то, что один впервые совершил преступление, а у второго их несколько или он уже ранее осуждался. Этого допустить нельзя, так как характеристика личности, хотя и учитывается при назначении наказания, однако в некоторых случаях она должна использоваться при квалификации преступления, усиливая уголовную ответственность ранее судимых лиц. Следовательно, лицо, впервые совершившее преступление, не может быть осуждено по той части статьи, где предусматривается повышенная ответственность лица, ранее судимого за совершение аналогичного преступления.

Судимость, выступая в качестве обстоятельства, влияющего на квалификацию преступлений, может охватываться понятием неоднократности либо указываться самостоятельно в качестве квалифицирующего признака. Так, п.«в» ч.3 ст.159 УК РФ законодатель предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение мошенничества лицом, ранее два и более раза судимым за хищение или вымогательство. В этом случае судимость характеризует только повышенную общественную опасность конкретного лица, совершившего преступление, поэтому она рассматривается в качестве обстоятельства, отягчающего «наказание только самого лица, а иным соучастникам преступления она не вменяется»⁷.

Анализируя понятие неоднократности, необходимо отметить, что ее содержание определяется на законодательном уровне в статьях как Общей, так и Особенной частей УК РФ, причем оно определяется неоднозначно и поэтому необходимо выделить как узкое, так и широкое смысловое содержание этого понятия. Так, узкое смысловое содержание понятия неоднократности содержится в ч.2 ст.194 или в п. «в» ч.2 ст.199 УК РФ, где под неоднократностью понимается совершение двух и более деяний, за которые лицо еще не подвергалось осуждению, следовательно, оно привлекается одновременно за все совершенные преступления. Если же лицо ранее было осуждено за совершение этих преступлений, то ответственность наступает по п. «б» ч.2 ст.194 УК РФ, то есть лицом, ранее судимым за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст.194, 198 и 199 УК РФ.

Более широкое содержание неоднократности включает в себя как совершение одним и тем же лицом двух и более тождественных и однородных преступлений, за которые лицо еще не осуждалось, так и совершение нового преступления лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление. Это положение находит свое подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года №1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст.105 УК РФ), где дается развернутое понятие признака неоднократности. В п.14 этого постановления указывается, что «убийство признается совершенным неоднократным, если ему предшествовало совершение преступлений, предусмотренных ст.105 УК РФ (или) ст.103-105 УК РСФСР. При этом для квалификации содеянного как убийства, совершенного неоднократно, не имеет значения, был ли виновный осужден за первое преступление, совершил ли он ранее оконченное преступление либо покушение на убийство, является ли он исполнителем или соучастником преступления»⁸.

Этим указанием еще раз подчеркивается особая роль общественной опасности лица, имеющего непогашенную и неснятую судимость при совершении им тождественного или однородного преступления. В этом случае судимость выступает в качестве квалифицирующего признака, что позволило С.И.Зельдову сделать вывод о том, что «специальная повторность и специальный рецидив – понятия частично совпадающие», однако «понятие повторности шире, чем понятие ... рецидива, а по общему в законодательстве указывается либо на повторность, либо на судимость»⁹, а В.П.Малков уточнил, что в этом случае «законодатель в качестве квалифицирующего обстоятельства указывает, как правило, вместо повторности или другой разновидности множественности преступных деяний на судимость»¹⁰.

Следовательно, рецидив преступлений при квалификации преступлений может выступать через судимость как квалифицирующий признак, а может охватываться понятием неоднократности преступлений.

Анализируя уголовное законодательство, можно встретить преступления, где тождественные преступления не образуют квалифицирующего признака – неоднократности преступлений, хотя они и требуются для ужесточения уголовной ответственности и наказания. Вызывает недоумение ч.1 ст.228 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере. Рассматривая диспозицию указанной статьи, можно сделать вывод, что лицо может неоднократно привлекаться по данной статье, однако больше трех лет лишения свободы не получит, а поэтому может постоянно приобретать или хранить незаконно наркотические или психотропные вещества без цели сбыта. Анализ следственно-судебной практики показывает, что лица, осужденные по данной статье, не встают на путь исправления и продолжают заниматься этим же после освобождения. Из 60 изученных уголовных дел данной категории, рассмотренных судами Красноярского края за 1999-2001 годы, в 29 случаях установлены факты повторного привлечения лиц к уголовной ответственности за незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в течение года. Так, Мискинов был осужден 2 декабря 1999 года за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере (ч.1 ст.228 УК РФ). После отбытия наказания 1 декабря 2000 года он вновь был задержан при приобретении

наркотических средств без цели сбыта, за что был привлечен к уголовной ответственности и осужден по ч.1 ст.228 УК РФ.¹¹ Аналогичное преступление совершил Криволапов, который, имея условное осуждение по приговору суда от 31 января 2001 года, 25 июля 2001 года вновь задерживается с наркотическим веществом, за что осуждается 13 сентября 2001 года.¹²

В данном случае совершение тождественного преступления никак не влияет на квалификацию преступления, что является, на наш взгляд, необоснованным снисхождением для лица, ранее совершавшего аналогичное преступление, поэтому целесообразно дополнить ч.3 ст.228 УК РФ признаком неоднократности, изложив ее в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные: а) группой лиц по предварительному сговору; б) неоднократно; в) в отношении наркотических средств в крупном размере».

В судебно-следственной практике при квалификации преступлений при наличии рецидива преступлений встречаются следующие ошибки:

- 1) использование снятой или погашенной судимости;
- 2) излишняя квалификация по признаку неоднократности при наличии квалифицирующего признака «совершение преступления лицом, ранее два и более раза судимым»;
- 3) не учитываются при квалификации преступлений судимости за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте;
- 4) неправильное исчисление сроков погашения судимости;
- 5) не учитываются судимости за преступления, возникшие в связи с осуждением лица по УК РСФСР 1960 года;
- 6) использование судимости дважды: при квалификации преступления и при назначении наказания.

Распространенной является ошибка, когда при квалификации преступления используется снятая или погашенная в установленном порядке судимость. Еще в приказе Наркомата юстиции СССР от 14 августа 1937 года предусматривалось, что «лица, которые признаются не имеющими судимости на основании ст.10-1 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и на основании ст.55 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, а равно лица, судимость с которых снята в порядке общей или частной амнистии, имеют право в анкетах на вопрос о прошлой судимости отвечать: «не судился»¹³.

Однако А.А.Герцензон, П.С.Дагель, С.В.Бородин и В.Соловьев придерживаются мнения о том, что в некоторых

случаях необходимо учитывать судимость, если она снята или погашена.¹⁴ Данное решение связано с общественной опасностью лица, совершившего преступление. Они подчеркивают, что погашение или снятие судимости – это акт доверия к лицу, отбывшему наказание. «Если лицо злоупотребляет оказанным ему доверием, – отмечает П.С.Дагель, – вновь совершает преступления, оно должно нести повышенную ответственность, причем обязательно должны учитываться и прошлые, хотя бы и снятые судимости»¹⁵.

Этого мнения придерживается и судебная практика. Согласно п.3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 года №3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» снятая или погашенная судимость подлежит учету при назначении наказания, так как относится к характеристике личности виновного, а не к отягчающим обстоятельствам, указанным в ст.39 УК РСФСР (ст.63 УК РФ – прим. автора).¹⁶

Аналогичные ошибки можно встретить и в деятельности судов по конкретным уголовным делам, когда они применяют судимость, которая уже снята или погашена в установленном законом порядке. Так, при рассмотрении уголовного дела по обвинению Лаврентьевой¹⁷ и Задворнова суд учитывал погашенную судимость при назначении наказания¹⁸, а по делу Конгар¹⁹ и Служанова²⁰ суд учитывал погашенную судимость как квалифицирующий признак.

Таким образом, анализируя точку зрения указанных выше авторов и сложившуюся судебную практику, можно констатировать, что в этом случае уголовно-правовое значение имеет не судимость, а личность лица, имевшего в прошлом судимость и вновь совершившего новое преступление.

С данной позицией, несомненно, согласиться нельзя, поэтому она справедливо подвергается критике в юридической литературе, в частности, В.Н.Кудрявцевым, В.П.Малковым, В.И.Горобцовым и др.²¹ Действительно, не должна иметь уголовно-правового значения судимость, которая погашена или снята в установленном законом порядке. Данное положение противоречит разъяснению, данному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года №40 «О практике назначения судами уголовного наказания», в котором отмечается, что перечень отягчающих обстоятельств, указанных в ч.1 ст.63 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Из этого вытекает вывод, что нельзя учитывать снятую или погашенную судимость при характеристике личности виновного.²²

В судебной практике нередки случаи, когда при квалификации действий виновного лица наряду с судимостью указывается в качестве квалифицирующего признака и неоднократность, что ведет к нарушениям уголовного закона. Такие ошибки имели место при рассмотрении уголовных дел по обвинению Наговицына²³ и Егорова²⁴.

В уголовном законодательстве закреплено положение, в соответствии с которым судимости в возрасте до 18 лет не образуют рецидива преступлений, что подтверждается судебной практикой. Поэтому в случае совершения несовершеннолетним лицом тождественного или однородного преступления при наличии у него судимости за ранее совершенное аналогичное преступление суд не имеет права признать в его действиях один из видов рецидива, так как это будет противоречить ч.4 ст.18 УК РФ. Однако в этом случае факт судимости должен учитываться в качестве квалифицирующего признака. Если судимость за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, не будет учтена при квалификации преступления, то это приведет к отмене приговора. Такие случаи имели место при рассмотрении уголовных дел по обвинению Банникова²⁵ и Яковлева²⁶, Романенкова²⁷, Ляпина и Петрова²⁸, Жукова²⁹.

В судебной практике наиболее часто встречаются ошибки, связанные с признанием наличия или отсутствия неоднократности преступлений из-за неправильного исчисления сроков погашения судимости. Такая ошибка имела место при рассмотрении уголовного дела по обвинению Оглы, когда в его действиях не признали признак неоднократности при совершении тождественного преступления, посчитав, что судимости его за ранее совершенные преступления погашены, на основании чего приговор суда подлежал отмене.³⁰

Аналогичную ошибку допустила Судебная коллегия по уголовным делам по делу Карымова, исключив из обвинения признак неоднократности, руководствуясь тем, что судимость за первое преступление (ст.103 УК РСФСР – умышленное убийство) погашена. При этом не было обращено внимание на то, что наказание К. было назначено по совокупности приговоров при отмене условно-досрочного освобождения. В связи с этим неверно был определен момент погашения судимости, что и привело к ошибке при квалификации преступления по признаку неоднократности.³¹

Такие же нарушения допускаются и практическими работниками правоохранительных органов при квалификации преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами. Так, Шарыповский городской суд Красноярского края, рассматривая

уголовное дело №1-143/2001 по обвинению Егорова в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.3 ст.158 УК РФ (по признаку «лицом, ранее два и более раз судимым за хищение или вымогательство»), исключил из обвинения данный квалифицирующий признак, посчитав, что следователь вменил виновному лицу судимости, имевшие место на основании приговоров суда от 05.06.1990 года и 07.05.1993 года, которые к моменту совершения нового преступления были погашены и поэтому не могли выступать в качестве квалифицирующего признака.³²

Некоторые практические работники считают, что судимости за преступления, возникшие в связи с осуждением лица по УК РСФСР 1960 года, не могут являться квалифицирующими признаками конкретного состава преступления (например, п.«в» ч.3 ст.158 УК РФ – лицом, ранее два и более раза судимым за хищение или вымогательство). Так, А.Непринцев на страницах журнала «Российская юстиция» заявляет: «Признание судимостей лица по УК РСФСР основанием для квалификации его действий по п. «в» ч.3 ст.158 УК РФ игнорирует прямые указания, содержащиеся в ч.4 примечания к названной статье»³³.

Действительно, в примечании к ст.158 УК РФ указываются только ссылки на нормы нового уголовного закона, и при этом не делается ссылок на аналогичные нормы отмененного уголовного закона. Однако автор упускает из вида преемственность старого и нового уголовного законодательства, так как принятие УК РФ в 1996 году не повлекло за собой аннулирование судимостей за совершение соответствующих преступлений в период действия УК РСФСР.

Точная позиция по этому вопросу была сформулирована в п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 года №9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В п.7 данного постановления указывается: «как неоднократные (п. «б» ч.3 ст.228 УК РФ) следует квалифицировать действия лица, совершившего два и более раза любое из деяний, предусмотренных ч.2 ст.228 УК РФ, независимо от того, было ли оно за это осуждено и являлось ли ранее совершенное деяние окончанным преступлением или покушением на преступление, а также ранее судимого по ст.228 УК РФ или ст.224 УК РСФСР при условии, что «судимость за ранее совершенное преступление не погашена или не снята, и что лицо в установленном законом порядке не было освобождено от уголовной ответственности»³⁴.

Следовательно, судимости лиц, возникшие в период действия УК РСФСР 1960 года, должны учитываться при квалификации содеянного по признаку неоднократности преступлений. В тех случаях, когда судимость является обстоятельством, влияющим на квалификацию преступления, уголовный закон придает факту судимости либо значение квалифицирующего признака, либо признает судимость обязательным признаком определенного состава преступления.

Распространенной является ошибка, связанная с использованием дважды признака судимости: при квалификации преступления и при установлении рецидива преступления. В частности, суды, квалифицируя действия виновных лиц по п. «в» ч.3 ст.158 УК РФ как деяния, совершенные лицом, ранее два и более раза судимыми за совершение хищений, усматривают в действиях лиц в качестве отягчающего обстоятельства и особо опасный рецидив преступлений. Такие ошибки были допущены при рассмотрении уголовных дел по обвинению Рефас В.И.³⁵, Рамазанова Р.Р.³⁶, Зайцева Н.Ю.³⁷, Ночевнова и Паниота³⁸.

Кроме того, ч.2 ст.63 УК РФ запрещает использовать одно и то же обстоятельство в качестве признака, отягчающего наказание, и одновременно в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Так, при установлении в действиях Кропачева В.А. признака неоднократности (п.«б» ч.2 ст.161 УК РФ) суд устанавливает в его действиях и наличие опасного рецидива преступлений как обстоятельства, отягчающего наказание (ст.63 УК РФ)³⁹.

На данное нарушение требований уголовного закона указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ при рассмотрении дела Шалапаева, исключив из приговора указание о признании прежней судимости лица за убийство обстоятельством, отягчающим наказание, так как это обстоятельство является квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного п.«н» ч.2 ст.105 УК РФ.⁴⁰

Таким образом, рецидив выступает в качестве обстоятельства, влияющего на квалификацию преступления либо через судимость, либо через неоднократность преступлений.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ГРУППОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТЯГЧАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ

Гордеев Р.Н.
Сибирский юридический институт
МВД России

Групповое преступление находит свое отражение в уголовном законе через установление круга лиц, несущих уголовную ответственность за совместно совершенное преступление, а также через определение правовых оснований и пределов уголовной ответственности этих лиц. Кроме этого, групповое преступление находит свое отражение в уголовном законе в трех качествах: 1) является конститутивным, то есть обязательным и основным признаком состава преступления (ст.ст.209, 210 УК РФ и др.); 2) во многих составах групповое преступление является квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность (ч.2, 3 ст.158; ч.2, 3 ст.159 УК РФ и др.) и 3) для всех остальных составов групповое преступление является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ). Данные качества призваны повышать типовое наказание за совершенное преступление в группе. С этим согласны и правоприменители. Так, при опросе 70% респондентов ответили положительно на вопрос, следует ли ужесточать наказание за групповое преступление.

Общие начала назначения наказания помимо степени общественной опасности преступления и личности виновного указывают на необходимость учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч.3 ст.60 УК РФ).

В последнее время некоторые авторы выделяют отягчающие обстоятельства двух типов, содержащиеся в Общей и Особенной частях УК РФ, при этом последнюю группу именуют квалифицирующими отягчающими обстоятельствами.¹ Данное объединение указанных обстоятельств смешивает их функциональные роли, не дает четкого представления о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Различие же их заключается, прежде всего, в том, что для дифференциации степень и характер общественной опасности преступления должны изменяться существенным образом, а для индивидуализации такого существенного изменения не требуется. Кроме этого, при дифференциации квалифицирующие признаки должны быть характерны (типичны) для определенного вида преступления, а при индивидуализации отягчающие и смягчающие обстоятельства применяются для изменения наказания к большинству преступлений (характерны для многих видов преступлений). Третье отличие заключается в том, что

дифференциация ответственности – это средство законодателя по градации характера и степени общественной опасности преступления, а индивидуализация – средство правоприменителя в выборе вида и размера наказания. То есть обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, применяемые правоприменителем при назначении наказания, будут относиться к индивидуализации наказания, а предшествующая ему деятельность законодателя по градации уголовной ответственности будет относиться к дифференциации уголовной ответственности.

Из-за неверного представления о правовой природе отягчающих обстоятельств в науке уголовного права нет единого мнения относительно роли данных отягчающих обстоятельств. Так, одни авторы отмечают, что эти обстоятельства влияют на степень вины.² Другие указывают, что они влияют на общественную опасность преступления.³ Сторонники третьей точки зрения считают, что отягчающие ответственность обстоятельства влияют лишь на назначение наказания, то есть только отягчают его.⁴

На наш взгляд, верной является третья позиция: данные обстоятельства влияют лишь на избираемое наказание. При этом данные обстоятельства, как правильно отмечает В.Ткаченко, принимаются в расчет при избрании, в пределах санкции, более сурового наказания.⁵ Это связано с тем, что отягчающие обстоятельства являются разновидностью индивидуализации наказания.

Индивидуализация наказания осуществляется для того, чтобы правильно выбрать предложенное (в санкции статьи) законодателем наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Именно в выборе наказания, в нашем случае в сторону его ужесточения, и проявляется индивидуализация наказания. Основаниями индивидуализации наказания будут являться характер и степень общественной опасности совершенного преступления и общественная опасность личности виновного.⁶ Чем выше общественная опасность совершенного преступления и (или) личности виновного, тем суровее должно быть назначено наказание. Таким образом, отягчающие наказание обстоятельства влияют лишь на вид и размер наказания, отягчая его, основаниями применения данных обстоятельств является общественная опасность совершенного преступления или общественная опасность виновного.

Данные обстоятельства необходимо отличать от одноименных квалифицирующих признаков, которые влияют на общественную опасность преступления и являются средством дифференциации уголовной ответственности. Законодатель, выделяя статьи с квалифицирующими признаками, исходит из того, что именно эти признаки существенно влияют на степень общественной опасности преступления, в связи с чем и устанавливает определенные пределы его наказуемости.

Таким образом, отягчающие обстоятельства являются средством индивидуализации наказания и влияют на его вид и размер.

Отражение группового преступления в уголовном законодательстве в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, квалифицирующих и конstitutивных признаков, прежде всего, зависит от двух показателей: 1) изменения уровня общественной опасности в сторону повышения при совершении преступления групповым способом, а также от 2) типичности⁷ группового способа совершения преступления ряду посягательств.

Так, для отражения группового преступления в качестве обстоятельства, отягчающего уголовное наказание, необходимо, чтобы оно незначительно повышало общественную опасность деяния и было характерно для всех видов преступлений или хотя бы для большинства из них.

В научной литературе о степени общественной опасности группового преступления нет однозначного мнения, и данный вопрос исследователями решается по-разному. Так, одни из них утверждают, что общественная опасность при групповом способе совершения преступления всегда повышена⁸, другие считают, что повышается только в специально предусмотренных случаях⁹. Под специальными случаями авторы понимают совершение группового преступления только в соисполнительстве, указывая на то, что только при соисполнительстве повышается результативность, а следовательно, и вредоносность группового преступления, так как именно при соисполнительстве вред причиняется аккумулярованными усилиями нескольких лиц. На наш взгляд, верны обе точки зрения, однако они нуждаются в существенном дополнении. Так, групповое посягательство всегда будет повышать общественную опасность преступления. Это связано с тем, что при объединении усилий возрастает эффективность любой деятельности, будь то деятельность созидательная либо разрушительная. Причем эффективность возрастает не только при непосредственном участии в данной деятельности, но и при оказании организаторского, пособнического либо

подстрекательского воздействия. Однако данное повышение общественной опасности не всегда является существенным (значительным). Существенное повышение общественной опасности группового преступления возможно только при соисполнительстве либо при совершении преступления устойчивой преступной группой. При соисполнительстве резко возрастает результативность посягательства и, следовательно, вредоносность, а при устойчивом посягательстве в силу четкого разделения функций и согласованности участников увеличивается как результативность, так и в силу стойкости преступных устремлений прецедентность деяния. Кроме существенного, возможно и особое повышение общественной опасности преступления.

Аналогичной точки зрения придерживаются и большинство работников правоохранительных органов, так 74,28% опрошенных респондентов согласились с мнением о том, что групповое преступление во всех случаях повышает общественную опасность деяния.

Данный факт учитывает и законодатель, включая в перечень отягчающих обстоятельств и совершение преступления групповым способом. Однако сам уровень повышения общественной опасности в каждом конкретном случае различен. Так, для отягчающих обстоятельств достаточно незначительного повышения общественной опасности, для квалифицирующих признаков этот уровень должен быть существенным, а для конститутивных признаков – особым.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо различать три уровня изменения общественной опасности группового преступления в сторону повышения: 1) незначительное повышение – характерное для обстоятельств, отягчающих наказание; 2) существенное повышение – характерное для квалифицирующих признаков конкретного состава преступления и 3) особое повышение – характерное для конститутивных признаков конкретного состава преступления.

Незначительность в данном случае является оценочным понятием и в каждом конкретном случае должна устанавливаться самостоятельно правоприменителем, но для полной ясности необходимо разобрать данное понятие, охарактеризовать его. Выше мы уже говорили о том, что любое групповое преступление повышает общественную опасность деяния. Поэтому незначительное повышение общественной опасности преступлений характерно для любой групповой деятельности, за исключением случаев существенного или особого повышения.

В качестве примера рассмотрим понятие незначительности на уголовном деле, разобранные Судебной коллегией Красноярского края. В мае 1994 года Семенова решила убить своего мужа, для этого она обратилась к своей знакомой Кубовой с просьбой найти человека, который убил бы ее мужа. Кубова познакомилась у себя дома Семенову с Горевым, который согласился на убийство. Для облегчения совершения умысла Семенова сообщила Гореву информацию о пути следования мужа с работы домой, а также пообещала выплатить денежное вознаграждение. Получив от Семеновой задаток в сумме 250 тыс. руб, Горев 08.06.1994 года около 22 часов убил мужа Семеновой.¹⁰

В осуществлении данного деяния приняли участие три человека, каждый из которых вложил в реализацию плана часть своих усилий. Так, Семенова, являясь подстрекателем к убийству, склонила путем уговора и подкупа других лиц к совершению указанного деяния, кроме этого выполнила пособнические действия, выразившиеся в предоставлении информации, облегчившей совершение преступления. Кубова, являясь пособником, содействовала совершению преступления путем подыскания исполнителя данного деяния. Горев же явился исполнителем преступления. В данном примере происходит повышение результативности деяния за счет разделения функций и объединения усилий всех участников группы. Каждый из участвующих в данном деянии пытался облегчить выполнение задуманного плана путем предоставления информации, подысканием опытного исполнителя и т.д. Если сравнить данное посягательство с идентичным преступлением, но совершенным в одиночку, становится видно возрастание результативности при групповом способе выполнения деяния. Так, могла бы Семенова в одиночку совершить задуманное, легко ли бы выполнил преступление Горев без информации Семеновой и т.д., таких вопросов можно задать множество, и ответ на них будет навряд ли положительный. Повышение результативности отражается на повышении общественной опасности данного деяния, однако в силу того, что объективную сторону деяния выполняет только один участник, а также рассмотренная группа не является устойчивой, то данное повышение не будет носить существенный или особый характер, а является лишь незначительным.

На это указал и суд, отметив, что квалифицируя содеянное каждым, судебная коллегия исходит из того, что Горев один совершал убийство Семенова, поэтому оснований для квалификации его действий по п. «н» ст.102 УК РСФСР не имеется.

При таких обстоятельствах судебная коллегия, исключая квалифицирующий признак, должна была при назначении наказания учесть групповой способ совершения преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Однако, учитывая, что на момент совершения преступления действовал УК РСФСР, который в ст.39 не предусматривал данного обстоятельства, оно не было учтено при назначении наказания. Этот пробел был исправлен законодателем в УК РФ 1997 года, закрепив в п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание совершения преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества (преступной организации).

Однако данного шага законодателя явно недостаточно. Так, анализ изученных архивных дел показал, что данное обстоятельство на практике не применяется, следственные органы при уголовно-правовой оценке деяния, совершенного групповым способом, всегда стараются вменить те нормы, которые содержат самое строгое наказание, то есть квалифицированный состав (совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой). Суды, при рассмотрении уголовного дела, не найдя подтверждения квалифицированному признаку, исключают его из обвинения, но при этом и не учитывают групповой способ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

В качестве примера приведем уголовное дело, рассмотренное Судебной коллегией Красноярского края. В середине сентября 1998 года Головина сообщила своему сожителю Клепикову о намерении совершить убийство и разбойное нападение на свою знакомую Слинкову. Клепиков согласился помочь Головиной в разбое и дал советы по убийству Слинковой. 16.09.98 года Головина, взяв нож, пришла в квартиру к Слинковой, которая впустила ее. Войдя, Головина нанесла Слинковой несколько ударов ножом, отчего последняя скончалась. После этого Головина сообщила по телефону Клепикову о совершенном убийстве, который помог ей вынести вещи из квартиры Слинковой.

Органами следствия действия Головиной были квалифицированы по п.п. «ж», «з», «к» ч.2 ст.105, п. «в» ч.3 ст.162 УК РФ, действия Клепикова – по ч.5 ст.33 и п.п. «ж», «з», «к» ч.2 ст.105, п.«в» ч.3 ст.162 УК РФ.

На это судебная коллегия указала, что непосредственным исполнителем убийства и разбойного нападения была одна

Головина, а Клепиков лишь содействовал совершению этих преступлений в качестве пособника. С учетом изложенного суд исключил из обвинения подсудимых п.«ж» ч.2 ст.105 УК РФ и квалифицирующий признак разбоя: «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору». Однако при назначении наказания подсудимым суд учел только характер и степень общественной опасности совершенных преступлений и роль каждого из них в их совершении, не приняв во внимание групповой способ его совершения.¹¹

В последнее время правоприменитель пытается исправить данное положение. Так, в п.12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. №29 указано, что, постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных ч.1 ст.35 УК РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на п.«в» ч.1 ст.63 УК РФ.¹²

Однако и этого, на наш взгляд, недостаточно. Данное обстоятельство должно охватывать не только преступления, совершенные группой лиц без предварительного сговора, но и все случаи группового совершения деяния, когда они не учтены в качестве квалифицирующих либо конститутивных признаков конкретных составов преступлений.

Схожую позицию занимает и законодатель, указав в п.«в» ч.1 ст.63 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). Перечисление в законе всех форм группового преступления указывает на то, что совершение любого преступления совместными усилиями нескольких лиц в любой форме является более опасным посягательством, способным причинить более тяжкий вред. Кроме этого, такие деяния облегчают совершение преступления и затрудняют его раскрытие.

Законодатель в данном обстоятельстве перечисляет все формы группового преступления, при этом для выделения данных форм использует классификацию, основанием деления которой является момент возникновения сговора. Учитывая, что законодатель при конструировании норм должен стремиться как к полноте уголовного закона, так и к краткости его изложения, считаем данную формулировку слишком громоздкой. Так, полнота уголовного закона реализуется через охват многочисленных

явлений и различных эмпирических свойств, и их полное отражение в уголовном законе.¹³ Краткость изложения заключается в способности изложить данные явления и свойства как можно короче и понятнее. Поэтому перечисление всех форм группового преступления в указанном обстоятельстве является лишним, сформулировать же данное обстоятельство можно так: «совершение группового преступления». Из полученной формулировки видно, что совершение группового преступления в любой его форме всегда должно отягчать наказание, так как групповое посягательство всегда повышает общественную опасность преступления. Размер повышения ответственности в каждом конкретном случае должен избираться индивидуально, и это будет соответствовать индивидуализации наказания.

Данное положение поддерживает и правоприменитель, указав в п.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. №40 «О судебной практике назначения судами уголовного наказания», что суду необходимо обсуждать вопрос о назначении предусмотренного законом более строго наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией), ... если эти обстоятельства не являются квалифицирующим признаком преступления.¹⁴

Итак, первым фактором, влияющим на отражение группового преступления, в качестве обстоятельства, отягчающего уголовное наказание, является незначительное повышение общественной опасности деяния, вторым же фактором является типичность данного способа совершения деяния, то есть данный способ должен быть характерен для всех видов преступлений или хотя бы для большинства из них, при этом они должны отвечать признакам группового преступления. Например, не характерными будут преступления, совершенные с неосторожной формой вины или совершенные с использованием посредственного причинителя.

Если проанализировать Особенную часть УК РФ, то около 65% составов преступлений могут быть совершены групповым способом, причем из них около 40% уже содержат упоминание о групповом способе совершения данного деяния либо в качестве конститутивного признака, либо в качестве квалифицирующего признака данного состава. Для остальных же 60% групповой способ необходимо учитывать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Таким образом, мы видим, что для большинства составов преступлений как раз и характерен групповой способ его совершения, что в свою очередь в

совокупности со свойством незначительно повышать общественную опасность деяния и позволяет отражать групповое преступление в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Рассмотрев и определив правовую природу и особенности отражения группового преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, можно сказать, что групповое преступление, отраженное в законе в качестве отягчающего обстоятельства, незначительно повышает общественную опасность деяния, типично для большинства составов преступлений, предусмотренных Особой частью УК РФ, и является средством индивидуализации наказания.

О ДАЛЬНЕЙШЕЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Питецкий В.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Красноярского
государственного университета

Прежде чем перейти к рассмотрению существа вопроса, заявленного в названии статьи, сформулируем некоторые базовые, исходные положения:

1. Мерилом общественной опасности преступления является установленная за него санкция. Общественная опасность конкретного преступления определяется назначенным за него наказанием.

2. Статья 6 УК РФ провозглашает принцип справедливости, в соответствии с которым «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Этот принцип по своей сути совпадает с принципом индивидуализации уголовного наказания.

3. Наряду с этими принципами существует незакрепленный в УК РФ принцип индивидуализации уголовной ответственности, являющийся по своему содержанию более широким по сравнению с двумя вышеприведенными. Его суть заключается в том, что все меры уголовно-правового принуждения, в какой бы форме они не проявлялись, все уголовно-правовые последствия должны

соответствовать общественной опасности того преступления, за совершение которого они применяются.

4. Уголовный закон должен быть логически последователен и непротиворечив. Все его нормы должны быть подчинены принципу: за равные преступления – равная ответственность.

Полагаем, что приведенные положения являются общепризнанными, аксиоматичными, поэтому в дальнейших рассуждениях будем опираться на них.

Известно, что одним из важнейших свойств права является его формальная определенность, под которой понимается «точное, полное и последовательное закрепление государственной воли в установленной форме»¹. Благодаря ей в механизм правового урегулирования общественных отношений привносятся должный порядок в определении оснований возникновения, временных границ правоотношения, содержания прав и обязанностей его участников, все иные правовые последствия. Формальная определенность права, способствуя соблюдению принципов справедливости, законности, равенства граждан перед законом, особенно важна для уголовного права, ибо именно оно применяет к гражданам наиболее репрессивные методы государственного воздействия. Можно привести множество фрагментов из области уголовного права, которые иллюстрируют формальную определенность его норм. Это возраст уголовной ответственности, пределы санкций уголовно-правовых норм, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, сроки погашения судимости и т.д. и т.п.

Сравнительный анализ УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. позволяет сделать вывод о том, что действующий кодекс более формализован по сравнению со своим предшественником. Достаточно упомянуть законодательную конкретизацию признака «крупные размеры» ущерба в «Примечаниях» к соответствующим статьям УК РФ, правила назначения наказания за неоконченное преступление (ст.66 УК РФ), при рецидиве преступлений (ст.68 УК РФ) и т.д. Существенным вкладом в этом направлении является четкая категоризация преступлений, закрепленная в ст.15 УК РФ, и связанные с ней уголовно-правовые последствия совершения преступлений той или иной категории. Специалисты в области уголовного права могут вспомнить те трудности, которые возникали в период действия УК РСФСР 1960 г. по разграничению, например, «малозначительных преступлений» и преступлений, «не представляющих большой общественной опасности», и связанные с этим уголовно-правовые последствия. В настоящее время этих проблем не существует.

Вместе с тем в категоризации преступлений обнаруживается пробел, имеющий принципиальное значение. Речь, в частности, идет о том, что в УК РФ не отражены в полной мере особенности и логически вытекающие из них уголовно-правовые последствия неоконченного преступления. Очевидно, что неоконченное преступление всегда менее опасно соответствующего оконченного преступления. Это преступление особого типа, которым реальный вред не причиняется. Установлением в ст.66 УК РФ пределов наказуемости за покушение не более трех четвертей, а за приготовление – не более половины максимального предела санкции за соответствующее оконченное преступление, это аксиоматическое положение узаконено. Это еще один из примеров повышения формальной определенности УК РФ по сравнению с УК РСФСР. Такое законодательное решение позволят сделать вывод о существовании **двух подкатегорий** преступлений, совершаемых с прямым умыслом, меньшей общественной опасности по сравнению с соответствующими оконченными преступлениями.

Из этого можно сделать вывод о том, что кроме обязательного снижения наказуемости (как наиболее важного уголовно-правового последствия) для этих двух подкатегорий законодатель, будучи логически последовательным, должен был пойти дальше, а именно – смягчить и **все иные уголовно-правовые последствия** для неоконченных преступлений.

Если признать аксиоматичным положение о том, что все уголовно-правовые последствия совершенного преступления должны быть адекватными его общественной опасности, то такой вывод представляется бесспорным и очевидным.

Анализ УК РФ показывает, что формальная определенность многих его норм, уравнивая по своим правовым последствиям преступления, различные по своей общественной опасности, превратилась в **формализм** – явление, вредное для права, а в особенности для уголовного. Можно привести множество примеров, когда такой формализм, не учитывающий существа совершенных преступлений, влечет необоснованно суровые уголовно-правовые последствия для лиц, их совершивших. Приведем несколько ситуаций, вытекающих из УК РФ:

1. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности у лица, совершившего, например, приготовление к умышленному убийству (ст.105 УК РФ), как и у лица, совершившего оконченное убийство, истекут одинаково, то есть через 15 лет. У какого следователя или прокурора «поднимется рука» на возбуждение уголовного дела против первого из указанных лиц после

истечения даже 5-6 лет, не говоря уже о 12-14 годах?! Наиболее «удобной» для подобных случаев могла бы быть норма об изменении обстановки (ст.77 УК РФ), однако и она в таких случаях применена быть не может, поскольку в ней идет речь лишь о преступлениях небольшой или средней тяжести.

2. Лицо, условно осужденное за приготовление к особо тяжкому преступлению и вновь совершившее приготовление к тяжкому преступлению, при осуждении его к реальному лишению свободы должно быть направлено в колонию не общего либо хотя бы строгого, а **особого режима**, поскольку у него есть формальные признаки особо опасного рецидива. Полагаем, что такое законодательное решение противоречит основополагающим началам уголовно-исполнительного законодательства, в частности, правилу о раздельном содержании осужденных.

3. Судимость у лица, осужденного за приготовление к разбойному нападению с проникновением в жилище (особо тяжкое преступление) с применением ст.64 УК РФ, например, к исправительным работам, будет погашена через 8 лет, как если бы это лицо совершило оконченный разбой.

Полагаем, что в приведенных выше ситуациях, формально вполне соответствующих закону, мы имеем дело именно с таким явлением, когда формальная определенность, будучи низведенной до формализма в негативном его значении, превратилась, по существу, в ту «индийскую священную корову», лежащую на дороге, «объехать» которую в большинстве случаев законными способами невозможно.

Вместе с тем в уголовном законодательстве используется множество способов преодоления негативных последствий формальных предписаний. При этом проявляется такое свойство права, которое принято называть **гибкостью**, под которым понимается возможность принимать те или иные правовые решения с учетом **конкретных обстоятельств** рассматриваемой правовой ситуации. В уголовном праве данное свойство проявляется достаточно широко. В качестве примеров можно привести нормы о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст.64 УК РФ), об условно-досрочном освобождении от наказания (ст.79 УК РФ), об освобождении от уголовной ответственности (ст.ст.75-78 УК РФ), о досрочном снятии судимости (ч.5 ст.86 УК РФ) и многие другие. Основополагающей

нормой данного типа, имеющей принципиальное значение, является законодательное предписание, закрепленное в ч.2 ст.14 УК РФ, об уголовно-правовом значении малозначительности

деяния, имеющее методологическое значение, ибо она провозглашает главенство содержания над формой.

Полагаем, что негативные проявления формализма в уголовном праве могут и должны быть устранены путем внесения изменений в соответствующие статьи УК РФ. Если исходить из того, что отмеченные выше две подкатегории преступлений (приготовление и покушение) имеют самостоятельное значение, то в законе следует, во-первых, определить место неоконченного преступления в системе категорий, во-вторых, установить для них соответствующие более мягкие уголовно-правовые последствия, адекватные их меньшей общественной опасности. Для этого в УК РФ должны быть внесены соответствующие изменения и дополнения.

Прежде всего, ст.15 УК РФ должна быть дополнена ч.6 в следующей редакции: «6. При совершении лицом приготовления к преступлению или покушения на преступление его категория определяется исходя из санкции соответствующих статей Особенной части с учетом требований ч.2 и ч.3 ст.66 настоящего Кодекса».

Затем следует дополнить ст.ст. 30 и 66 УК РФ. Так, в ч.2 ст.30 УК РФ следует внести дополнение следующего содержания: «В соответствии с ч.6 ст.15 настоящего Кодекса данные деяния являются соответственно преступлениями средней тяжести и тяжкими преступлениями». Автоматический переход приготовления к преступлению в менее опасные категории объясняется тем, что в соответствии со ст.66 УК РФ фактическое наказание за приготовление к особо тяжкому преступлению не может превышать 10 лет лишения свободы, а за приготовление к тяжкому преступлению – 5 лет лишения свободы. Такое изменение в УК РФ будет означать то, что приготовление к преступлению никогда не может быть особо тяжким преступлением со всеми вытекающими для этого вида преступления уголовно-правовыми последствиями. Это может повлиять на вид колонии, вид рецидива и т.д. Такое решение, по сути, представляется правильным, поскольку соответствует общественной опасности данного вида неоконченного преступления.

В ч.2 ст.66 УК РФ следует внести дополнение следующего содержания: «Все иные уголовно-правовые последствия совершения лицом приготовления к преступлению возникают исходя из требования ч.2 ст.30 либо из специальных предписаний иных статей настоящего Кодекса».

Часть 3 ст.66 УК РФ следует дополнить указанием следующего содержания: «Если с учетом положений ч.6 ст.15

настоящего Кодекса покушение на преступление переходит в менее опасную категорию, то все уголовно-правовые последствия такого покушения наступают в соответствии с этой менее опасной категорией». Можно привести множество ситуаций, когда переход покушения на преступление в менее опасную категорию повлечет для лица менее суровые уголовно-правовые последствия, нежели формально вытекающие из ныне действующего УК. В частности, это может повлиять на режим колонии, на вид рецидива, на возможность освобождения от уголовной ответственности и т.д. и т.п. Однако заметим, что переход покушения на преступления в менее опасную категорию с вытекающими из этого уголовно-правовыми последствиями может произойти лишь при соответствующем максимальном размере санкции. К примеру, при максимальных санкциях в 6 и 12 лет покушения на соответствующие преступления перейдут в категорию преступлений средней тяжести и тяжких соответственно. При максимальных санкциях в 15 и 20 лет категория совершенного покушения не изменится, ибо три четверти от этих пределов составляет соответственно 11 лет и 3 месяца и 15 лет, и покушение остается в прежней категории особо тяжких преступлений.

Исходя из значительно меньшей общественной опасности приготовления к преступлению, предложенных выше изменений в уголовном законодательстве, а также потребностей уголовно-правоприменительной практики, считаем целесообразным установить для данного вида преступления следующие дополнительные смягчающие уголовно-правовые последствия:

1. Часть 4 ст.18 УК РФ дополнить указанием на то, что судимости лиц, осужденных за приготовлению к преступлению, при признании рецидива преступлений не учитываются. Полагаем, что приготовления к тяжким и даже особо тяжким преступлениям – это не те деяния, которые должны приниматься во внимание в таких случаях независимо от того, к какой категории преступления они относятся, поскольку с признанием рецидива преступления закон связывает довольно серьезные правовые последствия.

2. Статьи 75 и 77 УК РФ следует дополнить указанием на то, что они могут применяться к лицам, совершившим приготовление к преступлению. Полагаем, что эти нормы в предложенной редакции могут быть востребованы правоприменительной практикой без тех формальных нарушений закона, которые нередко имеют место в настоящее время. Особо актуальным это может быть в тех случаях, когда между совершением

преступления и его расследованием или осуждением за него прошли длительные сроки, хотя и в пределах давности.

Полагаем, что предложенные изменения в Уголовном кодексе РФ определяют должное место приготовления и покушения как особого типа преступлений в системе их категоризации, будут способствовать максимальной дифференциации уголовной ответственности за их совершение, а также соблюдению основных принципов уголовного права.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Скобелин С.Ю.

Сибирский юридический институт
МВД России

Провозглашение Конституцией РФ 1993 г. курса на формирование правового гражданского общества в определенной степени предопределило реформирование и пересмотр всего арсенала средств уголовно-правового реагирования на факты противоправного поведения людей.¹ Статистические данные свидетельствуют не только о том, что Россия в начале века уступила США незавидную пальму первенства по числу заключенных на 100 тысяч населения, но и о том, что среди мер уголовно-правового воздействия, применяемых к осужденным начиная с 1997 года, доминирующую роль заняло условное осуждение.² Кроме этого, законодатель нормативно закрепил расширение системы наказаний.

Однако статистические данные свидетельствуют о том, что система уголовного правосудия нашей страны носит ярко выраженный декларативный характер и не так совершенна, как это выглядит на первый взгляд. Как показывает судебная практика, в период с 1997 по 2001 гг. в общем числе осужденных удельный вес условного осуждения стабильно превышал 50%, а в 2001 году применение данной уголовно-правовой меры достигло 57,5%. Одновременно остается достаточно высокой доля лишенных свободы, которая не падает ниже 30% и в 2001 г. составила 30,9%.³ Нетрудно подсчитать, что совокупная доля применения данных мер уголовно-правового реагирования составляет более 80%, а в 2001г. – 88,4%. Соответственно на долю других основных наказаний приходится всего 11,6%, которые разделяют между собой штраф (6,3%), исправительные работы (5,2%) и лишение

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (0,3%).⁴

Констатируя данный факт, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на указанные выше кажущиеся разветвленность и гибкость системы уголовных наказаний, лицам, предстающим перед судом, назначается либо условное осуждение, либо они направляются в места лишения свободы, следовательно, тюремное «население» сокращается благодаря не широкому использованию альтернативных санкций, а повсеместному распространению условности наказания.

Причины сложившегося положения видятся в следующем. Во-первых, построенная законодателем лестница наказаний рушится за счет невозможности использования некоторых ее ступеней. Речь идет об отсрочке, объективной невозможности, а может быть, даже и нецелесообразности введения в действие таких скопированных с запада наказаний, как обязательные работы, ограничение свободы и арест, на которые возлагались большие надежды в плане альтернативы лишению свободы. Данные наказания конкурируют, а порой дублируют другие существующие виды наказаний.⁵ К этой же группе причин можно отнести мораторий на смертную казнь и подмену этого наказания пожизненным лишением свободы.

Во-вторых, на страницах юридических изданий неоднократно отмечалась низкая эффективность таких наказаний, как исправительные работы⁶ и штраф, затрудненность организации процесса их исполнения в современной экономической и социально-демографической обстановке в России в условиях легальной и скрытой безработицы.⁷ Кроме того, назначение и исполнение данных наказаний затруднено в связи с первой группой причин, так как в случае злостного уклонения осужденного от их исполнения и отбывания у суда нет возможности заменить эти наказания обязательными работами, ограничением свободы или арестом, как это предусмотрено в ст.ст.46, 50 УК РФ, то есть суд фактически лишен выбора вида наказания.

Таким образом, нарушаются принципы справедливости (ст.6 УК РФ), дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний и иных уголовно-правовых мер (ст.8 УИК РФ), и говорить о перечисленных в ст.44 УК РФ видах наказаний как о системе, думается, преждевременно.

В поисках наиболее оптимальных путей выхода из сложившейся ситуации учеными высказывались предложения по дополнению системы уголовных наказаний отработанными в

некоторых зарубежных странах и показавшими свою эффективность наказаниями в виде домашнего ареста, залога⁸, возврату таких наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред⁹, ссылка, высылка, придание наказанию в виде конфискации имущества статуса основного¹⁰ и др.

Обращая внимание на сложившуюся ситуацию, ученые предложили трансформировать институт колонии-поселения, фактически не являющийся лишением свободы, в наказание в виде ограничения свободы и как можно скорее привести его в действие путем изменения ст.53 УК РФ.¹¹ Однако нельзя согласиться с предложением аналогичного трансформирования в названное наказание и такого сложного по своей природе и зарекомендовавшего себя как эффективное средство борьбы с преступным рецидивом института, как условное осуждение.¹²

Изучение практики назначения и исполнения условного осуждения, с одной стороны, показало высокую эффективность данной уголовно-правовой меры¹³, а с другой – позволило выявить тот факт, что доля условно осужденных лиц, совершивших тяжкие преступления, а также имеющих судимость, велика, и тех карательных правоограничений, которые заложены в институте условного осуждения, для данной категории лиц оказывается недостаточно. Таким образом, возникает некоторый правовой вакуум, когда не имеет смысла лишать человека свободы, а предоставлять ему такую свободу в полной мере небезопасно. Кроме того, представляется, что в отношении данной категории преступников не достигаются цели общей превенции и социальной справедливости, так как потерпевшая сторона и общество в целом воспринимают назначенную им меру как прощение и оправдание. Альтернатив у суда, как показано выше, фактически нет.

В то же время на учете уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющих контроль за поведением условно осужденных, состоит и, более того, в один и тот же день является на регистрацию наряду с вышеуказанным контингентом наиболее «благоприятная» в криминологическом смысле часть осужденных, т.е. совершившие преступления впервые, по неосторожности либо по своим личностным качествам, возрасту и другим обстоятельствам не нуждающиеся в контроле. Однако, исходя из принципа неотвратимости уголовной ответственности, существует необходимость уголовно-правовой реакции на их противоправное поведение.

Одним из наиболее оптимальных и менее затратных выходов из такого положения может послужить предложенное

В.И.Горобцовым разделение института условного осуждения по примеру некоторых зарубежных стран на два вида: условное осуждение, соединенное с режимом probation (которое считать самостоятельным видом наказания), и классическое условное осуждение – без осуществления соответствующих контрольно-предупредительных мер.¹⁴

Анализ предлагаемого ученым «чистого» условного осуждения позволяет выделить признаки этого института¹⁵:

- подобный институт может распространяться лишь на тех осужденных, чье поведение, степень общественной опасности преступления, личность позволили бы суду не применять к ним соответствующие меры контроля;

- единственное условие такого осуждения состоит в не совершении нового преступления в течение испытательного срока;

- применение такого института условного осуждения ни в коей мере не исключает возможность освобождения лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям как на стадии предварительного расследования, так и в суде;

- применяя предлагаемое условное осуждение, государство, реализуя принцип неотвратимости ответственности, отреагировало бы на противоправное поведение преступника и одновременно в определенной степени снизило бы нагрузку на соответствующие службы;

- данный институт классического условного осуждения, не предполагающий осуществление контрольно-предупредительных мер, выступал бы в качестве освобождения от отбывания уголовного наказания.

В свою очередь условное осуждение, соединенное с режимом probation (надзора), будет обладать следующими признаками:

- назначаться наиболее «социально запущенным» преступникам, не нуждающимся в изоляции от общества;

- всегда сочетается с возложением на осужденных определенных обязанностей, правоограничений и жестким контролем за их поведением;

- данный вид условного осуждения должен быть включен в перечень видов наказаний и, соответственно, обладать его признаками.

Причем одной из указанных обязанностей вполне могла бы стать предложенная В.А.Уткиным и в настоящее время успешно апробируемая в некоторых регионах России обязанность выполнения бесплатных общественных работ¹⁶, которая,

возможно, вобрала бы в себя в некоторой степени признаки такого наказания, как обязательные работы, и отпала бы надобность во введении последнего.

Очевидно, что подобное предложение требует значительной детальной законодательной корректировки, определения места такого наказания в системе наказаний, сроков и порядка его исполнения, замен другими видами наказаний, определения правового статуса лиц, которым оно назначено, а также субъектов его исполнения и многое другое. Однако такое разделение института условного осуждения, как представляется, менее затратно в сравнении с введением других альтернативных лишению свободы наказаний, имеет благоприятную почву для его реализации, очевидны его востребованность и эффективность, и, наконец, такое разделение окончательно решило бы дискутируемый и до сих пор не решенный вопрос по поводу юридической природы условного осуждения.

Последнее же обстоятельство имеет не только большое теоретическое, но и, прежде всего, практическое значение. Это позволит решить проблемы при назначении наказания по совокупности преступлений и приговоров, отмене вышестоящей судебной инстанцией условного осуждения, назначенного судом первой инстанции, вопросы о включении условного осуждения в систему наказаний или отказе от этого, определении места условного осуждения в Общей части УК РФ и т.п.

Таким образом, предложенное разделение условного осуждения позволило бы одновременно решить несколько важных проблем:

1. Определиться с юридической природой условного осуждения.
2. «Реанимировать» систему наказаний и предоставить суду реальную альтернативу назначения наказания, не связанного с лишением свободы.
3. Без кардинальной перестройки системы органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества (уголовно-исполнительные инспекции), добиться значительной их разгрузки и превратить работу последней из бумажно-канцелярской в предупредительно-карательную.

МОТИВАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мицкевич А.Ф.,
кандидат юридических наук
Юридический институт Красноярского
государственного университета

Статья 60 УК РФ одной из целей уголовного наказания называет предупреждение преступлений. В науке уголовного права эта цель традиционно подразделяется на специальную и общую превенцию. О содержании цели специальной превенции в научных работах написано достаточно много¹, однако, на наш взгляд, далеко не все вопросы, касающиеся реализации этой цели средствами уголовного наказания, получили исчерпывающее освещение. Мы исходим из того положения, что уголовное наказание осуществляет специальное предупреждение, во-первых, за счет ограничения фактической возможности совершения новых преступлений (для таких видов наказаний, как лишение свободы – пожизненное и на определенный срок, ограничение свободы, арест, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), во-вторых, специальное предупреждение реализуется через особое мотивационное воздействие, которое представляет собой устрашение преступника путем применения к нему комплекса карательных ограничений социального и материального характера.

В качестве результата устрашения выступает **особое психическое состояние лица, которое характеризуется наличием в его психике устойчивых контрмотивов преступным формам поведения в виде страха как особого эмоционального состояния личности, вызывающего стремление избежать неприятных ощущений и переживаний, обусловленных ограничениями и лишениями, составляющими содержание любого вида наказания.** Такое состояние личности может существовать не только в течение срока отбывания наказания, но и достаточно продолжительное время после окончания исполнения наказания. Широко признанным является мнение, согласно которому для реализации цели специального предупреждения достаточно, чтобы такое состояние сохранялось до окончания срока судимости, хотя, конечно же, оно может существовать у лица и более длительное время.

Страх как определенное состояние психики определяется в психологии как особое рода эмоция или чувство.² В основе страха лежат внешние, прежде всего такие естественные факторы, как боль, одиночество, внезапное изменение стимуляции, которые являются основой страхов социального характера – боязни

потерять любимого человека, работу и еще более сильной боязни угрозы утраты любви и уважения, в том числе самоуважения.³ Чаще всего нас страшит то, что может уязвить нашу гордость и снизить самооценку. Мы боимся неудач и психологических потерь, которые могут произвести в душе каждого из нас настоящий переворот.⁴

Исходя из сказанного, можно утверждать, что страх как эмоционально-чувственное состояние психики личности, во-первых, всегда имеет внешний, находящийся за пределами личности, источник, во-вторых, источники страха делятся на две группы – естественные активаторы страха и социальные факторы страха. При этом нужно заметить, что для человека в обычных условиях его существования страхи социального характера более значимы, чем страх, имеющий основной причиной естественные причины.

В соответствии с первым положением уголовное наказание представляет собой ограничения и лишения, налагаемые на человека извне, и по этому признаку оно может служить источником страха.

В соответствии со вторым положением уголовное наказание по своему содержанию можно разделить на ограничения материального характера, которые по своей природе очень близко примыкают к естественным активаторам страха, и ограничения социально-психологического (нравственного) характера.

Страх, обусловленный причинами естественного характера – болью, одиночеством, внезапным изменением стимуляции (то есть неизвестностью), биологически встроен в нашу психику и поэтому имеет первичный характер, а значит, обладает самым сильным действием. Такой страх, будучи также особым эмоциональным состоянием личности, в то же время задействует все биологические ресурсы организма, подчиняя их только одной цели – избежать опасности.⁵ В этом смысле под действием страха, вызванного естественными активаторами, человек как бы возвращается в свое первоначальное, животное состояние, а все социальное отступает на второй план. От него требуются исключительные духовные и волевые качества, чтобы противостоять воздействию такого страха.

Эту особенность страха часто используют тогда, когда ставится цель получить от человека результат любой ценой, заставить его сделать то, что он по каким-либо причинам делать не желает. Разнообразные пытки, издевательства, угрозы физического уничтожения имеют своей целью вызвать именно страх первичного, биологического характера, и нужно признать,

что для человека это непереносимое испытание, поскольку оно порождает в нем конфликт его биологической сущности и социального «Я». Думается, что принятие Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, Европейских тюремных правил, Европейской конвенции о запрещении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Основных принципов обращения с заключенными и других международных документов, а также существование в уголовном законодательстве демократических государств специальных запретов на использование любых средств и методов, имеющих целью причинение физических страданий осужденным, обусловлены не только гуманными соображениями, но и учетом особенностей воздействия на человека страха, вызванного естественными активаторами.

Уголовное наказание по своему содержанию есть совокупность ограничений и лишений, которые причиняют, по меньшей мере, неудобства осужденному, а практически всегда вызывают его страдания как физического, так и социально-психологического характера. В этом своем содержательном значении уголовное наказание очень тесно соприкасается с естественными активаторами страха, и, видимо, нужно признать, что в настоящее время исполнение наказаний в виде лишения свободы по российскому уголовно-исполнительному законодательству в некоторых случаях задействует отмеченные механизмы формирования страха (например, помещение в штрафные изоляторы и др.). Конечно, в УК РФ и УИК РФ имеются нормы, запрещающие использование уголовного наказания в целях причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства (ч.1 ст.7 УК РФ), а также нормы, содержащие требования строгого соблюдения гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения с осужденными (ч.3 ст.3, ч.2 ст.12 УИК РФ).

Но отрицание цели причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства, содержащееся в ст.7 УК РФ, не есть отрицание таких свойств у самого наказания.

Что же касается ст.ст.3 и 12 УИК РФ, то они прямо запрещают использование наиболее сильнодействующих активаторов биологического страха в виде пыток и насилия. Но норма о запрете «другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения с осужденными» опирается на оценочные суждения о жестокости или унижении человеческого достоинства. Следовательно, в ней не идет речь о

полном и принципиальном запрете на причинение страданий осужденному или унижение его человеческого достоинства, а могут иметься в виду только наиболее одиозные, выходящие за рамки определенных нравственных представлений о допустимом причинении страданий осужденному. Реально же под жестоким или унижающим человеческое достоинство обращением с осужденными с точки зрения правоприменителя необходимо понимать любые ограничения в положении осужденных, не предусмотренные уголовным или уголовно-исправительным законодательством. Для законодателя же это вопрос его собственной нравственности и нравственных представлений, господствующих в обществе.

Таким образом, можно заключить, что использование страха, вызванного естественными причинами (такими активаторами, как боль, одиночество или внезапное изменение стимуляции), в большинстве случаев прямо запрещено при применении уголовного наказания либо используется в сравнительно мягких и ограниченных формах. При этом можно утверждать, что с ростом материального благополучия общества, увеличением ценности жизни и развитием нравственности обращение к биологически обусловленному страху при исполнении уголовных наказаний сокращается.

Несколько иначе обстоит дело с социальными страхами. Как мы уже говорили, в обычной жизни человека они играют первостепенную роль. Видимо, поэтому осужденные в большинстве своем отмечают, что при отбывании наказания тяжелее всего ими переносятся лишения именно нравственно-психологического характера. Здесь уместно отметить одну весьма важную особенность формирования страха. В целом переживание страха ощущается и воспринимается людьми как угроза личной безопасности и сопровождается чувством неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию. При этом участливое сопереживание облегчает страдание и способствует ослаблению страха, и наоборот, изоляция, одиночество усиливают страх.⁶

Это свойство социального страха используется при применении уголовного наказания, которое разрывает социальные связи между личностью и обществом, формируя у нее таким образом чувство страха. Осужденные же, стремясь освободиться от неприятного чувства страха, ищут психологической поддержки в своем окружении, у родных и близких, и это естественно. И нельзя отказывать им в такой возможности защиты от чувства страха, поскольку, во-первых, как мы постараемся показать далее,

у страха есть мощные негативные последствия, а во-вторых, перед наказанием стоят и иные, качественно отличные цели, которые ставят естественные ограничения в использовании чувства страха для предупреждения преступлений.

Специалисты утверждают, что переживание чувства страха зависит от того, насколько определенно выглядит для личности активатор страха и насколько определенными и успешными представляются человеку возможности избежания опасности, порождающей чувство страха. При этом установлено, что чем неопределеннее угроза, порождающая страх, и чем менее ясны для человека возможные способы избежания опасности, тем более бурно протекает эмоциональная реакция страха. И наоборот, когда внешний источник страха достаточно определен и локализован, более того, внешняя среда, знания и опыт личности позволяют найти адекватные пути преодоления опасности, и эмоциональная реакция страха выглядит менее ярко. В последнем случае активность личности переводится в русло конкретной деятельности, способствующей избежанию угрозы.⁷

Эта особенность эмоционального протекания страха должна учитываться при применении уголовного наказания, особенно при его исполнении. У осужденного должны формироваться твердые представления, что его наказание связано только с его преступлением и что ничего подобного не может повториться, если он не совершит нового преступления, более того, его страдания могут закончиться значительно ранее установленного срока при его определенном позитивном поведении. Иначе говоря, ему должны предлагаться ясные и реальные пути позитивного преодоления и избежания состояния страха.

Страх имеет неоднозначное влияние на человека. В психологии выделяются положительные и отрицательные значения страха для человека. Полезность страха специалистами видится в том, что, во-первых, **он мобилизует силы человека для активной деятельности**, а это зачастую бывает необходимо в критической ситуации. Нормальный, астенически выраженный страх способен мобилизовать сознание и волю человека, но на короткое время. В этом смысле страх может быть достаточно действенным контрмотивом совершению преступлений, однако же в ограниченных пределах. Как писал И.Шевелев: «Страх в малых дозах стимулирует, в больших – парализует»⁸. Во-вторых, **страх способствует лучшему запоминанию опасных или неприятных событий**. В-третьих, **страх дает возможность действовать в условиях недостатка информации, когда ее не хватает для**

принятия всесторонне продуманного решения. В таких ситуациях стратегию поведения диктует страх.⁹

Первое из названных положительных значений страха является, пожалуй, одним из основополагающих моментов в специальном и общепредупредительном действии уголовного наказания, равно как и в механизме исправления осужденного средствами уголовного наказания.

На индивидуальном уровне преступление обусловлено, как правило, множеством конкретных факторов объективного и субъективного характера, которые в своем для каждого случае индивидуальном сочетании «подтолкнули» лицо к соответствующему поведению. Умышленные и неосторожные преступления и даже так называемые «случайные» преступления не появляются сами по себе на «пустом» месте. В этом смысле преступник является достаточно мотивированным к совершению преступления лицом. А это означает, что для воздержания от преступных форм поведения от него требуются нередко весьма значительные усилия, чтобы противостоять своим желаниям, привычкам, негативному влиянию окружения или, наоборот, проявить внимательность и волю для недопущения неосторожных преступлений.

В умеренных дозах страх как раз и является тем катализатором, который способен мобилизовать положительную активность, внимательность и волевой контроль личности. Поэтому, рассчитывая на мобилизующее действие страха перед уголовным наказанием, всегда нужно помнить приведенное высказывание И.Шевелева, ибо за некоторыми пределами возрастания социального страха начинают проявляться исключительно негативные и даже разрушительные его стороны.

Лучшее запоминание опасных или неприятных событий как результат эмоционального состояния страха важно для специально предупредительного действия уголовного наказания. Многочисленные наблюдения психиатров подтверждают, что условно-рефлекторные связи, возникающие на почве страха в связи с имевшими место неприятными или опасными событиями, в том числе и с фактом отбывания уголовного наказания (психологи еще называют их «якорями»), сохраняются на многие годы.¹⁰ И неважно, что внешне, порой даже для самого человека, претерпевшего ранее тяготы и лишения от уголовного наказания, память о страхе от наказания сгладилась и поблекла. В любом случае вытесненный из сознания страх не пропадает совсем, он только «погружается» в глубины подсознания, всплывая оттуда ночью в снах или днем в определенных обстоятельствах, как-то

связанных с той ситуацией, когда этот страх возник впервые. При этом сила и устойчивость таких воспоминаний напрямую зависят от интенсивности испытанного страха. Поэтому нельзя забывать, что положительное влияние страха в виде закрепления в памяти воспоминаний о неприятных переживаниях, связанных с понесенным наказанием, может при достижении таких воспоминаний большой устойчивости и силы значительно осложнять жизнь человека, способствуя сохранению в психике осужденного сильных негативных переживаний, а значит, продолжению страданий.

Третье положительное действие страха заключается в возможности для человека действовать в ситуации неопределенности, приспособиться к существованию в информационно неопределенной среде. При общей принципиальной ясности установленного под страхом наказания уголовно-правового запрета такой запрет ничего не говорит лицу, претерпевшему уголовное наказание, как конкретно он должен вести себя в ситуации, провоцирующей его на совершение преступления. Тут на помощь может прийти третье действие страха перед уголовным наказанием – бурная эмоциональная реакция может помочь найти подходящий способ непроступного поведения в ситуации, когда у личности недостаточно для этого соответствующего социального опыта, навыков и знаний. И может, на первый взгляд, такое реагирование избыточно и неэкономно, зато оно предотвращает пропуск действительно важного сигнала или подходящего варианта поведения, игнорирование которого может стоить человеку очень дорого.

Отрицательное значение страха проявляется гораздо более широко и разнообразно, чем положительное. Страх может держать человека в постоянном напряжении, порождать неуверенность в себе и не позволять личности реализоваться в полную силу. Он сковывает активность человека, а в выраженных случаях буквально парализует его; при длительном действии тревоги и страха в организме могут возникать и развиваться различные психосоматические болезни. Если человека некоторое время держать в постоянном страхе, его личность претерпевает необратимые изменения. Он начинает бояться всего, во всем видеть потенциальную опасность. Духовные запросы и моральные нормы отходят на второй план, а главной целью жизни становится стремление любой ценой избежать пугающей ситуации.¹¹

И опять мы должны заметить, что если бы перед уголовным наказанием стояли только цели предупреждения преступлений, понимаемые как запугивание действительных и возможных

преступников, тогда негативное действие страха перед наказанием не имело бы значения. Но если мы хотим, чтобы преступник вернулся в нормальное общество, стал его полноправным и нормальным членом, мы не можем превращать его в жалкое, запуганное, психически и физически больное существо. Поэтому эмоциональное действие уголовного наказания на осужденного в виде страха имеет весьма узкое позитивно-прикладное значение. При этом, с одной стороны, в настоящее время, видимо, невозможно полностью отказаться от использования запугивающего действия уголовного наказания, а с другой – необходимо хорошо осознавать отрицательные последствия для личности такого действия уголовного наказания и использовать его по принципу строжайшей экономии уголовной репрессии.

Наказание создает в психике осужденного напряжение, которое неприятно ему и, следовательно, стремление избежать, освободиться от этого состояния и внешних причин, его вызывающих. Однако, понуждая человека избегать внешних обстоятельств, вызывающих неприятное психическое состояние, само это состояние ничего не говорит о путях преодоления действия этих обстоятельств. Поэтому состояние страха перед наказанием может преодолеваться не только путем позитивно-нормативного поведения, демонстрирующего готовность не совершать новых преступлений, но и стремления избежать наказания путем побега или заболевания, привыкания к тем ограничениям и лишениям, которые составляют содержание наказания, а также создания социальных неформальных структур в сообществе осужденных, что хорошо известно в учреждениях, исполняющих наказания, связанные с лишением или ограничением свободы.

Для того чтобы неприятное состояние в психике осужденного для него было контрмотивом совершенному им преступлению, в его сознании должна быть очень прочная и понятная ему связь между его негативными переживаниями и совершенным преступлением. Добиться такой связи в сознании преступника очень даже не просто, чаще дело заканчивается страхом перед наказанием, но не страхом перед совершением преступления, что, понятно, не одно и то же. Все, кто профессионально имеет дело с назначением и исполнением наказания, должны хорошо понимать, что если мы используем наказание как контрмотив совершенному преступлению, то в психике осужденного мы сталкиваем два различных мотива – мотив совершенного им преступления и мотив назначенного ему наказания.

При такой постановке вопроса нужно как минимум очень хорошо разобраться в тех побудительных причинах, которые привели человека к совершению преступления, ибо без этого невозможно вообще назначить правильное наказание, а как необходимый максимум – объяснить, продемонстрировать осужденному, в чем была упречность его мотивировки, а следовательно, и самого совершенного преступления. Без этого осужденный не примет уголовное наказание как действительно заслуженное, связанное с совершенным им преступлением, а в силу этого он будет скорее избегать самого наказания, но не преступления. Уголовное наказание в этом случае не будет в его психике контрмотивом совершению нового преступления.

Мобилизирующее действие страха перед неприятными психическими переживаниями, вызванными отбыванием уголовного наказания, ограничено. Оно ограничено во времени после отбывания наказания, поскольку неприятные воспоминания постепенно стираются в сознании лица под напором новых впечатлений и переживаний.

Но оно должно быть ограничено во времени и при исполнении наказаний, поскольку длительное состояние страха постепенно подавляет активность личности и делает из нее тупого безвольного раба. Состояние чрезмерного страха перед наказанием также часто приводит не к активно-позитивному поведению личности, а тормозит ее активность, подавляет не только антиобщественные формы поведения, но и любую позитивную деятельность. В этом смысле, добиваясь несовершения преступлений под страхом наказания, мы всегда рискуем отбить у наказанного лица всякую охоту к самостоятельному активному поведению. А ведь активное свободное поведение человека есть его природное свойство и основное право, следовательно, страх перед наказанием «убивает» некоторые системообразующие качества полноценной свободной личности, поэтому в результате применения наказания всегда существует риск разрушения и деградации личности.

Акцент на преимущественное использование страха в качестве контрмотива совершению преступлений всегда провоцирует того, кто применяет наказание, сильнее заблокировать те приятные ощущения и переживания, которые преступник получил в результате совершения преступления. Это желание объясняется простым логическим соображением: сильнее страх – меньше желания совершить новое преступление. Это так, но, как мы уже указали, в этом случае не только меньше желания совершить преступление, но и меньше желания вообще что-либо

делать, даже хорошее. Результат такого процесса – деградация личности, подвергшейся воздействию уголовного наказания. При этом мы сейчас не обсуждаем другие негативные последствия ужесточения наказания, которые сказываются на всем облике общества, его нравственности и психическом здоровье.

Чрезмерное наказание, имеющее целью с помощью страха посылнее заблокировать желание совершать новые преступления, нередко вызывает обратную реакцию осужденного – озлобление, недоверие и даже ненависть к правоприменительным органам и лицам, работающим в них, а также ко всей деятельности государства и обществу в целом. Это происходит от того, что усиленное наказание для усиленного страха чрезмерно умаляет свойства личности, в той или иной мере заложенные в нее «от рождения» – стремление к свободе, справедливости, активности и творчеству. И тогда – либо рабская покорность в результате сильной деградации личности, либо открытый или тайный бунт личности против всех.

Но эти ограничения и лишения, эти страдания и есть путь к нормальному поведению, возразит вдумчивый читатель, и будет прав. Но лишь отчасти. Ибо приведение личности в законопослушное состояние с помощью уголовного наказания по своей природе очень похоже на лечение больного с помощью яда. Все знают, что яд смертелен или крайне опасен для здоровья, но примененный в строго определенных случаях и в строго определенной дозе яд способен излечить больного. И ни один квалифицированный доктор или нормальный больной не будет использовать лекарство по принципу «большее количество и интенсивнее действие – быстрее и надежнее выздоровление». Однако в отношении наказания, к сожалению, пока распространено иное мнение. Опросы общественности и профессионалов пока показывают одну общую тенденцию – очень многие считают, что нужно строже наказывать, нужно больше полномочий по применению наказания.¹²

Да, наказание по своей природе – это травмирующее воздействие на личность, но именно поэтому это воздействие должно быть строго дозировано. Только соответствующая содеянному и личности виновного мера делает наказание лекарством, и мера эта должна определяться на основе знания того, что может хорошего и плохого сделать наказание. Стремление наказать посылнее, чтобы «и ему, и другим неповадно было», в основе своей имеет представление о преступнике как о «чужом», противопоставление его обществу и

незнание, а порой и нежелание разобраться в действительных причинах, которые привели его к совершению преступления, и механизмах, с помощью которых его можно вернуть в нормальное состояние.

В основе современной теории уголовного наказания лежит представление о преступнике как о члене общества, но не враге его или изгое, от которого нужно просто освободиться. Абсолютное противопоставление преступника и общества ведет в конечном счете к осуществлению карательной практики, направленной на освобождение общества от преступных элементов, а значит, в открытом или завуалированном виде к уничтожению преступников как врагов общества.

Конечно, в смысле психологической защиты от чувства ответственности за существование преступности и преступников это самый простой и эффективный путь – убедить себя, что это только они сами виноваты в том, что случилось, вот пусть сами и получают по заслугам. Но преступность и преступники – плоть от плоти, – продукты самого общества, а значит, обходиться с ними надо как с членами общества, если оно не хочет саморазрушиться.

О СОДЕРЖАНИИ И ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Калугин А.Г.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

Как известно, освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства в лице его правоохранительных органов от официального порицания действий лица, совершившего преступление, когда порицание предполагается в форме обвинительного приговора и наказания виновного с неизбежным правовым последствием – судимостью. Однако прежде чем решать вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела, необходимо установить факт совершения данным лицом преступления. Лишь после того, как установлена вина субъекта, должен решаться вопрос об индивидуализации ответственности.¹

Однако освобождение от уголовной ответственности только тогда можно признать обоснованным и справедливым, когда оно, с одной стороны, не препятствует охране прав и свобод личности, всего правопорядка от преступных посягательств, а с другой – способствует исправлению виновного лица, предупреждению новых преступлений, одним словом, когда оно соответствует задачам уголовного законодательства и позволяет достичь целей наказания без его реального применения.²

Детальный анализ с этой точки зрения содержания соответствующих правовых норм и осмысление практики их применения позволяют сделать вывод о том, что многие из предусмотренных нормами Особенной части УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности сформулированы неудачно, некорректно³; кроме того, не всегда адекватным является их толкование в правоприменительной практике.

В частности, примечание к ст.126 УК РФ (похищение человека) не учитывает повышенной общественной опасности данного преступления при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч.ч.2 и 3 указанной статьи. Интересно, что аналогичные нормы уголовного законодательства других государств (Франции, ФРГ, Испании, Польши) предусматривают лишь смягчение наказания при наличии соответствующих оснований, но не полное освобождение от уголовной

ответственности.⁴ Это касается и других специальных оснований, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления, в первую очередь, террористической направленности (примечания к ст.ст.205, 205-1, 206, а также к ст.275 УК РФ).

Кроме того, непонятно, по каким причинам для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст.126 и 206 УК РФ, в примечаниях к этим статьям законом установлено специальное основание освобождения от уголовной ответственности – в случае добровольного освобождения заложника или похищенного лица, а ст.127 УК РФ «Незаконное лишение свободы», предусматривающая смежный состав преступления, такого примечания не имеет.

Примечание к ст.275 УК РФ (распространяющееся также на ст.ст.276 и 278) расплывчато; обязательность освобождения от уголовной ответственности установлена безотносительно к тяжести последствий уже совершенных виновным лицом действий; формулировка «своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации» неконкретна, содержит лишь оценочные понятия, тогда как обязательность освобождения от уголовной ответственности, как правило, устанавливается в тех случаях, когда основание для этого поддается более или менее строгой формализации. Если же стимулируемое общественно полезное посткриминальное поведение не может быть элементарно обозначено и его оценка доверяется правоприменяющему органу, соответствующая норма должна быть сформулирована диспозитивно не как обязанность, а как возможность, право соответствующего государственного органа освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности.⁵

Вызывает серьезные сомнения целесообразность сохранения в УК примечания к ст.205 УК РФ «Терроризм» в действующей редакции. Описанные в этом примечании позитивные действия связаны со стадией приготовления к преступлению (акту терроризма) и направлены на его предотвращение. Если лицо, участвовавшее, скажем, в качестве пособника в подготовке террористического акта, своими активными действиями (например, путем своевременного сообщения органам власти) на стадии приготовления успело предотвратить его совершение, то нет необходимости применять норму, содержащуюся в примечании к ст.205 УК РФ, так как в силу ст.31 УК РФ эти действия являются добровольным отказом; тем самым

исключается их преступность. Таким образом, по нашему мнению, содержание данного основания полностью совпадает с признаками добровольного отказа, перечисленными в ст.31 УК РФ, что ставит под сомнение целесообразность сохранения в уголовном законе данной нормы. Представляется, что на сегодняшний день эта норма уголовного законодательства выполняет, скорее, демонстрационную, пропагандистскую функцию, нежели имеет реальную правоприменительную перспективу.

В случае внесения изменений в ст.75 УК РФ и распространения ее действия на лиц, впервые совершивших преступления не только небольшой, но и средней тяжести (а такой законопроект в Государственной Думе рассматривается, тем более, что в ст.28 УПК РФ корреспондирующая норма уже имеется), утратит смысл существование норм, содержащихся в примечаниях к ст.198 и 307 УК РФ, поскольку эти статьи, а также ст.ст.194 и 199 предусматривают ответственность за преступления только небольшой или средней тяжести (за исключением ч.2 ст.199), а позитивные постпреступные действия, описанные в этих примечаниях, полностью охватываются диспозицией ч.1 ст.75 УК РФ и специальной нормы не требуют.

Что же касается ч.2 ст.199 УК РФ, то наличие такого квалифицирующего признака, как наличие судимости за аналогичное преступление, по нашему мнению, вообще должно исключать возможность применения каких-либо из оснований освобождения от уголовной ответственности, в том числе и специальных.

Освобождение от уголовной ответственности на основании ч.1 ст.75 УК РФ по общему правилу является правом, но не обязанностью следователя, органа дознания или прокурора, в то время как специальные основания, содержащиеся в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, предполагают обязательное освобождение лица от уголовной ответственности при выполнении какого-либо определенного условия, предусмотренного соответствующим примечанием. В этих случаях решение об освобождении от уголовной ответственности никак не зависит от усмотрения органов, осуществляющих предварительное расследование, прокурора или суда. Их обязанность в этом случае практически сводится лишь к установлению того, выполнено ли лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, все закрепленные в законе применительно к данному случаю условия освобождения от уголовной ответственности.⁶

Как отмечает В.А.Елеонский, отличительной особенностью такого рода уголовно-правовых норм является четкая

выраженность в них характера одобряемого законом поведения и уголовно-правового поощрения. Они всегда имеют двух адресатов. В отношении первого (лица, совершившего преступление) закон четко устанавливает характер и объем устраняемых или смягчаемых правовых последствий, а также содержит призыв к определенному индивидуально социально полезному постпреступному поведению. У второго (государства в лице органов дознания, следствия, прокурора и суда) возникает соответствующая обязанность осуществить предусмотренное законом уголовно-правовое поощрение. Таким образом, указанный автор приходит к выводу, что у гражданина возникает универсальное субъективное право требовать от государства уголовно-правового поощрения в специально предусмотренных законом случаях.⁷ Ю.В.Голик формулирует в этой связи принцип гарантированности уголовно-правового поощрения.⁸

Эту позицию разделяет В.М.Галкин.⁹ Он указывает, что призывы к определенному индивидуально социально полезному постпреступному поведению, содержащиеся, в частности, в специальных основаниях освобождения от уголовной ответственности, имеют именно нормативное значение, так как:

– поощряемому поведению придается характер юридического факта, обуславливающего возникновение указанных прав и обязанностей у субъектов поощрительного уголовно-правового отношения;

– тем самым призыв опирается на юридическую регламентацию поощрения;

– в случаях, когда адресат призыву последовал, а нормой установлена обязанность государства в лице его правоохранительных органов «ответить» на это поощрением, у адресата возникает субъективное право на поощрение;

– неисполнение обязанности поощрить влечет определенные правовые последствия (санкции) в виде оправдательного приговора или определения (постановления) о прекращении уголовного дела, направленного с обвинительным заключением в суд, а также ответственности должностных лиц правоохранительных органов за необоснованное привлечение гражданина к уголовной ответственности.

Именно безусловность, императивность абсолютного большинства специальных оснований освобождения от уголовной ответственности провоцирует практических работников на неверное, на наш взгляд, толкование этих норм.

Так, значительная часть специальных оснований, в том числе и примечание к ст.222 УК РФ, содержат оговорку «...если в

действиях лица не содержится признаков иного преступления». Поскольку никаких специальных указаний в законе не содержится, данное условие может быть истолковано достаточно широко, а именно: если лицо обвиняется в совершении нескольких преступлений (неважно, какая форма множественности преступлений имеет место – неоднократность, реальная или идеальная совокупность), соответствующее примечание к нему не может быть применено, и это лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности.

Однако Верховный Суд Российской Федерации, а следом и нижестоящие суды идут по иному пути.

Красноярским краевым судом П. осужден за умышленное убийство и по ч.2 ст.222 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в части осуждения по ст.222 УК РФ, так как П. сразу же после задержания раскаялся в содеянном, изъявил желание добровольно указать место, куда он выбросил орудие преступления – пистолет. При производстве дополнительного осмотра места происшествия с его участием он показал, куда после совершения преступления выбросил пистолет, что совпало с фактом действительного обнаружения и изъятия орудия преступления в этом самом месте при производстве первоначального осмотра места происшествия. Однако о том, что оружие уже найдено, подозреваемому в тот момент еще не было известно. Данное обстоятельство коллегия обоснованно признала добровольной сдачей.

Новосибирским областным судом К. осужден за убийство и незаконное приобретение и ношение газового оружия. По делу установлено, что ночью при задержании К. сотрудниками милиции он спрятал револьвер в кустах. Днем следующего дня сотрудники милиции стали выяснять причастность К. к разбойным нападениям. Тогда он сообщил об имевшемся у него револьвере и месте его нахождения. По требованию сотрудников милиции К. сам нашел револьвер в кустах, и он был изъят. Данные действия Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации расценила как добровольную сдачу.¹⁰

Во всех указанных случаях приговоры в части осуждения по ст.222 УК РФ отменены на основании примечания к данной статье, хотя в действиях осужденных имелись признаки и других преступлений, за которые они понесли наказание. При этом в судебных решениях излагаются следующие мотивы: факт совершения иного преступления, не связанного с незаконным хранением и ношением оружия, для применения примечания к ст.222 УК РФ значения не имеет.¹¹

Очевидно, указание в примечаниях данного условия является излишним, так как при освобождении от уголовной ответственности на основании специальной нормы это лицо в силу ст.8 УК РФ в любом случае будет нести уголовную ответственность за другое преступление, профилактическая же эффективность специального основания из-за различного толкования упомянутого условия может снижаться. Достаточно указать в соответствующих примечаниях «освобождается от уголовной ответственности за данное преступление», а оговорку «если в его действиях не содержится состава иного преступления» исключить.¹²

Весьма сомнительным представляется расширительное толкование многими практиками понятия добровольности выдачи предметов, запрещенных к обращению, данного в п.10 (второй абзац) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года №9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает считать добровольной сдачей наркотических средств и психотропных веществ (в качестве одного из обязательных условий освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст.228 УК РФ), в частности, выдачу их по предложению следователя перед началом производства в помещении выемки или обыска.¹³

Представляется, что в данном случае самим Верховным Судом Российской Федерации понятие добровольности толкуется неоправданно широко.

Как справедливо отмечает В.В.Кальницкий, если при производстве обыска, осуществляемого не с целью отыскания оружия или наркотических средств, лицо по предложению следователя выдает эти предметы (о которых ранее не было известно), то имеет место добровольная сдача как условие освобождения от уголовной ответственности за их незаконное хранение и использование. Если же в уголовном деле имелись сведения о нахождении в помещении оружия или наркотиков, и обыск производился с целью их обнаружения и изъятия, «добровольная» выдача объектов, регулируемая ч.5 ст.182 УПК РФ, «...не может быть приравнена к добровольной сдаче в уголовно-правовом значении»¹⁴.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ»

от 25 июня 1996 г.¹⁵ свидетельством добровольности сдачи является факт выдачи или сообщения о местонахождении соответствующих предметов органам власти при наличии реальной возможности их дальнейшего хранения, то есть в ситуации, когда о наличии таких предметов или об их точном местонахождении органам власти неизвестно.

Рассмотрев в кассационном порядке дело в отношении Г., осужденного Прохоровским районным судом по ч.1 ст.222 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Белгородского областного суда приговор отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления по следующим основаниям: не установлен умысел на незаконное приобретение и хранение боеприпасов, боеприпасы добровольно выданы работникам милиции.

Однако при этом не было учтено, что боеприпасы обнаружены в сейфе у осужденного в ходе проверки порядка хранения им охотничьего оружия, перед осмотром сейфа ему разъяснялась возможность добровольной выдачи незаконно хранящихся оружия и боеприпасов, однако Г. отрицал наличие у него таковых. После обнаружения у него боеприпасов к нарезному оружию он предлагал работникам милиции вознаграждение, чтобы они не придавали этот факт огласке.

В связи с указанными обстоятельствами решение кассационной инстанции отменено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации как незаконное.¹⁶

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил необоснованное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации о прекращении уголовного дела в отношении лиц, осужденных по ч.3 ст.126 УК РФ.

Как видно из приговора, потерпевший был освобожден только после того, как написал расписку о возврате «долга» в размере 50 тыс. долларов. Кроме того, суд первой инстанции указал в приговоре, что, хотя потерпевшего отпустили из квартиры до получения выкупа, это не свидетельствует о добровольном его освобождении, так как преступники были осведомлены, что их ищет милиция, а выкуп имеется, в связи с чем после освобождения потерпевшего по телефону напоминали об обязательстве выплатить деньги.¹⁷

Однако в судебной и следственной практике по делам о незаконном обороте наркотических средств ситуация складывается иначе. В качестве «добровольной» расценивается и выдача наркотиков при задержании лица с поличным при их

приобретении или сбыте, а также выдача во время обыска, когда подозреваемый уже осознает неизбежность обнаружения наркотических средств.

Абсолютно порочной и не основанной на законе представляется, к сожалению, весьма широко распространенная (при попустительстве некоторых беспринципных либо недостаточно профессионально подготовленных представителей судейского корпуса и прокуратуры) практика применения примечания к ст.228 УК РФ к лицам, голословно утверждающим, что они имели намерение добровольно выдать изъятое у них наркотическое средство (как правило, «случайно найденное»), но не успели, а сотрудники милиции перед доставлением в ОВД или досмотром не предложили им это сделать.

Обязанность следователя или дознавателя предложить добровольно выдать незаконно хранящиеся у лица предметы, изъятые из свободного обращения, предусмотрена только ч.5 ст.182 УПК РФ, регламентирующей порядок производства обыска. Ни один нормативный правовой акт не содержит правила, согласно которому сотрудники правоохранительных органов обязаны всем подряд всюду и везде предлагать что-то добровольно выдать.

Показательным в этом плане является уголовное дело в отношении сотрудника исправительного учреждения П., который приобрел с целью сбыта свыше 30 г высушенной марихуаны и в кармане пытался пронести наркотическое средство в охраняемую жилую зону исправительной колонии для сбыта осужденным. Во время движения по территории исправительного учреждения он был остановлен сотрудниками оперативного отдела колонии, которые, удерживая его за руки, повели в служебное помещение для производства досмотра. При этом П. произнес следующую фразу: «Все, все ... Взяли вы меня. У меня в кармане лежит...». В ходе досмотра марихуана была обнаружена и изъята. Городской суд вынес оправдательный приговор, указав, что в действиях П. усматривается добровольная выдача и активное содействие раскрытию преступления. При этом суд отметил, что осуществить выдачу заготовленных свертков с наркотиками физически П. не смог, так как его руки удерживали оперативные сотрудники, которые не предложили ему выдать наркотики добровольно. По протесту прокурора оправдательный приговор был отменен и П. Осужден.¹⁸

Представляется, что добровольная выдача предметов, изъятых из свободного обращения (наркотики, оружие, боеприпасы), возможна лишь до возбуждения по данному факту

уголовного дела в отношении лица, незаконно распоряжавшегося ими, либо до начала применения к такому лицу каких-либо мер уголовно-процессуального или административного принуждения, при реализации которых обнаружение указанных предметов становится неизбежным. Этому же лицу должна принадлежать инициатива явки или сообщения в правоохранительные органы с целью выдачи этих предметов. Если же заявление о намерении добровольно выдать, например, огнестрельное оружие, последовало только после задержания (доставления) лица и обнаружения при нем запрещенных к обращению предметов, то такое заявление не может быть основанием освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, если уголовное дело возбуждается на основании материалов оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой был задокументирован факт сбыта наркотических средств, после чего в жилище подозреваемого в сбыте производится обыск, добровольная выдача перед началом этого обыска незаконно хранящихся остатков нереализованного наркотического средства не является основанием для автоматического освобождения лица от уголовной ответственности за уже совершенный сбыт.

В противном случае любой торговец наркотиками каждый раз при предъявлении ему постановления о производстве обыска может незамедлительно заявить о намерении добровольно выдать незаконно хранящиеся у него наркотические средства с единственной целью – избежать уголовной ответственности, причем проделывать это он может столько раз, сколько раз правоохранительные органы будут пытаться его изобличить.

В действительности добровольно выдают незаконно приобретенные наркотические средства лишь лица, привлеченные к участию в оперативно-розыскных мероприятиях по изобличению сбытчиков наркотиков. В отношении такого лица должно приниматься решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления (а именно преступного умысла), так как приобретение наркотического средства осуществлялось с единственной целью – выявление и изобличение преступника. Если же лицо, привлеченное к конфиденциальному сотрудничеству, перед этим незаконно приобрело для личного потребления наркотическое средство, то уголовное дело по данному факту с учетом последующего участия данного лица в оперативно-розыскных мероприятиях действительно подлежит прекращению на основании примечания к ст.228 УК РФ и ч.2 ст.28 УПК РФ, то есть в связи с деятельным раскаянием. Причем в этих случаях добровольной сдачи наркотического средства чаще всего

вообще не бывает, и лицо освобождается от уголовной ответственности за активное содействие выявлению и пресечению другого преступления – сбыта наркотических средств, которое уже само по себе является весомым проявлением деятельного раскаяния, достаточным для освобождения лица от уголовной ответственности на основании примечания к ст.228 УК РФ.

Когда же наркотики обнаруживаются и изымаются у граждан при их доставлении в органы внутренних дел, а вовсе не по их инициативе, говорить о добровольности сдачи вообще не приходится.

Обвиняемые и их защитники на основании такой «добровольной» выдачи наркотических средств практически всегда заявляют ходатайства о прекращении уголовного дела. Однако сама по себе добровольная выдача наркотика еще не является достаточным основанием для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела. Таковым она становится только в совокупности с иными активными действиями, направленными на раскрытие или пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, изобличение лиц, их совершающих. На это прямо указано в примечании к ст.228 УК РФ и названном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Весьма примечательным в этой связи является то обстоятельство, что в примечании к ст.206 УК РФ, где идет речь об освобождении заложника, законодателем подчеркнута разница между понятиями «добровольно» и «по требованию властей». Однако это единственное из специальных оснований в Особенной части УК РФ, где этот нюанс специально оговорен. Представляется, что в ряде других примечаний этот прием законодательной техники также следовало бы употребить во избежание диаметрально противоположных толкований понятия добровольности. Многие из опрошенных нами сотрудников органов предварительного следствия и дознания особо обращают внимание на необходимость точного и конкретного определения понятия «добровольная сдача» именно на законодательном уровне.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

Алфимова О.А.
Сибирский юридический институт
МВД России

Правовая норма, закрепленная в ст.81 УК РФ и регулирующая вопросы освобождения от наказания по болезни, прошла в своем историческом развитии достаточно длительный путь.

Впервые самостоятельная норма об освобождении от уголовного наказания в силу болезни преступника упоминается в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года.¹ Так, в главе 2 «О наказаниях», отделении «О замене одних наказаний другими», в ст.93 говорится, что «преступники, одержимые такими неизлечимыми болезнями, в коих они не могут, без явной опасности для их жизни, быть подвергаемы наказаниям телесным, освобождаются от наказания плетьюми, розгами или палками, и те из них, которые по роду и степени вины подлежали бы вместе с сим наказанием еще другому, приговариваются лишь к сему последнему; а те, коих следовало бы подвергнуть только одному телесному наказанию, присуждаются вместо того или к заключению в рабочем доме, или же к содержанию в тюрьме на время, определяемое судом по его усмотрению. Роды и виды сих болезней означены в особом, высочайше утвержденном постановлении Медицинского совета МВД».

Следует отметить, что в указанной статье основанием для освобождения от «телесных наказаний» является не психическое расстройство лица, совершившего преступление, поскольку о «безумии или сумасшествии» таких лиц говорится в ст.98 названного Уложения, а речь идет о других «неизлечимых болезнях».

Немаловажно отметить и то, что норма, предусмотренная в ст.93 Уложения 1845 года, имеет особую конструкцию, что по сути определяет и ее правовую природу. В ч.1 указанной статьи говорится об освобождении «преступника», страдающего «неизлечимой болезнью» от одного из приведенных в норме телесных наказаний (плетей, розги или палки), если применение такого наказания «явно опасно для жизни». Далее во ч.2 статьи законодатель предусматривает возможность замены «телесного наказания» другим видом или назначения ему такого наказания, которое «по роду и степени вины» должно соответствовать первому.

Таким образом, Уложение 1845 года не предусматривало окончательного освобождения «преступника» от телесного

наказания в связи с его болезнью, а лишь указывало на возможность его замены на более мягкое.

Позднее, в «Уставе уголовного судопроизводства» 1864 года², в разделе 6 «Об исполнении уголовных приговоров», в главе 3 данного раздела, предусматривающей порядок исполнения приговоров, в ст.959 было закреплено положение о том, что «из правила о немедленном исполнении приговора допускается следующее изъятие: в случае болезни осужденного, препятствующей исполнению над ним личного наказания, оно отлагается до его выздоровления».

Свое дальнейшее историко-правовое развитие норма об освобождении от наказания в связи с болезнью лица, совершившего преступление, получила в первых правовых актах периода становления Советской Власти в России. В них более четко определяется суть психического заболевания, наступившего у лица после совершения преступления, также говорится о возможности освобождения не только от уголовной ответственности, но и от наказания, выделяются стадии, на которых возможно освобождение от наказания по болезни.

Одним из первых правовых актов указанного периода были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года³, где в главе 3 «О преступлении и наказании» в ст.14 было закреплено положение о том, что «суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета о своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и меры предосторожности».

Как видно из рассматриваемой нормы, Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. в качестве отдельной категории лиц выделяет тех, кто в момент совершения преступления находился «в состоянии душевного равновесия», но к моменту приведения приговора в исполнение страдал таковой. Такие лица в соответствии со ст.14 не подлежали наказанию.

Позднее, в 1922 году, был принят первый в истории советского государства УК РСФСР.⁴ В разделе 2 «Общие начала применения наказания» в ст.17 было закреплено аналогичное положение, практически повторяющее содержание ст.14 Руководящих начал 1919 года.

По смыслу ст.17 УК РСФСР 1922 г. освобождение от наказания лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления, являлось окончательным и

безусловным, так как данный закон не оговаривал уголовно-правовых последствий для указанных лиц после их выздоровления.

Не содержал самостоятельной нормы об освобождении от наказания лиц в связи с болезнью и УК РСФСР 1926 года.⁵ Названный закон, так же как и предыдущие, говорил о «лицах, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью». К ним могли применяться «меры социальной защиты медицинского характера». К таким мерам УК РСФСР 1926 года относил принудительное лечение и помещение в специальное лечебное заведение в соединении с изоляцией.

Параллельно с развитием уголовного законодательства некоторые положения, связанные с отсрочкой исполнения приговора в связи с болезнью осужденного, получили свое закрепление в Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 годов.

Так, ст.471 УПК РСФСР 1922 года⁶ оговаривала, что «отсрочка приведения в исполнение приговора допускается в нижеследующих случаях: 1) при болезни осужденных, препятствующей отбытию ими наказания, таковое отлагается до его выздоровления...».

Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года⁷ предусматривал возможность освобождения такой категории осужденных условно-досрочно. При этом остается непонятным вопрос, чем руководствовался законодатель того времени, закрепив по сути материальную норму в уголовно-процессуальном законе.

Многие вопросы, связанные с отбыванием наказания осужденных, страдающих теми или иными видами заболеваний, регулировались исправительно-трудовым законодательством и различного рода подзаконными актами. Так, в постановлении ВЦИК 1919 года №20 «О лагерях принудительных работ» в п.25 (б)⁸ было указано, что «заключению в лагеря принудительных работ не подвергаются лица, страдающие хроническими болезнями и органическими недостатками, делающими их совершенно не способными к труду». Кроме того, в постановлении ВЦИК и СНК от 06.09.1926 года «Об организации принудительных работ без содержания под стражей»⁹ в п.11 говорилось, что «в случае невозможности назначения на принудительные работы вследствие хронической болезни или инвалидности, удостоверенных медицинским свидетельством, учреждения, ведающие принудительными работами, возбуждают перед органом, вынесшим соответствующий приговор или

постановление, ходатайство о замене принудительных работ другой мерой...».

Анализ данных нормативных актов приводит к выводу, что болезнь осужденного являлась основанием для освобождения лишь от принудительных работ как уголовного наказания, но не от других его видов. Это связано прежде всего с тем, что в указанное время труд был заложен в основу исправления и перевоспитания осужденных при отбывании любого наказания.

Проводя дальнейший анализ и изучение норм уголовного законодательства, можно сказать, что УК РСФСР, принятый в 1960 году, так же, как и прежний Закон, не содержал самостоятельной нормы об освобождении от наказания в связи с болезнью.

По-своему этот пробел восполнил УПК РСФСР 1960 года.¹⁰ Так, в ст.362 речь шла о психическом расстройстве или иной тяжелой болезни осужденных как основании освобождения их от отбывания наказания. Фактически данная норма закрепляла еще один самостоятельный вид освобождения от уголовного наказания, которого не было в УК РСФСР, принятого в это же время. Такая позиция законодателя долгое время оспаривалась многими представителями науки, однако предложение ученых о перенесении рассматриваемой статьи в Уголовный кодекс не было реализовано вплоть до принятия ныне действующего УК РФ.

Кроме того, норма об освобождении от наказания в связи с болезнью была также закреплена в ИТК РСФСР 1970 года¹¹, где в ст.100 говорилось о праве суда освободить осужденного, заболевшего хронической душевной или иной тяжелой болезнью, от дальнейшего отбывания наказания.

Перечень тяжких заболеваний, о которых шла речь в статьях 362 УПК РСФСР и 100 ИТК РСФСР, был закреплён в отдельном ведомственном акте 1967 года, куда вошли более 20-ти видов болезней, включая психические расстройства. Указанный перечень претерпел существенные изменения по форме и по содержанию, в настоящее время действует приказ МЗ РФ и Минюста РФ от 09.08.2001г. №311/242 «Об освобождении от отбывания наказания осужденных к лишению свободы в связи с тяжелой болезнью»¹².

На современном этапе развития уголовного законодательства вопросы, связанные с освобождением от наказания в связи с болезнью, регулируются самостоятельной нормой, закреплённой в ст.81 УК РФ 1996г. При этом немаловажно отметить, что указанная норма впервые за всю историю развития российского уголовного законодательства получила свое закрепление именно в Уголовном кодексе, чего не было ранее. Кроме того,

рассматриваемые вопросы регулируются УИК РФ 1997 г. (ст.ст.172, 175) и УПК РФ 2001 г. (ст.ст. 396-399).

Таким образом, проследив основные этапы в развитии уголовно-правовой нормы об освобождении от наказания по болезни в рамках отечественного уголовного законодательства, можно прийти к некоторым основным выводам:

1. С момента принятия «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и на протяжении всего периода становления и развития советского уголовного законодательства сохранялась тенденция применения нормы об освобождении от наказания по болезни в том или ином виде. При этом данная норма на разных этапах ее развития и применения не имела самостоятельного уголовно-правового значения и не закреплялась в правовых источниках в качестве отдельного вида освобождения от наказания.

2. На современном этапе норма об освобождении от наказания в связи с болезнью, закрепленная в ст.81 УК РФ 1996 года, получила самостоятельный уголовно-правовой статус как отдельный вид освобождения от уголовного наказания, где в качестве основания освобождения наряду с психическими расстройствами указаны иные тяжелые болезни.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Попкова Е.А.
Сибирский юридический институт
МВД России

Сравнивая отечественные и зарубежные подходы к правовой регламентации принудительных мер медицинского характера в отношении психически больных лиц, можно отметить их совпадение по большинству параметров. В основном национальное законодательство зарубежных стран предусматривает освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших противоправное деяние в состоянии невменяемости, и применяет к ним меры безопасности в виде принудительного лечения в специальном медицинском учреждении.

Так, в Уголовном кодексе Республики Болгария, также как и в российском уголовном законодательстве, существуют нормы, предусматривающие принудительные меры медицинского характера, применяемые в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или пришедших в такое состояние до вынесения приговора или во время отбывания наказания. Согласно ст.89 УК Болгарии принудительное лечение душевнобольных может осуществляться путем: передачи такого лица близким, принявшим обязанность по обеспечению его лечения под наблюдением психоневрологического диспансера; лечение в общем психоневрологическом учреждении и лечение в специальной психиатрической больнице или в специальном отделении общего психоневрологического учреждения.¹ Основаниями помещения на принудительное лечение в общее психоневрологическое учреждение и специальную психиатрическую больницу являются психическое состояние и характер совершенного общественно опасного деяния, необходимость в больничном уходе и лечении в принудительном порядке, а также опасность лица для общества или для своих близких соответственно. В специальной психиатрической больнице лицо содержится под усиленным надзором, исключающим возможность совершения нового общественно опасного деяния. Каждые шесть месяцев с момента помещения в медицинское учреждение суд рассматривает вопрос о продлении, изменении либо прекращении принудительного лечения.

В уголовном праве Польши принудительные меры медицинского характера терминологически обозначаются как «меры безопасности». Согласно ст.93 УК Польши суд может назначить меру безопасности, связанную с помещением в закрытое учреждение тогда, когда необходимо предотвратить совершение лицом нового противоправного деяния, связанного с его психическим заболеванием, умственной отсталостью. Лицо помещается в психиатрическое учреждение, если оно, находясь в состоянии невменяемости, совершило запрещенное деяние, представляющее значительную общественную вредность, и если имеется высокая вероятность совершения им другого противоправного деяния. Продолжительность пребывания в психиатрическом учреждении заранее не устанавливается. По результатам лечения суд может вынести постановление об освобождении лица в случае его выздоровления или такого улучшения психического здоровья, при котором отпадает необходимость дальнейшего пребывания лица в данном

учреждении. Однако при наличии обстоятельств, свидетельствующих о потенциальной опасности освобожденного лица, суд вправе постановить о его возвращении в психиатрическое учреждение.

В уголовном праве Нидерландов аналогом принудительных мер медицинского характера к психически больным, предусмотренных российским законодательством, является заключение под стражу в психиатрическую больницу и помещение на принудительное лечение. Так, согласно ст.37 УК Нидерландов, лицо, которое не может нести ответственность за совершение уголовного правонарушения по причине имеющихся у него недостатков в умственном развитии или душевной болезни, представляет опасность для себя, других лиц или общей безопасности людей и собственности может быть помещено по распоряжению судьи в психиатрическую больницу на срок в один год. Кроме того, судья может направить обвиняемого, который во время совершения правонарушения отставал в умственном развитии или страдал душевной болезнью, на принудительное лечение, если эти действия в соответствии с законом могли повлечь наказание в виде тюремного заключения на срок четыре и более года или относились к серьезным преступлениям, предусмотренным ст.37а УК Нидерландов, а также если безопасность других лиц или общая безопасность людей или собственности требует, чтобы такая мера была назначена.² Лица, помещенные на принудительное лечение, находятся в учреждениях, определенных министром юстиции: либо в частных учреждениях под управлением юридического лица, созданного в Нидерландах, либо в государственном учреждении. Максимальный срок пребывания на принудительном лечении не должен превышать четырех лет, кроме случаев, когда такое лечение назначено за преступление против жизни и здоровья человека.

Уголовным кодексом Дании предусмотрено, что к лицам, которые во время совершения преступления не отдавали себе отчет в своих действиях в связи с психическим заболеванием или состоянием, сравнимым с психическим заболеванием, а также к психически неполноценным лицам в тяжелой форме применялось помещение в больницу для психически больных или в учреждение для лиц с тяжелыми психическими отклонениями, или в учреждение для получения необходимого ухода и заботы (в соответствии с параграфом 68 УК Дании).³

По уголовному праву Швеции к лицу, страдающему психическим расстройством и совершившему преступление, за

которое санкция не может быть ограничена штрафом, применяется судебно-психиатрическое попечение в психиатрическом учреждении, сочетающееся с лишением свободы и другими принудительными мерами.⁴

По уголовному праву Германии к психически больным, совершившим противоправное деяние, применяются «меры исправления и безопасности» двух видов: связанные с лишением свободы в виде помещения лица в психиатрическую больницу и не связанные с лишением свободы вследствие установления надзора за ними. В соответствии с параграфом 63 УК ФРГ лицу, совершившему противоправное деяние в состоянии невменяемости или уменьшенной вменяемости, судом назначается помещение в психиатрическую больницу, если, исходя из общей оценки лица, можно ожидать от него серьезных противоправных деяний, и поэтому оно опасно для общества. Однако если суд назначает помещение в психиатрическую больницу, но одновременно постановляет об условной отсрочке этих мер, в случае особых обстоятельств, дающих основания полагать, что цель этой меры может быть достигнута и без нее, то над таким лицом обязательно устанавливается надзор.⁵

По уголовному праву Швейцарии принудительные меры медицинского характера к психически больным включаются в меры безопасности как меры, применяемые к душевнобольным. Согласно ст.43 УК Швейцарии суд может вынести предписание о помещении душевнобольного, совершившего деяние, за которое возложено наказание каторжной тюрьмой или тюремным заключением, в лечебное учреждение или приют, если указанному лицу требуется врачебное наблюдение или особый уход. Целью данной меры является предотвращение или уменьшение опасности совершения новых противоправных деяний.⁶ Режим мер безопасности, применяемый к душевнобольному в Швейцарии, определяется степенью его опасности. Так, если больной не представляет угрозы для общества, то судья может направить его на амбулаторное лечение. Однако, если больной общественно опасен, то судья выносит распоряжение о применении к нему интернирования в специальном учреждении. Кроме того, если амбулаторное лечение не достигнет цели, и больной будет представлять опасность для общества, то на основании распоряжения судьи лицо направляется в лечебное учреждение или приют.

По уголовному праву Испании принудительные меры медицинского характера к психически больным терминологически обозначаются как «меры безопасности, предусматривающие

лишение свободы». Согласно ст.101 УК Испании лицу, освобожденному от наказания в связи с невменяемостью, может назначаться мера безопасности, предусматривающая лечение в учреждении, соответствующем его психической аномалии. Кроме того, для лиц, страдающих слабоумием, предусмотрено помещение в специальное образовательное учреждение, а несовершеннолетних лиц, совершивших противоправное деяние в состоянии невменяемости, помещают в специальное воспитательное учреждение. Продолжительность срока нахождения в данных учреждениях не должна превышать срока наказания в виде лишения свободы, который мог бы быть указан в приговоре суда за совершение данного деяния. Если лицо в состоянии невменяемости совершило противоправное деяние, наказание за которое не предусматривает лишение свободы, то суд или трибунал выносят решение об амбулаторном лечении на срок не более пяти лет.

В США принудительное лечение душевнобольных лиц применяется достаточно широко, причем в каждом штате данные меры терминологически обозначены по-разному, например «изоляция дефективных правонарушителей». Причем уголовные кодексы штатов, как правило, не содержат нормы, регламентирующие данный правовой институт. Данное законодательное регулирование осуществляется с помощью принятия специальных законов о психически больных лицах. Например, дефективным правонарушителем (согласно закону штата Мэриленд) считается тот, кто путем демонстрации упорного, отягченного, антисоциального и преступного поведения подтверждает свою склонность к уголовно наказуемой деятельности, а также в отношении которого признано, что он страдает умственной недостаточностью или такой эмоциональной неуравновешенностью, которая свидетельствует о действительной опасности для общества, и требуются изоляция и воздействие на основании неопределенных приговоров.⁷ Изоляция дефективных правонарушителей осуществляется в отношении невменяемых и ограниченно вменяемых лиц, причем продолжительность изоляции заранее не устанавливается. Данные лица содержатся в специальных лечебных учреждениях до полного выздоровления или до тех пор, пока они не перестанут быть опасными для общества.⁸

По уголовному праву Англии меры безопасности применяются в отношении невменяемых, совершивших противоправные деяния, в виде помещения их по решению суда в специальное психиатрическое заведение. Продолжительность

содержания в учреждении заранее не устанавливается и во многом предопределяется успешностью лечения.

Однако не все зарубежные государства в уголовном праве предусматривают принудительное лечение психически больных лиц, совершивших общественно опасное противоправное деяние. Так, например УК Китайской Народной Республики предусматривает лишь обязанность членов семьи и опекунов усилить контроль за ними и обеспечить их лечение.⁹ Уголовный кодекс Японии также не предусматривает никаких принудительных мер к этой категории лиц. Однако административными властями Японии, на основании Закона о психиатрической гигиене и благосостоянии психически уязвимых лиц (1950), при наличии опасности, что психически уязвимые лица нанесут себе повреждения или ущерб другим людям, они могут быть помещены в определенные психиатрические лечебные учреждения даже без их согласия и причастных к ним лиц.¹⁰

Итак, на основании изученного зарубежного опыта было бы целесообразно в российском уголовном праве определить систему мер уголовно-правового воздействия, включив в их число, наряду с другими мерами принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных. Кроме того, необходимо определить правовую природу принудительных мер медицинского характера через категорию «мер безопасности», приведя их в определенную систему¹¹. Меры безопасности в настоящее время признаны и восприняты всеми законодательными системами и занимают в них прочные позиции, причем не только в континентальном, но и в общем праве.¹²

Также следует дополнить содержание ст.99 УК РФ «Виды принудительных мер медицинского характера» следующими видами, характерными для уголовно-правовой системы зарубежных стран, такими как передача на попечение психически больных лиц близким, принявшим на себя обязанность по обеспечению их лечения (Болгария, Китай) и помещение лиц, страдающих слабоумием, в специальное образовательное учреждение (Испания).

II. ВОПРОСЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ступина С.А.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

Вымогательство является довольно сложным по своим юридическим признакам преступлением и имеет ряд специфических черт. Вместе с тем данный состав преступления имеет и много общего с некоторыми посягательствами. Вследствие этого остановимся на наиболее актуальных как в теории, так и на практике проблемах отграничения вымогательства от смежных составов преступлений.

Наиболее сложным для правоприменительной практики является отграничение вымогательства от насильственного грабежа и разбоя, что подтверждается судебной практикой не только местной, но и Верховного Суда РФ¹, а также является дискуссионным вопросом в доктрине уголовного права России².

В отличие от других составов преступлений угроза насилием в основном составе вымогательства (ч.1 ст.163 УК РФ) не конкретизируется, то есть это угроза любым физическим насилием, за исключением случаев, когда эта угроза реализуется и вымогательство совершается с применением насилия (ч.2 ст.163 УК РФ) или с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (ч.3 ст.163 УК РФ), предусмотренных в качестве квалифицированного и особо квалифицированного признаков. Все это усложняет содержание общественно-опасного деяния и сближает эти составы вымогательства с составом насильственного грабежа и разбоем.

Проводя разграничение между вымогательством, с одной стороны, и грабежом и разбоем – с другой, обычно указывают на два различия сопоставляемых преступлений. Первое связывают с предметами этих преступлений, второе – с содержанием психического насилия.³

Понятно, что наиболее сложна проблема в случае вымогательства чужого имущества, так как при требовании права

на имущество, совершения действий имущественного характера ситуация упрощается.

Сложности возникают тогда, когда содеянное выражается в требовании передачи чужого имущества, сопровождавшемся физическим насилием или угрозой применения такого насилия.

Решение данной проблемы, как отмечается большинством современных авторов, обусловлено моментом передачи имущества, моментом предполагаемой реализации угрозы насилием и моментом применения насилия.

Сразу же необходимо указать на один существенный аргумент, который импонирует автору. Если подходить к различию между вымогательством и насильственным грабежом и разбоем с точки зрения способа перехода имущества от потерпевшего к виновному (вымогательство предполагает передачу имущества самим потерпевшим, грабеж и разбой – непосредственное завладение виновным имуществом потерпевшего с помощью насилия либо угрозы его применения), то нельзя не заметить, что здесь за основу взято обстоятельство, которое отсутствует среди признаков состава вымогательства, имеющего формальный состав. Таким образом, в данном случае при отграничении преступления взят за основу критерий, лежащий за пределами его состава. Однако правоприменитель, имея дело с признаками состава, установленными законодателем, вправе полагать, что существенные отличия преступления данного вида кроются в его законодательных признаках.

В соответствии с этим при анализе смежных с вымогательством составов преступлений по моменту передачи имущества и моменту предполагаемой реализации угрозы насилием смысловая нагрузка в этих признаках должна ложиться на момент совершения преступления, то есть на время предъявления требования, подкрепленного угрозой. Поэтому можно учитывать только то, что преступник предполагает при высказывании угрозы. Только в таком аспекте будет более правильно анализировать содержание психического насилия.

Следует учитывать и указания, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 года «О судебной практике по делам о вымогательстве», где в п.2 дается следующая рекомендация: «Решая вопрос об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием, судам следует учитывать, что если при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, то при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с

совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, тогда как при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем.

В то же время следует иметь в виду, что если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, то при наличии реальной совокупности преступлений эти действия должны дополнительно квалифицироваться в зависимости от характера примененного насилия, как грабеж или разбой»⁴.

Исходя из изложенного ряд авторов и основывался при разграничении сопоставляемых преступлений на том, что насилие при вымогательстве является средством подкрепления угрозы.⁵

Другие же ученые отвергают данный тезис, указывая, что объективно сложно установить, с какой целью применено насилие: чтобы подкрепить угрозу или непосредственно с целью получения требуемого. При этом указывается, что нужно исходить из направленности угрозы насилием: при вымогательстве угроза насилием направлена на получение имущества в будущем, а не в момент применения угрозы.⁶

Однако Пленум Верховного Суда СССР в п.13 постановления от 5 сентября 1986 года «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» рекомендовал квалифицировать как вымогательство «насилие или угрозу его применения, направленные на получение имущества в будущем, а равно предъявленное потерпевшему требование о немедленной передаче имущества под угрозой применения в будущем насилия к нему самому или к его близким, при отсутствии признаков нападения»⁷.

Таким образом, из разъяснений, данных в постановлении, видно, что при определенных условиях как вымогательство может квалифицироваться и требование передачи имущества немедленно в момент посягательства.

Также отметим, что вызывает сомнение правильность утверждения, что ключевым моментом, позволяющим разграничить вымогательство от насильственного грабежа и разбоя, является факт наличия возможности у злоумышленника непосредственно изъять имущество: при грабеже и разбое потерпевший даже мешает переходу имущества, а при вымогательстве без потерпевшего к имуществу нет доступа. Именно это положение детерминирует разрыв во времени между требованием передачи и передачей имущества. На первый взгляд вполне рациональный подход, однако не всегда с ним можно согласиться.

Поэтому, на наш взгляд, более удачным критерием является то, что передача имущества при вымогательстве – это выбор потерпевшего. Осознавая незаконность требований вымогателя, имея возможность поступить по-иному, потерпевший, тем не менее, передает ему имущество. О том, что это именно выбор, свидетельствует временной промежуток, достаточный для того, чтобы потерпевший рассмотрел ряд альтернатив и выбрал именно эту. Так, разбой характеризуется угрозой немедленного применения насилия, и альтернативы здесь нет. При вымогательстве, помимо указанных вариантов, реально есть еще один, более «безболезненный», например, обратиться в органы внутренних дел в период предоставленного вымогателем промежутка времени.

Указание позволяет констатировать, что неубедительно утверждение об объективной сложности установления цели применения насилия, поскольку на практике целесообразно рассматривать отграничение в совокупности с тем, как было указано, что при вымогательстве у потерпевшего есть выбор. Кроме этого, в реальной ситуации рассматриваемый вопрос должен решаться исходя не только из слов или действий субъекта, но и из других конкретных обстоятельств: место, время, обстановка, наличие реальных условий для немедленного осуществления угрозы и т.п., а также необходимо детально анализировать действия виновного не только в ходе совершения преступления, но и после этого. Если угроза физическим насилием или его применением использовалась не для завладения имуществом преступником, а для того, чтобы добиться передачи имущества самим потерпевшим в будущем, содеянное следует квалифицировать как вымогательство. Угроза насилием или же само насилие выступает в таких случаях средством принуждения потерпевшего к определенному, выгодному для преступника поведению потерпевшего.

Поэтому думается, что при разграничении вымогательства от насильственного грабежа или разбоя следует учитывать и направленность угрозы насилием, и то, с какой целью применяется насилие.

При этом отметим, что некоторые авторы несколько ограничительно трактуют само назначение физического насилия при вымогательстве. По их мнению, оно служит средством мести за отказ удовлетворить незаконные притязания.⁸ На наш взгляд, назначение физического насилия при вымогательстве шире. Оно может применяться не только из мести за отказ удовлетворить имущественные требования, то есть после того, как угроза

насилием не возымела желаемого воздействия на потерпевшего, но и до того, как он выскажет отношение к этому требованию, уже при первоначальном его предъявлении или даже предшествовать ему во времени. Физическое насилие в составе вымогательства может выполнять двойную функцию: во-первых, функцию самостоятельного средства принуждения; во-вторых, функцию своеобразной угрозы применения более тяжкого насилия в случае отказа выполнить требование вымогателя, то есть являться средством демонстрации серьезности намерений преступника.

Поскольку «будущее время» распространяется и на то время, которое охватывает период сразу же после предъявления требований и угроз, постольку учет этого времени не может стать самостоятельным критерием отграничения вымогательства от грабежа и разбоя. В этом плане указание законодателя в составе разбоя на такой признак, как нападение, является весьма существенным.

Распространена при сопоставлении вымогательства с грабежом и разбоем точка зрения, согласно которой основным критерием признается момент реализации угрозы. В этом плане следует согласиться, что «разграничение грабежа и вымогательства только по моменту приведения угрозы насилием в исполнение, по меньшей мере, применимо к так называемым классическим, общим случаям, когда преступник требует передачи имущества и, спустя определенное время, приводит угрозу в исполнение за отказ потерпевшего выполнить его требование. В иных случаях разграничение данных составов по одному этому признаку могло приводить к неверной квалификации содеянного, и поэтому практика пошла здесь по несколько иному направлению. Встречались случаи, когда виновный угрозу насилием приводит в исполнение не спустя определенное время, а сразу после отказа передать имущество, но при обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии у него умысла на открытое хищение»⁹.

Рассматриваемые составы различны и по содержанию субъективной стороны: при грабеже и разбое виновный стремится сам завладеть имуществом, при вымогательстве он имеет целью принудить потерпевшего к передаче ему определенных ценностей. К тому же, если грабитель или разбойник преследуют цель завладеть наличными вещами лица, подвергнувшегося посягательству, то вымогатель чаще всего требует передачи имущества, которого при потерпевшем нет. Но бывают случаи, когда имущество может находиться у потерпевшего в момент вымогательства, и он, испугавшись осуществления угрозы, сразу

же передает имущество, которое вымогатель требует передать в будущем. Тем не менее это не исключает квалификации содеянного как вымогательства.

Так, правильно осужден приговором Свердловского районного суда г. Иркутска по ч.1 ст.163 УК РФ Н., который, угрожая К. уничтожением его автомашины, требовал от потерпевшего, занимающегося перевозкой грузов на личном грузовике, передачи ему «налога» – определенной суммы денег ежемесячно. Испугавшись приведения угрозы в исполнение, потерпевший сразу же передал Н. имеющиеся у него деньги.¹⁰

Подводя итог рассмотрению отграничения вымогательства от насильственного грабежа и разбоя, полагаем необходимым указать наиболее существенные признаки сопоставления, которые следует при квалификации учитывать в совокупности. Это момент окончания преступного посягательства, цель применения насилия, направленность угрозы насилем. В дополнении к этим основным критериям следует учитывать и наличие альтернативности в поведении потерпевшего, а также способ перехода имущества. Хотя последние признаки и лежат за рамками состава вымогательства, тем не менее на практике они способствуют более правильному решению спорных вопросов при отграничении вымогательства от насильственного грабежа и разбоя.

Нередки случаи, когда органами следствия действия обвиняемых квалифицируются как вымогательство, а суды переквалифицируют их на самоуправство. И хотя сложностей в разграничении этих составов преступлений вроде бы нет, проблемы все же существуют. В последнее время на практике они возникают все чаще, поскольку в условиях несовершенной судебной и исполнительной системы, не способной обеспечить защиту интересов физических и юридических лиц, кредиторы вынуждены, чтобы истребовать долг или законные выплаты, сами обращаться к должникам с требованием выполнить обязательства, сопровождая свои вполне законные требования различными угрозами или насильственными действиями, либо кредиторы для подобного «выбивания» приглашают своих друзей, охранные агентства, знакомых чиновников, а то и просто «братков». Последние в свою очередь восполняют в правовом поле брешь, принося, как правило, реальную пользу тем, кто обратился.

Согласно ст.163 УК РФ предметом вымогательства является чужое имущество, то есть такое, на которое виновный не имеет ни предполагаемого, ни действительного права. Поэтому требование передачи собственного имущества, в частности, сопровождаемое угрозами или насильственными действиями, предусмотренными

ст.163 УК РФ, не может быть квалифицировано как вымогательство. Такое деяние представляет собой самоуправство.¹¹

Нередко при вменении самоуправства суды исходят из доказанности показаний подсудимых о том, что они добивались либо путем получения денег, которые им должен потерпевший, либо вымогатель предполагает, что имеет право на истребуемые деньги. Все эти ситуации объединены стремлением лица осуществить свое действительное или предполагаемое право посредством совершения действий, содержащих в себе признаки, сходные с объективной стороной вымогательства. Для вымогательства характерна корыстная цель. В случае, когда требуют свое имущество у потерпевшего-должника, следует исходить из смысла ст.330 УК РФ – самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актам порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или каким-либо гражданином, если такие действия причиняют существенный вред. Квалифицированным признаком данная статья называет деяние, совершенное с применением насилия или угрозой его применения.

Таким образом, становится ясно, что основным дифференцирующим критерием самоуправства и вымогательства является правовой статус имущества или имущественных прав, на которые направлены требования сторон. Правовой статус имущества или имущественных прав – это категория гражданско-правовая и существует достаточно большое количество ситуаций, когда для правильной квалификации действий виновного лица необходимо апеллировать к гражданскому праву для установления правового статуса предмета преступления.

Поэтому обратимся к гражданскому законодательству для получения ответов на некоторые вопросы. Сразу же укажем на существующую коллизию уголовного и гражданского законодательства, которая заключается в том, что характеристика имущества как чужого в уголовном законе не вполне соотносится с понятием общей собственности. Не ясны различия между вещными правами и требованиями, вытекающими из обязательств. Последнее кажется тонкостью, но оказывается существенным при так называемом «выбивании долгов». Следует решить, является ли долг чужим имуществом или имеет место осуществление гражданином по своему усмотрению принадлежащего ему гражданского права. Для этого прежде всего необходимо установить категорию гражданских прав, которые не могут носить

оспоримый характер. Это в первую очередь право собственности и иные вещные права, такие как сервитуты, право пожизненного наследуемого участка земли и права неограниченного пользования и владения земельным участком. Это право не может быть спорным, так как на основе определенных документов оно закрепляется за конкретным человеком и может быть передано только этим человеком при обязательном условии регистрации в государственных или муниципальных органах.¹² То есть всегда существует возможность проверить принадлежность того или иного права конкретному лицу.

А вот группа гражданских прав, возникающая из гражданско-правовых договоров и обязательств, по которым не передается право собственности, может носить спорный характер. Следовательно, первым этапом при квалификации деяний, содержащих как признаки вымогательства, так и самоуправства, необходимо выяснить характер правового статуса имущества или имущественных прав. Если право принадлежит конкретному человеку или юридическому лицу, но не виновному, то квалифицировать как самоуправство это деяние уже нельзя.

Другая проблема в контексте рассматриваемого связана с тем, что когда виновный, осуществляя свое действительное или предполагаемое право с нарушением установленного законом порядка, требует вернуть свое имущество или эквивалент его, то все понятно – это самоуправство. А если он «включил счетчик»?

Думается, по этому вопросу должен высказать свою позицию Верховный Суд РФ. В научной же литературе данный вопрос решается по-разному.

Так, некоторые предполагают, что при требовании «процентов по несвоевременно возвращенным капиталам» необходимо исходить из официально существующих процентных ставок, поскольку с их точки зрения нельзя отрицать реальное причинение ущерба в результате несвоевременного возвращения долга.¹³

Однако существует и такая точка зрения, согласно которой, если «включение счетчика» не было оговорено сторонами заранее, и требование носит односторонний характер, то оно осознается лицом, его выдвигающим, как неправомерное, образуя состав вымогательства.¹⁴

Вновь следует обратиться к гражданскому законодательству.

Согласно, например, ст.332 ГК РФ кредитор вправе требовать уплаты неустойки, определенной законом (законной неустойки), независимо от того, предусмотрена ли ее уплата соглашением сторон. Также ст.393 ГК РФ определяет: «Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или

договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, – в день предъявления иска». Отсюда, на наш взгляд, и вытекает требование предполагаемой суммы, превышающей стоимость имущества на индекс реальной инфляции, а также процентов по долгу в соответствии с учетной ставкой банковского процента на день исполнения денежного обязательства (ст.395 ГК РФ). Налицо оспариваемое право.

Еще один вопрос, который можно решить с помощью обращения к гражданскому законодательству, заключается в оценке анализируемых действий, которые совершает не сам кредитор, а нанятые им для этого другие лица. Так, например, ряд авторов полагают, что в действиях этих лиц содержатся все признаки вымогательства.¹⁵ Действия же кредитора в таком случае надлежит квалифицировать как самоуправство и подстрекательство к вымогательству либо его организацию.

Позволим себе не согласиться с данным мнением, основываясь на том, что согласно главе 24 «Перемена лиц в обязательстве» кредитор может передать свое право (требование), принадлежащее ему на основании обязательства, другому лицу (уступка требования). При этом ее юридическая неформальность не исключает само право. Указанное и дает нам основания для вменения таким лицам самоуправства, а не вымогательства.

В последние годы вымогатели нередко прибегают к такому действенному способу подкрепления требования, как похищение или незаконное лишение свободы.

В этих случаях возникает вопрос, нужно ли квалифицировать содеянное по совокупности со ст.126 УК РФ «Похищение человека» или ст.127 УК РФ «Незаконное лишение свободы», а в каких случаях следует применить эти конкурирующие нормы.

В данном случае следует обратиться за разъяснением к постановлению Пленума Верховного Суда от 4 мая 1990 года №3 «О судебной практике по делам о вымогательстве», где сказано, что «под насильем следует понимать ... насильственные действия ... в отношении потерпевшего, связанные ... с ограничением свободы ...»¹⁶.

Если мы обратимся к нормам уголовного законодательства, предусматривающим ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы, то увидим, что ст.126 УК РФ включает такой квалифицирующий признак, как похищение человека, совершенное из корыстных побуждений. В свою очередь ст.127 УК РФ не содержит рассматриваемый признак. Указанное

должно учитываться при квалификации рассматриваемых преступлений.

Корыстная мотивация при похищении человека трактуется не только как похищение, сопряженное с вымогательством. К тому же корыстный вид похищения человека не охватывает всей совокупности отношений, определяющих право собственности. Следовательно, вымогательство как корыстное преступление не может охватываться указанным квалифицирующим признаком похищения человека, как это рассматривается некоторыми авторами.¹⁷ Думается, что в случаях, когда похищение человека сопряжено с вымогательством имущества, права на имущество, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч.2 ст.126 УК РФ и ст.163 УК РФ. Действительно также и то, что вымогательство, являясь преступлением против собственности, не может поглотить посягающее на свободу человека его похищение.

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ РЕГУЛЯТИВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСПОЗИЦИЙ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ» НОРМ УК РФ

Шишко И.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Красноярского
государственного университета

Детерминированность «экономических» норм УК РФ¹ регулятивными нормами лежит в основе *всего процесса регулирования охранительных отношений* и, прежде всего, стадии формирования и действия уголовно-правовых норм.

Исследование норм главы 22 УК РФ через призму соответствия их диспозиций регулятивным нормативным правовым актам, действовавшим во время принятия этого Кодекса, позволяет констатировать, что в целом уголовно-правовые нормы конструировались с их учетом. *Учет экономического регулятивного законодательства* проявился не только в том, что все «экономические» нормы УК РФ были направлены на обеспечение *действовавших* регулятивных нормативных правовых актов, но и в описании в диспозициях некоторых норм неисполнения *конкретных* обязанностей или, наоборот, *нарушения конкретных* запретов, установленных указанными актами. Так, в ст.ст.169-171, 172, 178, 185, 185¹, 188-190, 192, 193, 195, 197 УК

РФ деяния описаны не обобщенно, а заключаются в неправомерном отказе в государственной регистрации или уклонении от нее, отказе в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности или уклонении от его выдачи, внесении в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждении содержащего такую информацию проспекта эмиссии или отчета об итогах выпуска ценных бумаг, уклонении от сдачи на аффинаж или обязательной продажи государству добытых из недр, полученных из вторичного сырья, а также поднятых и найденных драгоценных металлов или драгоценных камней, невозвращении из-за границы средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством РФ обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк РФ и т.д. Такие описательно-бланкетные диспозиции свидетельствуют об изучении и анализе законодателем соответствующих нормативных правовых актов, «вычлениении» запретов или обязанностей, нарушение (неисполнение) которых наиболее вредоносно.

Вместе с тем некоторые нормы главы 22 УК РФ оказались *частично* рассогласованными с действовавшим регулятивным законодательством. Полагаем, что главной причиной этого было не игнорирование соответствующих регулятивных норм, а рассогласованность в самом регулятивном законодательстве того времени. Базовый для рыночного законодательства нормативный правовой акт – ГК РФ (ч.1), за исключением отдельных положений, вступил в силу только с 1 января 1995 г. и ввиду значительной новизны потребовал немало времени на уяснение его норм. Это продолжительное уяснение, в свою очередь, затянуло процесс осмысления действовавших к моменту принятия ГК РФ других регулятивных нормативных правовых актов на предмет их соответствия базовому акту. На этот регулятивно-правоосмыслительный период и пришелся этап активной разработки нового Уголовного кодекса РФ, что не могло не сказаться на некоторых признаках составов «экономических» преступлений.

Так, согласно диспозициям ст.ст.196 и 197 УК РФ субъектом преднамеренного и фиктивного банкротства могут быть руководители только *коммерческих* организаций, хотя в соответствии со ст.65 ГК РФ несостоятельными могут быть признаны *не только коммерческие организации*, но и юридические лица, действующие в форме потребительского кооператива либо благотворительного или иного фонда. Ограничение круга руководителей, осуществляющих управленческие функции исключительно в коммерческих организациях, с нашей точки

зрения, можно объяснить лишь тем, что разработчики банкротских норм УК РФ опирались на Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г.², который интерпретировал предприятие как юридическое лицо, занимающееся *предпринимательской деятельностью*, то есть деятельностью, нацеленной на получение прибыли (п.1 ст.1 Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 г.³). Исходя, видимо, из того, что наличие такой цели в качестве основной позволяет относить организации к коммерческим, «авторы» диспозиций ст.ст.196 и 197 УК РФ и не упомянули в них иные организации, могущие быть признанными банкротами по ГК РФ 1994 г.

Несоответствие ряда положений Федерального закона «О несостоятельности...» 1992 г. ГК РФ лежит, полагаем, в основе включения в «банкротские» уголовно-правовые нормы и признака «собственник коммерческой организации (организации-должника)». Очевидно, что заинтересованными в совершении деяний, предусмотренных ст.ст.195-197 УК РФ, наряду с руководителями могут быть и физические лица – учредители. Однако в отличие от Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (бывшего базой для Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г., на основе которого, в свою очередь, как отмечалось, разрабатывались ст.ст.195-197 УК РФ) ГК РФ, как правило, не признает учредителей собственниками имущества юридического лица. Собственниками имущества хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, потребительских кооперативов (ст.116 ГК РФ) либо фондов (ст.118 ГК РФ) являются сами эти организации, которые, как известно, субъектами преступления по УК РФ не являются, а их руководители уже названы в диспозиции ст.195 (а руководители хозяйственных товариществ, обществ и производственных кооперативов – и в ст.ст.196, 197 УК РФ).

Право собственности на имущество не принадлежит только унитарным предприятиям (ст.113 ГК РФ), однако к категории собственников *имущества* должников (а не организаций-должников, как указано в диспозициях ст.ст.195-197 УК РФ) по новому гражданскому законодательству относятся только государство, субъекты РФ или муниципальные образования, которые также не являются субъектом преступления по УК РФ. По тому же основанию не могут быть субъектом и органы государственной власти РФ или субъекта РФ либо органы местного самоуправления, осуществляющие права собственника

имущества унитарного предприятия от имени Российской Федерации, субъектов РФ или муниципальных образований.

Регулятивному законодательству, с нашей точки зрения, уже в момент «создания» частично не соответствовала диспозиция ст.192 УК РФ. Эта статья устанавливает ответственность за уклонение от сдачи на аффинаж и продажи государству не только добытых из недр или полученных из вторичного сырья, но *поднятых или найденных* драгоценных металлов или драгоценных камней. Как известно, ответственность за бездействие предполагает наличие обязанности совершить определенные действия. Возлагалась ли такая обязанность на лиц, нашедших или поднявших драгоценные металлы или драгоценные камни?

Ответ на этот вопрос не очевиден, поскольку в законодательстве не определено понятие найденных и поднятых ценностей.⁴ По мнению Н.А.Лопашенко, под поднятыми и найденными драгоценными металлами и драгоценными камнями понимают самородки этих металлов (камней).⁵ Однако такие термины законодатель не использовал и применительно к самородкам.

А.Ашавская обоснованно считает найденными те драгоценные металлы, которые можно отнести к находке, поэтому, отмечает она, для установления обязанностей и прав нашедшего следует руководствоваться ст.ст.227-229 ГК РФ.⁶ С таким решением следует согласиться: именно в перечисленных статьях ГК РФ говорится о найденной вещи безотносительно к тому, что она собой представляет. Найденными, полагаем, можно считать и те драгоценные металлы или драгоценные камни, которые ГК РФ (ст.233) считает кладом. Существительное «обнаружение», о котором применительно к ценным предметам говорится в этой статье, является отглагольным от «обнаружить», а последний – синоним глагола «найти»⁷. Поскольку иного значения «найденным» и «поднятым» драгоценным металлам и драгоценным камням законодательство не придавало, разработчикам проекта ст.192 УК РФ следовало руководствоваться только перечисленными выше статьями Гражданского кодекса РФ.

Уклониться от *продажи* драгоценных металлов или драгоценных камней может только их собственник. Становится ли собственником этих ценностей лицо, нашедшее их? Как следует из ст.ст.227-229 ГК РФ, нашедший вещь приобретает на нее право собственности только в том случае, когда заявит о находке в милицию или в орган местного самоуправления и в течение шести месяцев с момента заявления лицо, уполномоченное получить

найденную вещь, не будет установлено или само не заявит о своем праве на вещь. Применительно к драгоценным металлам или драгоценным камням «необнаружение» управомоченного лица представляется маловероятным, но главное в другом. Ни на лице, нашедшем потерянную вещь, ни на том, кому принадлежит имущество, где был обнаружен клад, ни на обнаружившем его лице не лежит обязанность сдавать драгоценные металлы на аффинаж либо продавать их (или драгоценные камни) государству. В соответствии с п.2 постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации»⁸ от 30 июня 1994 г. №756 (действовавшего в период разработки и принятия УК РФ) Комитету РФ по драгоценным металлам было предоставлено *преимущественное право покупки* (обеспечиваемое и ст.192 УК РФ) слитков золота и серебра, во-первых, только у *пользователей недр*, то есть у предприятий, а также физических лиц, зарегистрированных в качестве предпринимателей (п.2 Положения о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации⁹) и *добывающих*, а не находящихся драгоценные металлы. Во-вторых, это преимущественное право должно было (и этот порядок воспроизведен в Федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях») закрепляться в договорах купли-продажи с *предварительным авансированием*. Как видно, преимущественному праву государства покупки драгоценных металлов и в то время не корреспондировала обязанность лиц, нашедших эти металлы, сдавать их на аффинаж или продавать государству.

Примером частичного несоответствия регулятивному законодательству, действовавшему в момент принятия УК РФ, является и разновидность предмета квалифицированной контрабанды – «стратегически важные сырьевые товары» (ч.2 ст.188 УК РФ).

Постановление Правительства РФ от 26 июня 1992 г. №434 «Об утверждении Перечня стратегически важных сырьевых товаров, экспорт которых осуществляется предприятиями и организациями, зарегистрированными Министерством внешних экономических связей Российской Федерации» в 1995 г. было признано утратившим силу¹⁰. Правда, до 10 апреля 1996 г. действовал п.4 постановления Правительства РФ от 1 июля 1994 г. №758 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования экспорта товаров и услуг»¹¹, содержавший ссылку на приложение №3 к этому постановлению, в котором также были предусмотрены стратегически важные сырьевые товары. Однако к

моменту принятия УК РФ Госдумой (24 мая 1996 г.) в регулятивном законодательстве не было норм¹², устанавливающих, какие товары относятся к стратегически важным сырьевым, в отношении которых предусмотрены специальные правила перемещения через таможенную границу.

Детерминированность уголовно-правовых норм регулятивными влечет разные правовые последствия в указанных случаях.

Статьи 196, 197 УК РФ вопреки гражданскому законодательству не могут быть применены к случаям преднамеренного или фиктивного банкротства в потребительских кооперативах и фондах¹³, т.е. «охватывают» *не все случаи преднамеренного и фиктивного банкротства*. Часть последних остается без *надлежащей* уголовно-правовой оценки. Однако указанные «банкротские» нормы УК РФ *полностью применимы*, так как описывают деяния, целиком «размещенные» в «зоне противоправного».

Несоответствие регулятивному законодательству в других случаях влечет *частичное неприменение* соответствующих норм: ч.2 ст.188 УК РФ – в отношении стратегически важных сырьевых товаров; ст.ст.195-197 УК РФ – в отношении собственника коммерческой организации; ст.192 УК РФ – в отношении лиц, нашедших драгоценные металлы или драгоценные камни.

Однако в двух первых случаях уголовно-правовые нормы «не выходят» за пределы противоправного. Так, в первом случае при превышении стоимости перемещаемого предмета пятисот минимальных размеров оплаты труда меняется только квалификация контрабанды: необходимо инкриминировать ч.1 ст.188 УК РФ. Если стоимость перемещаемого предмета ниже указанной, контрабанда переходит в разряд административных деликтов.

Во втором случае вследствие придания новым гражданским законодательством понятию «собственник коммерческой организации» иного содержания он перестал отвечать признакам субъекта в уголовном законодательстве. Однако, если бы законодатель в диспозициях «банкротских» норм это понятие и заменил на *представителя собственника имущества должника* (так именуется лицо, уполномоченное собственником имущества должника в новом Федеральном законе «О несостоятельности...»), то и тогда бы уголовно-правовые нормы «объявили» преступлением только то, что с позиции регулятивного законодательства хотя и *противоправно*, но не может быть преступным: согласно ст.10 Федерального закона «О

несостоятельности...» на собственника имущества должника – унитарного предприятия может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам, но к уголовной ответственности могут быть привлечены *только* руководитель должника – физическое лицо, члены органов управления должника – физические лица, а также должник – гражданин.

В третьем случае уголовно-правовая норма признала преступным *непротивоправное* бездействие – неисполнение обязанности, не возлагаемой регулятивным законодательством на лиц, нашедших драгоценные металлы или драгоценные камни.

Как видим, рассогласование «экономических» уголовно-правовых и регулятивных норм влечет последствия либо в виде невозможности дать надлежащую уголовно-правовую оценку противоправным и общественно-опасным деяниям (что *не отражается* на применении уголовно-правовой нормы), либо в виде иной уголовно-правовой (или иной деликтно-правовой) квалификации содеянного, либо в виде отсутствия признаков состава преступления (в последних случаях это *отражается* на применении соответствующих уголовно-правовых норм).

Детерминированность уголовно-правовых норм регулятивными диктует необходимость законодательной реконструкции диспозиции первых и тогда, когда рассогласование было «заложено» уже в их моделях, и тогда, когда оно возникло после принятия уголовно-правовых норм либо уже в период их действия.

Обратимся к ч.1 ст.171¹ УК РФ, установившей ответственность за совершение ряда альтернативных действий с предметами, подлежащими обязательной маркировке, в том числе, знаками соответствия. Этот знак был введен постановлением Правительства РФ от 17 мая 1997 г. №601 «О маркировании товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок»¹⁴, которое в 2002 г. было отменено¹⁵, и, следовательно, обязанность маркировать определенные товары знаками соответствия регулятивным нормативным правовым актом была снята. Подобное изменение в регулятивном законодательстве обуславливает необходимость исключения из диспозиции ч.1 ст.171¹ УК РФ слов «или знаками соответствия»: исчезновение обязанности делает беспредметным ее уголовно-правовое обеспечение.

Однако ни это, ни иные изменения, требующиеся в связи с рассогласованием норм Уголовного кодекса РФ с регулятивными нормами, своевременно не вносятся. Хроническое запаздывание в

«настройке» уголовно-правовых норм на новое регулятивное законодательство требует более глубокого рассмотрения вопроса о «статусе» норм УК РФ, устанавливающих ответственность за нарушение запретов или неисполнение обязанностей, частично либо полностью отмененных регулятивными нормами либо не закреплявшихся в них вовсе.

Мы отмечали, что эти нормы становятся частично или полностью неприменимыми. Как правовое последствие неприменимость возникает либо в момент вступления в силу новой регулятивной нормы (акта), сужающей или отменяющей запрет (обязанности) в тех общественных отношениях, которые охраняются соответствующей уголовно-правовой нормой, либо в момент вступления в силу Уголовного кодекса РФ (иных федеральных законов, вносящих изменения или дополнения в этот Кодекс), если «рассогласование» произошло до этого момента (на этапе разработки уголовно-правовой нормы, ее принятия либо после этого, но до вступления закона, содержащего эту норму, в силу).

Поскольку «правовые нормы являются не самоценностью, а лишь основанием для возникновения прав у конкретных субъектов»¹⁶, то норма, не конституирующая ни у кого прав, а, следовательно, и корреспондирующих им обязанностей (в нашем случае права применять наказание либо иные меры государственного принуждения к лицу, совершившему преступное деяние), «не имеет правовой ценности (не относится к праву)»¹⁷. У неприменимой нормы остается только правовая «оболочка».

Это обстоятельство позволило нам более десяти лет назад утверждать¹⁸, что, к сожалению, в научной и учебной литературе исследуется только такое основание прекращения действия уголовного закона, как издание нового, заменившего ранее действовавший, то есть специально изданного для *охраны* тех же отношений. По своей *сущности* полное или частичное неприменение уголовно-правовой нормы, не соответствующей регулятивной, практически не отличается от ее отмены (изменения), поэтому разделы учебников, посвященные действию уголовного закона во времени, следовало бы дополнить таким основанием утраты уголовно-правовой нормой силы (*пусть и фактической!*), как несоответствие ее регулятивным нормативным правовым актам, исключаящим или изменяющим (сужающим) объем запрета или обязанности, обеспечиваемых этой нормой УК РФ.

Казалось бы, неприменение норм УК РФ, не соответствующих регулятивным и расширяющим «зону противоправного», делает излишним беспокойство по поводу этого несоответствия, тем более что заключительные разделы крупных регулятивных нормативных актов содержат коллизионные нормы такого содержания: «С момента введения в действие настоящего Федерального закона нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, применяются постольку, поскольку они не противоречат настоящему Федеральному закону»¹⁹.

Однако неприменение относится к области должного, которая не вполне совпадает с областью сущего. И этому есть ряд объективных причин.

Прежде всего, как мы отметили, несоответствие уголовно-правовых норм регулятивным в части охраны или обеспечения отмененных (несуществующих) запретов либо обязанностей не изучается в рамках учебной дисциплины «Уголовное право». Во-вторых, далеко не все регулятивные нормативные акты «снабжены» аналогичными приведенной коллизионными нормами. В-третьих, содержание иноотраслевых коллизионных норм иногда

ограничено указанием на неприменение не всех противоречащих новому Федеральному закону нормативных правовых актов, а только регулятивных. В-четвертых, проверка нормы УК РФ на соответствие охраняемым ею регулятивным актам (а в сфере экономической деятельности они отличаются сложностью и подвижностью) – дело далеко не простое. Не случайно законодатель определяет, в какой части ранее принятые акты не противоречат новому закону, иногда спустя годы. А. Касаткин применительно к установлению норм, соответствующих Федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и, следовательно, действующих в период после вступления его в силу, отмечает, что определить это «бывает сложно даже специалистам»²⁰. Обратим внимание – «сложно для специалистов» в этой области законодательства, что уж говорить о криминалистах!

В условиях, когда правоприменители ни теоретически не готовы к такому основанию неприменения норм УК РФ, как их несоответствие регулятивным нормам, ни обязуются проверить их на соответствие вновь принятым регулятивным нормативным актам коллизионными нормами последних, а проверка соответствия оказывается «не по плечу» даже специалистам-отраслевикам, многие практические работники предпочтут применение сомнительных норм их неприменению: последнее им кажется еще более сомнительным. В корне изменить ситуацию может лишь внесение в Общую часть УК РФ «собственной» коллизионной нормы (в ст.9¹), устанавливающей применение норм УК РФ постольку, поскольку они не противоречат соответствующим регулятивным нормативным правовым актам.

О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст.186 УК РФ

Дремина М.А.

Байкальский государственный
университет экономики и права

Статья 186 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за совершение такого преступления, как фальшивомонетничество. Под фальшивомонетничеством понимается изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Данное преступление появилось одновременно с заменой натурального товарообмена денежным. Несмотря на достаточно суровые меры наказания, предусмотренные законодательством

практически всех стран мира, это преступление на протяжении веков продолжает оставаться одним из самых распространенных и опасных.

Согласно ст.186 УК РФ изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных денег или ценных бумаг расценивается как преступление в сфере экономики. А непосредственным объектом этого преступления являются общественные отношения, складывающиеся в сфере денежно-кредитной системы Российской Федерации, а также других стран, в случае фальсификации их валюты.

И если объект – необходимый признак любого состава преступления, то предмет преступления характерен не для каждого. Он наличествует только тогда, когда преступное посягательство сопряжено с воздействием на материальный предмет внешнего мира или на интеллектуальную ценность. Таким образом, предмет преступления является факультативным признаком, характеризующим объект посягательства.

Но в тех случаях, когда предмет преступления указан в конкретной норме уголовного закона, как, например, при фальшивомонетничестве, его наличие подлежит обязательному доказыванию по уголовному делу. В противном случае состав преступления будет отсутствовать.

Определяя предмет фальшивомонетничества, следует обратиться к ч.1 ст.186 УК РФ, в которой говорится, что предметом данного уголовно-наказуемого деяния могут быть:

- банковские билеты Центрального банка Российской Федерации;
- металлическая монета;
- государственные ценные бумаги;
- другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации;
- иностранная валюта;
- ценные бумаги в иностранной валюте.

Согласно ст.75 Конституции РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль. А денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком России.

Эти положения конкретизируются и развиваются в ГК РФ, Федеральном законе РФ от 2 декабря 1990 года №394-1 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹, а также в других нормативных актах.

Наличные деньги выпускаются в обращение в виде банковских билетов (банкнот) и металлической монеты. Банкноты и монеты являются безусловным обязательством Банка России и обеспечиваются всеми его активами. Введение на территории

Российской Федерации других денежных единиц помимо рубля и выпуск денежных суррогатов запрещается. Лица, виновные в нарушении этих положений, несут ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Итак, предметом преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ, являются, прежде всего, банковские билеты Центрального банка России и российская металлическая монета. При этом имеются в виду банковские билеты и металлическая монета как находящиеся в обращении, так и изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену. Этот вывод следует из текста ст.1 Закона РФ от 9 октября 1992 года №3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле»², где к валюте Российской Федерации отнесены, в частности, «изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену рубли в виде банковских билетов (банкнот) Центрального банка Российской Федерации».

Не считаются предметом данного преступления денежные знаки и ценные бумаги, изъятые из обращения (монеты старой чеканки, советские и российские деньги, отмененные денежными реформами и т.п.) и имеющие лишь коллекционную ценность. Изготовление с целью сбыта и сбыт такого рода денежных знаков и ценных бумаг не образуют состава фальшивомонетничества и при наличии к тому оснований должны квалифицироваться по ст.159 УК РФ как мошенничество.³

Другим возможным предметом анализируемого преступления являются государственные ценные бумаги или другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации.

Ценной бумагой согласно ст.142 ГК РФ является документ установленной формы, с обязательными реквизитами, удостоверяющий имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении.

Гражданское законодательство устанавливает открытый перечень ценных бумаг. В соответствии с ним к ценным бумагам относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг. Но фактически получается, что в действующем законодательстве названы далеко не все ценные бумаги, имеющие действительное хождение на территории России. Дабы устранить это противоречие, возникающее при столкновении жизненных реалий и нормы закона, законодателю следует принять

меры по расширению перечня документов, причисляемых к ценным бумагам.

Значение ценной бумаги закрепляется только за подлинником документа, который считается таковым, если на нем есть подпись лица, которое его составило, выполненная собственноручно. Ксерокопии, нотариально заверенные копии, а также дубликаты ценными бумагами не являются.⁴

Необходимо помнить и о чрезвычайно важном значении реквизитов. Если отсутствует хотя бы один из них, предусмотренный законодательством для ценной бумаги данного вида, то это влечет ее ничтожность.

По государственным ценным бумагам имущественные обязательства лежат на государстве, выпустившем эти ценные бумаги. Среди ценных бумаг, перечисленных в ГК РФ, прямо названы лишь два вида государственных – государственная облигация и приватизационные ценные бумаги. Кроме них, к государственным ценным бумагам некоторые авторы, например С.В.Максимов, относят и долговые товарные обязательства СССР и РСФСР, должником по которым в силу Федерального закона РФ от 1 июня 1995 года №86-ФЗ «О государственных долговых товарных обязательствах»⁵ является Российская Федерация. Практике даже известны случаи, когда эти бумаги становились предметом преступления.⁶

Представляется, что следует также согласиться с мнением, изложенным Б.В.Волженкиным в книге «Экономические преступления», о том, что к числу государственных ценных бумаг, безусловно, относятся и региональные облигации, выпускаемые органами власти субъектов Российской Федерации, поскольку в соответствии с Конституцией РФ эти органы также осуществляют государственную власть.⁷

Что же касается ценных бумаг, эмитентом которых являются органы местного самоуправления (муниципальные образования), то их, по всей видимости, надлежит отнести к числу не государственных, а других ценных бумаг в валюте РФ. Помимо этого, в группу других ценных бумаг в валюте РФ входят ценные бумаги, выпущенные акционерными обществами (включая промышленные фирмы, коммерческие банки, инвестиционные фонды и т.п.), платежные документы и иные долговые обязательства, выраженные в рублях, эмитентом которых является не государство, а прочие участники рынка ценных бумаг.

Особо хочется отметить, что предметом преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ, могут быть ценные бумаги только реально существующих эмитентов. Если же будут

изготовлены ценные бумаги несуществующего государства или эмитента, то содеянное следует уже квалифицировать как мошенничество.

От ценных бумаг необходимо отличать документы, на первый взгляд сходные с ними, но не являющиеся таковыми в силу физической неспособности к обороту воплощаемых ими прав. Так, владелец квитанции о принятии вещей, например, в химчистку может передать ее другому лицу. Однако она дает право лишь на получение вещи, но не на изменение собственника и не на получение эквивалента стоимости. Владелец подобных документов (квитанции ломбарда, проездного билета и т.д.) преследует конкретную цель – обладать теми правами, которые закреплены в них (получить кредит, доехать до станции назначения и т.п.).⁸

То же самое можно сказать и в отношении билета денежно-вещевой лотереи. В уже упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» в п. 8 подчеркивается, что таковой билет не является ценной бумагой, поэтому его подделка с целью сбыта или незаконного получения выигрыша квалифицируется как приготовление к мошенничеству. А в случае сбыта фальшивого билета либо получения по нему выигрыша содеянное виновным следует квалифицировать как оконченное мошенничество.⁹

Наконец, предметом данного преступления могут быть иностранная валюта или ценные бумаги в иностранной валюте.

Обязанность защищать иностранную валюту вытекает не только из того, что ее подделка оказывает негативное влияние на денежное обращение в России, но и связана с принятием Российской Федерацией на себя в силу правопреемства обязательств СССР по борьбе с фальсификацией иностранной монеты, бумажных денег и банковских билетов. Эти обязательства были закреплены в Международной конвенции о борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года.¹⁰ Государства-участники договорились не делать различия между подделкой иностранных и собственных денежных знаков либо ценных бумаг и с одинаковой строгостью наказывать преступников.

В соответствии с ч.3 ст.1 Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» к иностранной валюте относятся:

– денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в соответствующем иностранном

государстве или группе государств, а также изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену денежные знаки;

– средства на счетах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Иностранным признается всякое государство, которое не входит в состав Российской Федерации, независимо от того, является ли оно участником Международной конвенции 1929 года о борьбе с фальшивомонетничеством.

К ценным бумагам в иностранной валюте в соответствии с п.«б» ч.4 ст.1 названного закона причисляются платежные документы (чеки, векселя и т.д.), эмиссионные ценные бумаги (включая акции, облигации), ценные бумаги, производные от эмиссионных ценных бумаг (включая депозитарные расписки), опционы, дающие право на приобретение ценных бумаг, и долговые обязательства, выраженные в иностранной валюте, то есть те же ценные бумаги, только предусматривающие совершение какой-либо финансовой операции в иностранной валюте.

Как мы видим, с введением в действие УК РФ 1996 года законодатель в соответствии с новыми экономическими реалиями и переоценкой правовых ценностей расширил понятие предмета изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг.

Новыми предметами изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, в отличие от предметов, обозначенных в ст.87 УК РСФСР 1960 года, являются так называемые «другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации» и «ценные бумаги в иностранной валюте». Таким образом, в настоящее время уголовным законом охраняются не только государственные ценные бумаги, но и любые другие, в том числе бумаги в иностранной валюте.

Завершая рассмотрение вопроса о предмете преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ, необходимо помнить о том, что именно предмет преступления содержит специфическую информацию, столь необходимую для точной правовой оценки содеянного. А предмет такого преступления, как изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, как мы убедились, может играть чуть ли не главную роль в структуре состава преступления и оказывать значительное влияние на квалификацию содеянного.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КОНТРАБАНДЕ

Агафонов А.В.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

В современной правоприменительной деятельности правоохранительных органов России существует немало дискуссионных проблем, возникающих при квалификации преступного деяния, содержащего в себе признаки контрабанды.

Сам термин «контрабанда» происходит от итальянского *contrabando*: *contra* – против и *bando* – правительственный указ. Контрабанда, таким образом, означает дословно «нарушение нормативных актов государства»¹.

Дефиниция этого нормативно-правового термина имеется и в действующем российском законодательстве. Так, согласно ч.1 ст.188 УК РФ контрабандой признается «перемещение в крупном размере через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, за исключением указанных в ч.2 настоящей статьи, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием».

Практически аналогично трактует этот термин и Таможенный кодекс РФ 1991 г. Так, в соответствии со ст.219 этого нормативно-правового акта «контрабандой признается перемещение через таможенную границу Российской Федерации помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием». Разница, как мы видим, несущественна. Однако нас в данном случае интересует не нормативно-лексикологическая семантизация этого понятия, а содержание непосредственного объекта настоящего преступного деяния, то есть «то, чему преступление причиняет или может причинить ущерб»².

Анализ изученной юридической литературы позволяет нам сделать безусловный вывод о том, что общепринятого

определения непосредственного объекта этого уголовно наказуемого деяния в доктрине уголовного права в настоящий момент нет.

На сложившуюся ситуацию, по нашему мнению, повлияло наличие в современной правовой литературе определенной дискуссии по поводу содержания общего объекта преступления. Где превалирующей точкой зрения является позиция признания в качестве исходного постулата именно общественных отношений, взятых под охрану уголовного закона. Так, ряд ученых, например А.В.Ушаков, указывают, что «под объектом преступления по установившемуся представлению понимаются общественные отношения, но не все, а только та их часть, которая взята под охрану действующим уголовным законом»³

Другие, например А.Ф.Истомин, предлагают считать, что «объект преступления – (это) охраняемые уголовным законом общественные отношения, блага и интересы, которым в результате преступления причиняется или может быть причинен существенный вред»⁴, то есть последние несколько расширяют содержание этого категориального аппарата дополнительными категориями, то есть благами и интересами⁵.

Иные, например Г.П.Новоселов, в противовес им всем доказывают, что «объект преступления – (это) тот, против кого оно совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные и нематериальные ценности, которые, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда»⁶.

Сложившаяся ситуация полностью отображается и в попытках современных российских ученых дать собственное определение непосредственного объекта преступления при контрабанде.

Вследствие чего в современной юридической литературе наличествуют следующие точки зрения о правовой семантизации непосредственного объекта этого преступления.

Так, ряд исследователей (Ю.Г.Васин⁷, Н.И.Ветров⁸, А.А.Витвицкий⁹, С.В.Максимов¹⁰, В.Е.Мельникова¹¹, Л.А.Прохоров¹², М.Л.Прохорова¹³, М.Смирнов, А.Толмачев¹⁴ и С.И.Улезько¹⁵) при его определении придерживаются общепризнанной теории объекта преступления и трактуют непосредственный объект уголовно наказуемой контрабанды через призму общественных отношений.

Фактически аналогично определяют содержание этого объекта Н.Г.Иванов¹⁶, Г.М.Миньковский, А.А.Магомедов и

В.П.Ревин¹⁷. Хотя свои дефиниции они выводят, используя в качестве их основы понятие «отношения», никак не конкретизируя при этом содержание этого термина (действительно, отношения могут быть не только общественными), однако дословно анализируя их определения, следует сделать вывод, что речь в них идет только об общественных отношениях. Впрочем, судите сами. Так, по мнению Г.М.Миньковского, А.А.Магомедова и В.П.Ревина, «непосредственный объект (*этого*) преступления – отношения, регулирующие товарооборот (перемещение) через таможенную границу товаров и обеспечивающие поступление в бюджет таможенных платежей»¹⁸. Понятно, что регулировать товарооборот могут только общественные отношения, сложившиеся в сфере рыночных отношений.

Иные ученые стараются более подробно конкретизировать определение непосредственного объекта преступления при контрабанде и в свою очередь считают, что им могут выступать, например, либо *монополия внешней торговли государства* (Н.Н.Афанасьев¹⁹ и В.П.Верин²⁰), либо *установленный законом порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации*²¹ (А.Н.Гуев²², Т.А.Диканова, В.Е.Осипов²³, А.Е.Жалинский²⁴, Г.Г.Криволапов²⁵, П.Н.Панченко²⁶), либо *финансовые основы (система, интересы) государства* (А.А.Гравина²⁷, А.Б.Мельниченко, С.Н.Радачинский²⁸, Б.В.Яцеленко²⁹).

Другие авторы фактически устранились от участия в настоящей дискуссии и постарались обойти своим вниманием определение непосредственного объекта этого преступления. Среди них следует отметить таких авторов, как А.Е.Беляев³⁰, В.Г.Беляев³¹, С.В.Векленко³², Б.В.Волженкин³³, Б.М.Леонтьев³⁴, С.И.Никулин³⁵, У.А.Усманов³⁶, А.М.Яковлев³⁷. Занятая ими позиция явно не способствует достижению научной истины, а посему нами приветствоваться не может.

Кроме того, следует заметить, что в современной юридической литературе имеются и не совсем научно обоснованные попытки дефиниции непосредственного объекта настоящего преступного деяния. Так, например, Т.Ю.Погосян считает, что «непосредственным объектом преступления по ч.1 ст.188 являются любые товары или иные предметы за исключением перечисленных в ч.2»³⁸. Вступая с этим автором в научную полемику, следует задать ему один, но весьма существенный вопрос, что, по ее мнению, в случае обнаружения признаков уголовно наказуемой контрабанды выступает в качестве предмета настоящего преступления. Следует заметить, что в

качестве предмета преступления, по общему правилу, выступают предметы материального мира, по поводу которых и совершается само преступное деяние. Таким образом, следует признать, что позиция нашего оппонента явно противоречит устоявшимся категориям российского уголовного права и, следовательно, не может быть признана обоснованной.

Н.А.Лопашенко в свою очередь доказывает, что «контрабанда посягает на принцип запрета заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности»³⁹. В связи с чем следует заметить, что принцип запрета каких-либо форм поведения не может фактически существовать как без наличия субъектов, согласных им руководствоваться, так и без наличия той сферы их взаимодействия, где он будет использоваться, то есть без наличия конкретизированных общественных отношений ни один принцип запрета различных форм поведения их субъектов действовать не может, а следовательно, и подвергаться наружному воздействию, иными словами, следует согласиться с тем, что, не нарушая конкретные сложившиеся общественные отношения, нельзя подвергнуть и социально негативному воздействию принципы их осуществления. Следовательно, принять за аксиому определение, предлагаемое Н.А.Лопашенко, мы не вправе.

По мнению Б.М.Леонтьева, «объектом преступления (*контрабанды*) является внешнеэкономическая деятельность»⁴⁰. Однако любая деятельность является всего лишь формой проявления конкретных общественных отношений и без их наличия существовать самостоятельно не может. Значит, определение, даваемое этим автором, является также алогичным, а следовательно, использовать его в качестве общеприемлемого не следует.

Кратко указав на имеющиеся в современной юридической литературе точки зрения по поводу содержания непосредственного объекта преступления при контрабанде, следует указать и на то, что в наиболее крупной группе авторов, конструирующих свои дефиниции через теорию общественных отношений, нет безусловного единства.

Так, В.Е.Мельникова считает, что «непосредственный объект контрабанды – общественные отношения, регулирующие (*именно*) товарооборот через таможенную границу и обеспечивающие внесение в бюджет таможенных платежей и сборов»⁴¹. С ней полностью солидарен Н.И.Ветров.⁴²

В свою очередь Л.А. Прохоров указывает, что «непосредственным объектом (*этого*) деяния выступает

совокупность общественных отношений, регулирующих (именно) нормальное осуществление внешнеэкономической деятельности»⁴³. В защиту этой позиции выступает также и М.Л.Прохорова.⁴⁴

Различие в этих двух позициях, по нашему мнению, заключается всего лишь в сфере регулирования. В первом случае это товарооборот, во втором – нормальное осуществление внешнеэкономической деятельности. Однако понятие товарооборота входит составной частью в понятие внешнеэкономической деятельности, то есть нарушение первого не может практически осуществляться без негативного посягательства на второе. Следовательно, дефиниция, даваемая Л.А.Прохоровыми, более адекватно отражает саму суть уголовно наказуемой контрабанды, но и его конструкцию мы не можем до конца признать оптимальной, так как исследователь использует при построении своей дефиниции термин «нормальное», не раскрывая при этом его нормативно правовое содержание, а также не дает критерий, позволяющий разграничить нормальное от аномального. По нашему мнению, им в этом случае должен выступать только конкретный нормативно-правовой акт, регулирующий подобный вид деятельности, то есть, используя термин «нормальное», Л.А.Прохоров по существу уводит нас в сторону от разрешения этой проблемы. В данном контексте, видимо, следует использовать термин «законное».

С.В.Максимов предлагает считать, что «непосредственный объект деяния, предусмотренного ч.1 ст.188 УК РФ, – (есть) общественные отношения, обеспечивающие (именно) интересы российских и зарубежных товаропроизводителей, а также бюджетные интересы РФ в части формирования его посредством таможенных платежей»⁴⁵. В поддержку его позиции выступает и Ю.Г.Васин⁴⁶.

Проводя анализ их позиции, следует заметить, что особых замечаний она у нас не вызывает. Однако отметим, что в данном случае, по весьма справедливому замечанию С.Дорожкова, «не совсем правильно сводить, как это иногда делается, основной непосредственный объект контрабанды к финансовым интересам государства, заключающимся в сборе платежей при перемещении товаров через государственную границу.

Финансовые интересы государства (так же как и иных субъектов) в данном случае – это лишь часть того, на что посягает контрабанда, чему она причиняет вред.

Вред состоит также в нарушении экономических интересов как российских, так и зарубежных товаропроизводителей в

результате неупорядоченного, бесконтрольного поступления на внутренние рынки не обложенных таможенными платежами (пошлинами, сборами) товаров, которые вследствие этого делаются более дешевыми, что создает условия для недобросовестной конкуренции. По своеобразной криминогенной цепочке вред может причиняться также и потребителям, так как контрабандные товары часто не соответствуют требованиям качества и безопасности»⁴⁷.

А.А.Витвицкий в свою очередь настаивает на том, что непосредственным объектом преступления при контрабанде являются «общественные отношения, складывающиеся по поводу государственного регулирования (именно) порядка перемещения через таможенную границу товаров и иных предметов»⁴⁸. С ним полностью солидарны Н.Н.Афанасьев⁴⁹, А.Н.Гуев⁵⁰, Т.А.Диканова, В.Е.Осипов⁵¹, А.Е.Жалинский⁵², Г.Г.Криволапов⁵³, П.Н.Панченко⁵⁴, М.Смирнов, А.Толмачев⁵⁵, С.И.Улезько⁵⁶.

Однако и в этом случае следует признать правоту С.Дорожкова, утверждающего, что «не отрицая того, что эти преступления нарушают указанный порядок, полагаем не вполне обоснованной такую трактовку непосредственного объекта контрабанды. Она носит чрезмерно формальный, нормативистский характер, напоминает ту (ныне едва ли не единодушно отвергнутую), в соответствии с которой к объектам любых преступлений относились уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за них. Но от преступления страдает, терпит ущерб не норма, не установленные ею правила, в том числе порядок как их совокупность, а реальные общественные отношения, интересы, блага и ценности, охраняемые уголовным законом. К тому же следует иметь в виду, что порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу устанавливается и регулируется не только законом, но и подзаконными актами»⁵⁷.

Ряд авторов (Н.Н.Афанасьев⁵⁸, А.А.Гравина⁵⁹, Ю.Г.Васин⁶⁰, Н.И.Ветров⁶¹, Б.М.Леонтьев и П.С.Яни⁶², В.Е.Мельникова⁶³, А.Б.Мельниченко, С.Н.Радачинский⁶⁴, Г.М.Миньковский, А.А.Магомедов, В.П.Ревин⁶⁵, Л.А.Прохоров, М.Л.Прохорова⁶⁶, Б.В.Яцеленко⁶⁷) считают, что данное преступление обладает еще и дополнительным объектом. Причем в качестве последнего все они признают «общественную безопасность и здоровье населения»⁶⁸. На наш взгляд, позицию вышеперечисленных авторов следует полностью поддержать, так как действительно при контрабанде оружия дополнительно страдает общественная безопасность, а при

контрабанде некачественного, а порой и прямо фальсифицированного товара – здоровье населения.

Некоторые из них (Н.И.Ветров⁶⁹, Л.А.Прохоров⁷⁰, С.В.Максимов⁷¹, А.Б.Мельниченко, С.Н.Радачинский⁷², С.И.Улезько⁷³) считают, что объект этого преступления имеет и такой факультативный признак, выступающий при его квалификации в качестве обязательного, как предмет.

В качестве последнего, по их мнению, выступают: «любые товары и предметы, за исключением указанных в ч.2 ст.188 УК РФ того же УК, а также недвижимого имущества, помимо перечисленных в ч.2 ст.188 УК РФ».

Товар, согласно п.4 ст.18 Таможенного кодекса РФ⁷⁴, – это любое движимое имущество, в том числе валюта и валютные ценности, электрическая, тепловая, иные виды энергии, за исключением транспортных средств, указанных в п.4 ст.18 ТК РФ.

Электрическая энергия – способность электрического тока производить работу, в том числе посредством передачи на большие расстояния.⁷⁵

Тепловая энергия – способность нагретых веществ производить работу.⁷⁶

Иные виды энергии – механическая, электромагнитная, ядерная (атомная).⁷⁷

В качестве предмета преступления, предусмотренного ч.1 ст.188 УК РФ, может рассматриваться лишь ядерная (атомная) энергия, являющаяся свойством радиационных источников, ядерных материалов и радиоактивных веществ, не относящихся к ядерному оружию и ядерным энергетическим установкам военного назначения.⁷⁸

Иные предметы, исходя из системного анализа ст.18 ТК РФ, – это любые транспортные средства, используемые для международных перевозок пассажиров и товаров, включая контейнеры и иное транспортное оборудование (п.4).

Понятие «транспортные средства» в смысле ч.1 ст.188 УК РФ охватывает все виды транспорта: железнодорожный, автомобильный, трубопроводный, водный и воздушный»⁷⁹. «Крупный размер предметов контрабанды налицо, если их стоимость превышает пятьсот МРОТ»⁸⁰.

Завершая сравнительный анализ дефиниций непосредственного объекта преступления при контрабанде, даваемых различными авторами, хотелось бы высказать и собственную точку зрения по этому вопросу.

По нашему мнению, в качестве непосредственного объекта преступления при контрабанде будет выступать *совокупность*

общественных отношений, охраняемых и регулируемых уголовным законом, обеспечивающих монополию внешней торговли государства, а также и иные общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, экономические интересы Российской Федерации, ее зарубежных партнеров, а также и конкретных физических лиц, ее населяющих, и их безусловное право на безопасность жизни и здоровья.

Безусловно, это определение может кому-то показаться излишне громоздким, но мы не претендуем на примат истины, а всего лишь рассчитываем, что наша дефиниция послужит своеобразным детонатором для продолжения научной полемики.

СОЗДАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН, КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 239 УК РФ

Димитрова Е.А.
Сибирский юридический институт
МВД России

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.239 УК РФ, состоит из достаточно широкого круга деяний, первым и наиболее опасным из которых является создание религиозного объединения, посягающего на личность или права граждан. В юридической литературе неоднозначно решается вопрос о понятиях создания и организации. Традиционно толкование понятия «организация» дается через понятие «создание», а «создание» – через понятие «организация».¹ Следовательно, при выяснении различий этих двух понятий наступает определенная путаница, а поскольку в ст.239 УК РФ законодатель употребляет оба эти термина (в названии – организация, в диспозиции – создание), уяснение этого вопроса имеет существенное значение. Более того, существует мнение, что законодатель ставит знак равенства между созданием и организацией религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан.²

Советский энциклопедический словарь термин «**организация**» понимает в трех значениях: как внутреннюю упорядоченность, согласованность чего-либо; совокупность процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого; объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил, процедур.³

Исходя из смысла рассматриваемой нормы, организация религиозного объединения должна пониматься как процесс образования единого целого и как процесс обеспечения функционирования этого уже созданного целого. Таким образом, *организация* в смысле ст.239 УК РФ включает в себя два самостоятельных деяния: создание и руководство, и указывая в названии ст.239 УК РФ термин «организация», а в ее первой части – «создание», законодатель не имел в виду выполнение одного и того же деяния. На наш взгляд, **организация** религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, – это процесс, включающий в себя совокупность действий, направленных, с одной стороны, на создание, с другой – на обеспечение функционирования такого объединения.

Понятие **создания** достаточно точно дано Пленумом Верховного Суда РФ применительно к такой форме организованной группы, как банда⁴, если адаптировать это понятие к религиозным объединениям, посягающим на личность и права граждан, то под их созданием следует понимать совершение любых действий, результатом которых стало образование религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

С объективной стороны создание может быть выражено в активных действиях по подбору участников и распределении ролей между ними, в разработке плана деятельности объединения, приобретении соответствующей литературы, подготовке уставных документов с намерением зарегистрировать объединение и т.п.

Несмотря на практически единодушное мнение ученых о том, что окончательным созданием является с момента завершения его образования, независимо от того, совершены ли посягательства на граждан или нет⁵, в литературе существовало мнение, что для квалификации важно, чтобы такое объединение начало свою деятельность, то есть наступили вредные последствия.⁶ Однако указанная точка зрения представляется достаточно спорной, поскольку сам факт создания такого рода религиозных объединений уже является общественно опасным, создает опасность причинения вреда, и «значение выделения ответственности лиц, находящихся в преступной организации, заключается в том, что они за сам факт создания и участия в организации отвечают как за преступление, вне зависимости от того, наступили ли какие-либо вредные последствия или нет»⁷.

Другой вопрос – насколько сложно распознать и пресечь деятельность религиозного объединения, которое только в будущем будет нарушать права граждан или иным образом преступать закон. Преступления подобного рода, подобно бандитизму, в большинстве случаев на практике могут быть выявлены только тогда, когда члены объединения в рамках его деятельности совершат какое-либо иное преступление, в котором будет прослеживаться религиозный мотив. Поскольку в уставных документах религиозного объединения в качестве целей деятельности нарушение прав граждан, конечно, не указывается, то доказать их наличие очень сложно. Только при установлении мотивов и целей преступлений, совершенных членами религиозных объединений по религиозным мотивам, следователь или лицо, производящее дознание, могут прийти к выводу, что виновный действовал в рамках предписаний руководителей религиозного объединения, что должно повлечь рассмотрение вопроса о наличии признаков ст.239 УК РФ. Данная цепь обычно разрывается в самом начале. Основная причина, на наш взгляд, заключается в отсутствии в перечне обстоятельств, отягчающих наказание такого признака, как «совершение преступления по религиозным мотивам». Имеющийся признак «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды...» включает в себя более узкое содержание, нежели религиозный мотив. Например, при принесении в жертву человека религиозная ненависть или вражда если и имеют место, то в редких случаях, в большинстве же случаев жертву выбирают абсолютно спонтанно, независимо от ее отношения к религии. Поскольку наличие религиозного мотива в большинстве случаев не влияет ни на квалификацию, ни на наказание и не отражается в официальной статистике, следователю или лицу, производящему дознание, фактически нет смысла его устанавливать. Это является главной причиной того, что существующая сегодня ст.239 УК РФ является «мертвой». Именно так и обстоят дела на практике. В большинстве изученных нами уголовных дел, где прослеживается религиозный мотив (исходя из показаний обвиняемых, свидетелей и других доказательств), он упоминается вскользь и не становится причиной нового расследования. Так, например, в 1995 году, Мельчаков В.И. совершил умышленное убийство 8-летней девочки в г.Новосибирске. Исходя из показаний Мельчакова, причиной совершения преступления стал тот факт, что он увлекался черной магией и проводил обряды, описанные в приобретенной им книге. Убийство девочки было совершено для того, чтобы принести жертву сатане. Следователем не были приняты меры по

установлению авторов данной книги, а ведь ее издательство и продажа являются пропагандой действий, предусмотренных ст.239 УК РФ (в момент расследования преступления – ст.227 УК РСФСР), что входит в объективную сторону рассматриваемого состава.⁸

Исходя из этого, на наш взгляд, целесообразно заменить существующее обстоятельство, отягчающее наказание («совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды...»), а также аналогичный квалифицирующий признак, имеющийся в ряде составов, на «совершение преступления по национальному, расовому или религиозному мотиву». Изменения в части национального и расового мотива имеют значение для квалификации деяний как организация *общественного* объединения, посягающего на личность и права граждан.

Однако, на наш взгляд, вышеизложенное не является основанием признания создания религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан материальным составом, поскольку в отдельных, редких, случаях возможно пресечь наступление достаточно серьезных последствий, привлекая к уголовной ответственности лиц лишь за факт создания такого рода объединения. Нужно иметь в виду, что конкретные последствия не всегда легко установить и нет достаточно надежных критериев для их установления.⁹ Поэтому позиция законодателя в данном случае является совершенно оправданной.

Существенной недоработкой законодателя, затрудняющей, на наш взгляд, применение ст.239 УК РФ на практике, является своего рода противоречие нормы самой себе. Так, с одной стороны, как было сказано выше, состав создания окончен с момента фактического объединения лиц независимо от того, были ли совершены ими преступления. Но в качестве одного из признаков религиозного объединения законодатель указывает, что его *деятельность должна быть сопряжена* с насилием над гражданами или иным причинением вреда здоровью либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных действий. Говорить о сопряженности деятельности с вышеуказанными деяниями можно лишь тогда, когда они фактически совершены, то есть законодатель сам ограничивает момент окончания состава создания моментом, когда членами объединения совершаются конкретные преступления. Нам такая позиция представляется неверной, в связи с этим целесообразно заменить формулировку

«создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена...» на «создание объединения с целью совершения указанных деяний».

Интересным является вопрос о различии «создания» как процесса и «создания» как результата. Оконченным в рамках ч.1 ст.239 УК РФ должно признаваться только «создание» как результат. При создании религиозной группы преступление окончено с момента, когда участники дали согласие на осуществление определенных действий в ее составе. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому уголовная ответственность по ст.239 УК РФ связывается с самим процессом создания и наступает даже в случае, если такое объединение еще не сформировалось.¹⁰ Нам такая точка зрения представляется достаточно спорной в силу того, что отодвинуть момент окончания рассматриваемого преступления на еще более ранний этап в некоторых случаях означало бы привлечение к уголовной ответственности за мысли, что противоречит принципам современного уголовного права.

Как известно, религиозные объединения функционируют в двух формах: религиозная группа (без образования юридического лица) и религиозная организация (с образованием юридического лица).¹¹ Отличительной чертой религиозной группы является то, что она осуществляет свою деятельность без государственной регистрации, а в случае намерений в дальнейшем преобразовать группу в организацию лишь требуется уведомление органов местного самоуправления о начале деятельности.¹² Для квалификации не имеет значение, уведомлены ли органы местного самоуправления или нет, главным является фактическое создание. Аналогичным образом решается вопрос о религиозных организациях. Здесь необходимо согласиться с мнением Фокина М.С., что, признавая наличие прав религиозной организации только с момента регистрации в органах местного самоуправления, законодатель определил момент окончания создания религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, как момент фактического образования объединения двух и более лиц. Более того, до регистрации в органах местного самоуправления религиозная организация действует в форме религиозной группы. Именно поэтому верным является тот факт, что если в период до принятия решения органами местного самоуправления о регистрации религиозного объединения в форме религиозной организации его членами совершается преступление, то эти деяния должны расцениваться как оконченное преступление, предусмотренное ст.239 УК РФ.¹³

Например, в России существует религиозное объединение «Аум Синрике». Факты криминальной деятельности этого объединения доказаны только в Японии, однако это стало поводом для выяснения характера деятельности его филиала в России, в результате чего было возбуждено уголовное дело против ее членов (которое прекращалось, а затем было возобновлено). При этом не требовалось, чтобы имели место фактическое насилие над гражданами, причинение вреда их здоровью или совершение иных действий, указанных в диспозиции. Следовательно, наказуем сам факт создания, который содержит возможность причинения вреда охраняемым общественным отношениям.¹⁴

Создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, как *процесс* должно расцениваться как приготовление или покушение на совершение рассматриваемого преступления.

Итак, создание религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, представляет собой одну из форм его организации и заключается в совершении активных действий, результатом которых стало образование религиозного объединения с целью применения насилия к гражданам или иного причинения вреда их здоровью либо побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Басова Т.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт
Дальневосточного государственного
университета

Изучение уголовных дел показывает, что органы предварительного расследования и суды испытывают нередко затруднение при квалификации совершаемых преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления, разграничении составов должностного злоупотребления и его специальных видов, при решении вопросов о наличии либо отсутствии совокупности преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами

различных глав УК РФ, когда эти нормы являются конкурирующими между собой. Нередко общественно опасное деяние должностного лица подпадает под признаки двух, а то и трех статей УК РФ. В этой связи самостоятельного анализа требуют особенности квалификации в случае конкуренции должностного злоупотребления и служебного подлога.

При определении места, значения и соотношения составов злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога необходимо исходить из следующего. Служебный подлог имеет двойственную природу: с одной стороны, это специальный вид должностного злоупотребления, предусмотренного ст.285 УК РФ; с другой – это общее должностное преступление, имеющее свои специальные виды. Тот факт, что служебный подлог по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями является специальным составом, дает основание рассматривать должностное злоупотребление, предусмотренное ст.285 УК РФ, как своего рода состав «резервный», то есть эта статья кодекса должна применяться в тех случаях, когда деяние, содержащее все признаки злоупотребления должностными полномочиями, не подпадает под признаки статьи, предусматривающей какой-либо иной состав преступления, совершение которого связано с использованием должностным лицом своих служебных полномочий. Установление ответственности за такие виды должностных злоупотреблений в специальных нормах УК РФ вызвано потребностями практики борьбы с преступностью, конкретизации и дифференциации ответственности за отдельные виды преступлений. Специальная норма более четко обрисовывает признаки преступления и конкретизирует ответственность, она более эффективна, чем общая норма в плане превенции. «Общепредупредительное воздействие на окружающих больше оказывает знание того обстоятельства, что деяние, которое они намерены совершить, прямо предусмотрено УК как преступление»¹.

Кроме того, при рассмотрении вопроса о соотношении должностного злоупотребления и служебного подлога необходимо исходить из того, что в теории уголовного права выделяют такие виды конкуренции при квалификации преступлений, как: общей и специальной нормы, части и целого². В связи с тем, что служебный подлог является специальным видом должностного злоупотребления, а при конкуренции общей и специальной норм преимущество имеет специальная норма, то, следовательно, при конкуренции ст.ст.285 и 292 УК РФ ответственность должна наступать за служебный подлог. Так, например, главный

бухгалтер одного из государственных торговых предприятий Приморского края Ф. была привлечена к уголовной ответственности за сокрытие в корыстных целях недостачи товарно-материальных ценностей на сумму 16412 руб. путем составления заведомо ложного акта инвентаризации в магазине №4 этого торгового предприятия. Органами предварительного следствия деяние Ф. было квалифицировано по ст.ст. 285 и 292 УК РФ. Находкинский городской суд исключил из обвинения ст.285 УК РФ, отметив в протоколе: «В связи с подлогами в официальных документах, совершенных Ф., органы предварительного следствия по совокупности со ст.292 УК РФ предъявили ей обвинение по ст.285 УК РФ, но статья эта подлежит исключению по следующим основаниям: ст.285 УК РФ является общей нормой, а ст.292 УК РФ – специальной. По действующему законодательству при конкуренции общей и специальной норм применению подлежит специальная норма»³.

Вместе с тем следует отметить, что в практике встречаются дела, когда действия, внешне сходные со служебным подлогом, следует квалифицировать не по ст.292 УК РФ, а по ст.285 УК РФ. Как правильно отмечает А.Я.Светлов, «это будет в тех случаях, когда подлог является *способом* (разрядка наша – Т.Б.) осуществления должностного злоупотребления и объединен с ним единством цели и умысла виновного должностного лица»⁴. Поэтому, когда служебный подлог органически связан с должностным злоупотреблением и выступает в качестве способа его совершения, он охватывается составом преступления, предусмотренного ст.285 УК РФ. В этих случаях работает общее правило для квалификации преступлений при конкуренции части и целого, которое состоит в том, что всегда должна применяться та норма, которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного деяния.⁵ Так, по совокупности ст.ст.285 и 292 УК РФ был осужден Ол-в., работавший в должности директора муниципального жилищно-коммунального предприятия «Арсеньев»; злоупотребляя служебным положением, внес фиктивные записи в доверенность и сдал в ремонт на автобазу, а затем получил таким путем два микрогрузовика Mazda-Титан и Исузу-Форвард, один из которых принадлежал вверенному ему предприятию, а другой – предприятию «Агропроммехмонтаж». Народный суд в приговоре отметил, что «необходимо исключить из обвинения ст.292 УК РФ, как предъявленную излишне, потому что его действия охватываются ст.285 УК РФ»⁶.

Подлог в этих случаях, выступая способом совершения должностного злоупотребления, является только одной стороной преступной деятельности виновного лица. Если квалифицировать выписку фиктивной ведомости как служебный подлог, то останутся без должной юридической квалификации другие действия виновного. Совокупности преступлений здесь также нет, так как цель действий и объективная сторона деяния говорят о желании произвести незаконный ремонт микрогрузовиков, то есть совершить должностное злоупотребление. Поэтому, по нашему мнению, будет более правильной квалификация по ст.285 УК РФ, ибо эта норма более полно охватывает все действия совершенного преступления и умысел виновного.

Если же подлог не обусловил непосредственно совершение должностного злоупотребления, а выступал в качестве средства сокрытия злоупотребления, обоснованной будет квалификация таких действий по совокупности ст.ст.285 и 292 УК РФ. Как правильно отмечает Б.В.Здравомыслов, в связи с этим недостаточна квалификация только как должностного злоупотребления случаев, когда должностное лицо скрывает недостачу, образовавшуюся в результате злоупотребления, путем умышленного запутывания учета и отчетных данных. Такие действия правильнее было бы квалифицировать как должностное злоупотребление и как подлог.⁷ Характерным в этом отношении является следующее дело. В медвытрезвителе при Партизанском городском отделе внутренних дел, где начальником работал Ж., была установлена недостача товарно-материальных ценностей на сумму 2421 руб. Не проинформировав об этом руководство и не приняв мер к установлению причин, способствующих образованию недостачи и законных действий, направленных на ее погашение, Ж. перед проведением годовой инвентаризации путем составления фиктивных отчетов скрыл от инвентаризационной комиссии имевшую место недостачу. Приговором Партизанского городского суда Приморского края за совершение указанных действий он был осужден по ст.ст.285 и 292 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда приговор оставила без изменения.⁸

Таким образом, завершая рассмотрение вопросов соотношения преступлений, предусмотренных ст.ст.285 и 292 УК РФ, можно сделать вывод: служебный подлог, как правило, выражается в одном или нескольких действиях, из числа предусмотренных законом, а должностное злоупотребление по форме своего проявления может охватывать более широкий и разнообразный круг противоправных деяний.

ОСНОВАНИЕ И МЕСТО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ И ЛИЦАМИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМИ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Бунева И.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Известно, что должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, кроме соответствующих функций, характеризуют также признаки, устанавливающие основания и место осуществления лицом конкретных полномочий. Такие функции могут осуществляться постоянно, временно или по специальному полномочию. Содержание оснований осуществления функций должно определяться путем анализа временного критерия их осуществления, а также порядка оформления данных полномочий.

Когда идет речь о постоянном осуществлении лицом конкретных полномочий, предполагается, что лицо является штатным работником соответствующего структурного звена. По нашему мнению, для установления признака постоянного осуществления функций можно использовать и те критерии, которые применяются при решении подобного вопроса в налоговых преступлениях. Одним из возможных признаков, позволяющих судить о постоянном месте работы, является факт нахождения трудовой книжки лица в определенном подразделении.

При временном выполнении специальным субъектом своих функций возможно установление нескольких вариантов их осуществления. Во-первых, лицо в силу своих функциональных обязанностей, при наличии определенных условий, может осуществлять функции другого лица, в том числе вышестоящего. Например, к обязанности заместителя руководителя структурного подразделения может относиться замещение такого руководителя во время его отсутствия. Как правило, подобное замещение предусматривается функциональными обязанностями заместителя и, следовательно, в каждом случае не требует издания специального приказа об исполнении обязанностей руководителя. Во-вторых, временное осуществление функций возможно при замещении отсутствующих лиц с предоставлением специфических

функций в течение определенного периода на основании соответствующего документа (приказа, указа и т.п.).

Осуществление конкретных функций по специальному полномочию прежде всего означает, что лицо не назначено на должность и не замещает ее, то есть не является штатным работником данного подразделения. В этом случае лицо реализует функции на основе закона, нормативного акта, приказа, распоряжения. Таким образом, должностными лицами, осуществляющими функции представителя власти по специальному полномочию, то есть на основании соответствующих федеральных законов, следует признать стажеров органов милиции, прокуратуры и других (п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»). При этом не имеет значения, выполняются ли функции по специальному полномочию на протяжении определенного времени или одноразово, совмещаются или нет с основной работой лица. Поэтому должностными лицами, осуществляющими функции представителя власти по специальному полномочию, будут также признаваться народные и присяжные заседатели (п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»).

Определенную сложность представляет вопрос, касающийся установления признаков должностного лица в тех случаях, когда речь идет о совершении противоправных действий внештатными сотрудниками милиции. Так, по приговору Красноярского краевого суда Макаренко был осужден за превышение должностных полномочий, получение взятки, служебный подлог и мошенничество, совершенные при следующих обстоятельствах. В мае 1997 г., Макаренко в управлении юстиции Красноярского края зарегистрировал, а затем стал президентом общественного фонда «Восход», деятельность которого предусматривала финансирование, направленное на оказание помощи семьям погибших при исполнении служебных обязанностей работников милиции, а также материально-техническую помощь ОВД. Используя знакомство с В. (начальником 1-го отделения отдела по борьбе с экономическими преступлениями УВД г.Красноярска), Макаренко предложил оформить себя внештатным сотрудником милиции. Приказом по УВД г.Красноярска Макаренко был зачислен внештатным сотрудником ОБЭП, и ему выдано удостоверение установленного образца. В соответствии с требованиями временной инструкции «Об организации работы внештатных сотрудников милиции», утвержденной приказом МВД России от 20 ноября

1992 г., Макаренко по указанию кадрового сотрудника милиции К. (старшего оперуполномоченного названного подразделения) должен был выполнять поручения, влекущие за собой правовые последствия для граждан. В частности, составленные им акты о случаях выявления нарушения правил торговли он обязан был передавать в ОБЭП УВД г.Красноярска для применения соответствующих мер к нарушителям. Однако Макаренко, выявляя факты нарушений правил торговли и составляя при этом акты, обращался к виновным в указанных нарушениях с просьбой оказать «спонсорскую» помощь милиции, рассказывая им о фонде, президентом которого он являлся. Введенные в заблуждение и полагавшие, что деньги поступят на нужды сотрудников ОВД, нарушители передавали Макаренко требуемые суммы, которыми последний распоряжался по своему усмотрению. Кроме того, Макаренко самостоятельно принимал решения об освобождении виновных от административной ответственности, уничтожая составленные им акты. Президиум Верховного Суда РФ квалифицировал действия Макаренко как мошенничество, исключив из обвинения должностные преступления, указав, что обвиняемый не является должностным лицом. При этом Президиум сделал ссылку на текст упомянутой выше Временной инструкции, предписывающей внештатному сотруднику милиции осуществление только тех действий, которые не выходят за пределы данных ему полномочий, и содержащей категорический запрет на самостоятельное производство процессуальных и других действий, оперативно-розыскных мероприятий. Макаренко же действовал самостоятельно, поскольку сотрудник милиции не давал ему подобных поручений.¹

Как указывалось выше, определяющими признаками всех трех оснований осуществления лицом конкретных функций являются: 1) точное установление периода, в течение которого лицу были предоставлены соответствующие полномочия; 2) надлежащее юридическое оформление полномочий лица в соответствующем документе. Отсутствие одного из указанных признаков не позволит установить основание осуществления функций, что, в свою очередь, сделает невозможным определение необходимых признаков спецсубъекта. Кроме того, обязательным признаком, характеризующим рассматриваемые специальные субъекты, является место выполнения функций.

В ряде случаев, несмотря на наличие у виновного определенных функций, а также оснований их осуществления, решение вопроса об отнесении лица к той или иной категории

специальных субъектов зависит исключительно от места осуществления данных функций.

Так, Президиум Верховного Суда РФ, отменив приговор и определение, направил дело на новое разбирательство в стадии судебного рассмотрения ввиду того, что судом не было установлено, является ли субъектом должностного преступления Л. – заместитель генерального директора Государственной республиканской продовольственной корпорации «Сахапродкорпорация», признанный виновным в получении взятки в крупном размере путем вымогательства. Согласно постановлению Правительства Республики Саха (Якутия) «Сахапродкорпорация» образована при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Саха (Якутия) 5 мая 1995г., то есть в период действия нового Гражданского кодекса РФ, в котором предусмотрена возможность создания коммерческих и некоммерческих организаций. В то же время из Устава государственной республиканской продовольственной корпорации нельзя сделать вывод, к какой организации – коммерческой или иной – относится указанное предприятие, что, в свою очередь, не позволяет установить, к какому виду специальных субъектов относится заместитель генерального директора указанной корпорации.²

Законодатель перечисляет в примечаниях к ст.285 и 201 УК РФ места осуществления функций должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции. Для должностных лиц это государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, а также Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска и воинские формирования Российской Федерации. Для лиц, выполняющих управленческие функции, это коммерческие организации независимо от формы собственности, а также некоммерческие организации, не являющиеся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

Если проанализировать основные признаки, определяющие содержание мест осуществления функций рассматриваемыми видами специальных субъектов, то можно отметить следующее.

Как указывалось выше, для должностных лиц характерно осуществление определенных функций прежде всего в государственных органах. Следует отметить, что в Конституции РФ, например, в п. «г» ст.71 используется термин «органы государственной власти». По различным критериям органы государственной власти могут быть классифицированы на

несколько групп. Так, по уровню деятельности их подразделяют на федеральные органы и органы государственной власти субъектов РФ. В свою очередь и на федеральном уровне, и на уровне субъектов РФ органы государственной власти делятся на органы законодательной власти, органы исполнительной власти и органы судебной власти. В то же время в Российской Федерации к числу органов государственной власти, не входящих ни в законодательную, ни в исполнительную, ни в судебную власть, следует относить такие федеральные органы государственной власти, как Прокуратура РФ, Центральный банк РФ, Счетная палата РФ, Центральная избирательная комиссия, Уполномоченный по правам человека, Российская академия наук и отраслевые академии наук, имеющие государственный статус.³

Категории должностей установлены Федеральным законом от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации»⁴.

В Реестре государственных должностей в Российской Федерации дается перечень государственных должностей категорий «А», «Б» и «В».

В ряде случаев для правильного установления признаков специального субъекта необходимо исследовать не только нормы уголовного законодательства, но и другие нормативные источники, содержание которых позволяет верно оценить статус данного органа. Так, Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) в отношении Потапова, который, работая начальником управления по сбору страховых взносов департамента пенсионной службы и используя свое служебное положение, получал незаконные вознаграждения за необоснованное выделение вексельных кредитов коммерческим структурам. В основу оправдательного приговора судом был положен вывод о том, что Потапов не обладал организационно-распорядительными функциями и в силу этого не являлся должностным лицом, о чем свидетельствовали занимаемая им должность, его функции, права и специфика учреждения, где он работал. Верховный Суд РФ указал на ошибочность подобного вывода, поскольку в имевшемся в материалах уголовного дела Положении о департаменте пенсионной службы Республики Саха (Якутия) было прямо указано, что данный департамент является органом исполнительной власти, а директор департамента по постановлению Правительства – заместителем Председателя Правительства Республики Саха (Якутия).⁵

Как известно, деятельность должностных лиц органов местного самоуправления осуществляется как на основе

федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г.⁶ и «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» от 8 января 1998 г.⁷, так и в соответствии с уставами муниципальных образований и иными документами, определяющими права и обязанности таких лиц. Так, например, был признан должностным лицом, виновным в получении взятки, председатель комитета по физической культуре и спорту г. Череповца – Смирнов, так как согласно п. 5.1 Положения о комитете по физической культуре и спорту мэрии г.Череповца КФиС является структурным подразделением мэрии с правом юридического лица, состоит на самостоятельном балансе и имеет свою печать, при этом п.5.2 предусматривает финансирование программы деятельности КФиС, в том числе из внебюджетных средств.⁸

Следует помнить, что действие статей главы 30 УК РФ, устанавливающей ответственность за должностные преступления, распространяется только на государственные и муниципальные учреждения, относящиеся к некоммерческим организациям, порядок создания и деятельность которых предусмотрены в ст.120 ГК РФ. В соответствии с указанной статьей учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично. При этом особенности правового положения отдельных видов государственных и иных учреждений определяются законом и иными правовыми актами. В процессе правоприменения не всегда учитываются указанные выше обстоятельства и работники государственных учреждений ошибочно признаются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Так, органы предварительного расследования квалифицировали действия К. – директора государственного краевого учреждения «Автохозяйство №2 Управления здравоохранения Администрации Красноярского края» по ч.1 ст.201 УК РФ, признав его лицом, выполняющим управленческие функции. По распоряжению К. посредством подложных счетов-фактур за якобы выполненные работы была списана задолженность ООО «Эст-Мобил» за аренду помещений перед государственным краевым учреждением «Автохозяйство №2». При этом в постановлении о прекращении уголовного дела вследствие акта амнистии было указано, что коммерческую деятельность К. осуществлял по собственной инициативе, поскольку выполнение таких действий не было возложено на него функциональными обязанностями, которые предполагали

своевременное обеспечение автотранспортом краевых лечебных учреждений, находящихся в г. Красноярске, решение кадровых вопросов и общее руководство учреждением.

Как указывается в п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» государственные и муниципальные предприятия не являются государственными учреждениями и действуют как коммерческие организации в форме государственного унитарного предприятия, поскольку в соответствии с п.1 ст.113 ГК РФ унитарное предприятие является коммерческой организацией, не наделенной правом собственности на закрепленное за ним имущество. При этом только государственные и муниципальные предприятия могут быть созданы в форме унитарных предприятий. Указанное обстоятельство не всегда учитывается при оценке действий виновных лиц, что приводит к ошибкам в квалификации. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Челябинского областного суда, неверно квалифицировавшего действия Пановой как должностное преступление. К Пановой, работавшей руководителем группы материально-технического снабжения государственного унитарного предприятия – производственного объединения «Маяк», обратилась директор ТОО «Фортуна» Машковская, предложившая заключить за вознаграждение договор на поставку ПО «Маяк» спецодежды. Панова, получив калькуляцию расценок на спецодежду и проект договора, убедила соответствующих руководителей ПО «Маяк» в целесообразности его подписания, прилагая в дальнейшем усилия по ускорению оплаты поступившей спецодежды, а также по обеспечению предоплаты в адрес данного поставщика. За указанные действия Машковская передавала Пановой оговоренные денежные суммы. Таким образом, Панова совершила преступление в процессе осуществления управленческих функций в унитарном предприятии – производственном объединении «Маяк» и, следовательно, не может быть признана должностным лицом, поскольку является лицом, обладающим управленческими функциями в коммерческой организации.⁹

Следует отметить, что подобные проблемы возникают также при оценке действий лиц, являющихся работниками муниципального предприятия. Так, например, в определении Верховного Суда РФ по делу Устинова было указано, что директор муниципального предприятия жилищно-коммунального хозяйства поселка является субъектом должностного

преступления и, следовательно, верно осужден за получение двух взяток. При этом отмечалось, что изложенные в кассационной жалобе доводы о том, что предприятие жилищно-коммунального хозяйства по своему статусу является коммерческой организацией, необоснованны. Согласно Уставу предприятия жилищно-коммунального хозяйства, зарегистрированному и утвержденному в установленном законом порядке, указанное предприятие по своей организационно-правовой форме – муниципальное, поставлено на учет в государственной налоговой инспекции по району и включено в государственный реестр налогоплательщиков с кодом формы собственности «14» – муниципальная собственность.¹⁰ По мнению Б.В. Волженкина, это пример неправильной аргументации.¹¹ Действительно, в соответствии со ст.113 ГК РФ унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Как указывалось ранее, в ч.2 ст.113 ГК РФ установлено, что в форме унитарных предприятий могут быть созданы только государственные и муниципальные предприятия. Таким образом, любое муниципальное предприятие является коммерческой организацией, работники которой не могут признаваться должностными лицами. При наличии соответствующих функций их следует рассматривать как лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности.

Указанное выше судебное решение по конкретному уголовному делу было воспринято многими правоприменителями как вариант правильной квалификации. Так, Р. – главный бухгалтер муниципального предприятия жилищно-коммунального хозяйства поселков Молодежный, Усть-Мана, Слизнево Красноярского края – была признана должностным лицом, виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.293 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за халатность. В дальнейшем уголовное дело было прекращено в связи с актом амнистии.

В то же время в ряде случаев судебная практика учитывает положения, закрепленные в ГК РФ, что находит свое отражение в квалификации содеянного.

Так, Борисоглебским городским судом Воронежской области Вахрушева была признана виновной и осуждена по ч.1 ст.201 УК РФ за то, что работая исполняющим обязанности директора, а затем директором муниципального торгового коммерческого предприятия №2 «Юпитер», расположенного на территории

колхозного рынка в г.Борисоглебске, и являясь лицом, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции на этом предприятии, злоупотребляла своими полномочиями в корыстных целях, то есть для получения незаконных доходов для себя сдавала в аренду помещения магазина и прилегающую к нему землю, входящую в состав городских земель, но выделенную предприятию в бессрочное пользование, без надлежащего оформления этих договоров; полученные от арендаторов деньги она в кассу не сдавала, а присваивала, причинив тем самым существенный вред интересам предприятия и города. Таким образом, обвиняемая верно была признана лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации – муниципальном предприятии.¹²

Следует отметить, что в настоящее время Верховный Суд РФ уточнил свою позицию по вопросу о статусе руководителей муниципальных унитарных предприятий. Так, рассматривая дело по обвинению Эйдуса – директора муниципального унитарного предприятия, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переклассифицировала действия виновного с п. «в» ч.4 ст.290 УК РФ на п. «в» ч.4 ст.204 УК РФ, указав, что директор муниципального унитарного предприятия, осуществляющий в нем управленческие функции, не относится к должностным лицам, указанным в примечании к ст.285 УК РФ.¹³

При перечислении органов и учреждений, в которых могут осуществлять свои функции должностные лица, указывались также Вооруженные Силы РФ, другие войска и воинские формирования. В то время как состав Вооруженных Сил РФ определяется Федеральным законом «Об обороне», деятельность других войск и воинских формирований устанавливается на основе иных федеральных законов, например, на основе Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел РФ». Следовательно, если лицо осуществляет определенные функции в воинском формировании, положение которого не урегулировано соответствующими федеральными законами, данное лицо не может быть отнесено к категории должностных лиц.

Как указывалось выше, лица, выполняющие управленческие функции, осуществляют свою деятельность в коммерческих и иных организациях, некоторые виды которых назывались в процессе сравнительного анализа мест осуществления функций двумя видами специальных субъектов. По общему правилу, в соответствии со ст.50 ГК РФ, коммерческими признаются

организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Они могут создаваться как в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, так и указанных выше государственных и муниципальных унитарных предприятий. В свою очередь, некоммерческими признаются организации, не преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом. При этом закон предоставляет некоммерческим организациям право осуществлять предпринимательскую деятельность, если она служит достижению целей, ради которых создана данная организация, и соответствует этим целям. Коммерческие и некоммерческие организации могут объединяться в форме ассоциаций и союзов. На основании изложенного представляется верной оценка действий Ш. – исполнительного директора Фонда социальной поддержки населения при Управлении социальной защиты населения администрации Свердловского района г.Красноярска – как лица, выполняющего управленческие функции в некоммерческой организации, поскольку последний, желая получения выгод и преимуществ со стороны декана географического факультета Красноярского государственного педагогического университета для своей дочери – студентки 1 курса указанного факультета, передал декану в виде спонсорской помощи не принадлежащую ему офисную мебель, фактически поставленную для погашения задолженности ООО «КрасИрк» перед пенсионным фондом.

В п.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» особо указано, что поверенные, представляющие в соответствии с договором интересы государства в органах управления акционерных обществ (хозяйственных товариществ), часть акций (доли, вклады) которых закреплена (находится) в федеральной собственности, при совершении определенных действий должны рассматриваться как лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации.

конституционно-правовом порядке, заменяя ее квазиформами в виде партийно-политической ответственности, неясной ответственности перед народом органов государственной власти (в качестве примера можно привести освобождение от должности Генерального секретаря КПСС и одновременно Н.С.Хрущева решением Пленума ЦК КПСС). Впервые отрешение (а точнее, «смещение») от должности президента появилось в нашей правовой системе в 1990 году с введением поста Президента СССР и было регламентировано в ст.127-8 Конституции СССР 1977 года. Процедура использования этой меры ответственности была достаточно проста: Съезд народных депутатов СССР принимает решение о смещении президента с должности за нарушения конституции и законов 2/3 голосов с учетом заключения Комитета конституционного надзора СССР.

Отрешение от должности президента как мера конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации впервые была оформлена одновременно с введением поста Президента РСФСР, а механизм был определен ст.121-10 Конституции РСФСР. Нужно сказать, что указанный институт существенно отличался от ныне действующего и прежде всего наличием более широких оснований ответственности (нарушение конституции, законов, присяги) и упрощенной процедуры ее применения (решение принимал Съезд народных депутатов РСФСР на основании заключения Конституционного Суда РФ).

В отличие от описанной ранее процедуры Конституция РФ в ст.93 определяет принципиально иной механизм отрешения от должности Президента Российской Федерации. Основанием для возбуждения процедуры импичмента Президента Российской Федерации может быть совершение им государственной измены или иного тяжкого преступления. Тяжким преступлением, согласно ст.15 УК РФ, являются те умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание в виде лишения свободы не превышает 10 лет. Как известно, УК РФ введена категория «особо тяжких преступлений», т.е. признаки преступлений, в качестве наказания за совершение которых предусмотрены лишение свободы на срок свыше 10 лет или смертная казнь. При этом стоит учесть, что в УК РСФСР легального определения понятия «особо тяжкое преступление» не содержалось, хотя и использовалось в двух статьях, но в отдельных составах постоянно использовался иной термин – «особо тяжкие последствия». Поэтому сразу можно задаться вопросом, что же представляет собой категория преступлений, являющихся основанием для возбуждения процедуры импичмента:

тяжкие или особо тяжкие, тем более, что буквальное толкование ч.1 ст.93 Конституции РФ позволяет предположить, что авторы Конституции РФ государственную измену относили к тяжким преступлениям? А в УК РФ государственная измена, в соответствии с ч.5 ст.15 УК РФ, определенно подпадает под понятие особо тяжкого преступления. В этой связи актуальным представляется внесение поправки в ч.1 ст.93 Конституции РФ, детализирующей характеристику преступных деяний, за совершение которых возможна ответственность Президента Российской Федерации.

Другой не менее дискуссионной проблемой является вопрос ответственности Президента Российской Федерации за совершение таких преступных деяний, характеристика которых дана в ч.2, 3 ст.15 УК РФ, то есть преступлений небольшой или средней тяжести. Иными словами, в том случае, если Президент Российской Федерации совершит, например, деяния, предусмотренные такими составами, как уклонение от уплаты налогов (ст.198 УК РФ), вымогательство (ст.163 УК РФ), мошенничество (ст.159 УК РФ), то он не понесет никакой ответственности вообще. Как известно, подавляющее число преступлений (особенно это касается экономических преступлений, преступлений против конституционных прав человека и гражданина, экологических преступлений), предусмотренных в Особенной части УК РФ, относится к преступлениям небольшой или средней тяжести. Фактически это означает принцип безответственности президента за совершение многих уголовных преступлений, что, безусловно, нарушает один из базовых конституционных принципов – принцип равенства граждан перед законом и судом (ст.19 Конституции РФ). Возникает просто парадоксальная ситуация, когда на вершине власти может легально находиться уголовный преступник¹, при этом не подлежащий ответственности. Тогда необходимо согласиться с тем, что допустимо по усмотрению законодателя ограничивать этот общеправовой принцип, а также соглашаться с конституционным непризнанием общей идеи права как нормативно воплощенной справедливости. Если в российском обществе есть неприкасаемое лицо, то как минимум циничным представляется положение Конституции РФ о правовом государстве, когда глава государства находится вне общего для всех правила поведения, становится выше закона.

Если мы проанализируем практику цивилизованных, демократических государств, прошедших длительную эволюцию своего развития, мы увидим, что нигде нет примеров такого рода

«обожествления» неприкосновенности фигуры президента. Как правило, основания привлечения президента к ответственности включают в себя не только совершение тяжкого преступления, но и иные уголовные преступления, нарушение конституции и реже – совершение проступков. В США Президент, согласно ст.2 раздела 4, подлежит импичменту даже по обвинению в совершении проступков (фактически Президент Б.Клинтон чуть было не лишился своего поста за лжесвидетельство). В Польше основанием ответственности президента выступают нарушение Конституции, закона или совершение преступления (ст.145). Австрийская Конституция в качестве оснований ответственности президента выделяет нарушение им Конституции (ст.142). В Италии условием ответственности президента выступают государственная измена и посягательство на Конституцию (ст.90).²

Представляется, что не оправданно сужать фактическое основание ответственности президента лишь совершением тяжких уголовных преступлений. Необходимо четко описать в Конституции, уголовно-процессуальном законодательстве основания и порядок привлечения к уголовной ответственности Президента Российской Федерации как за совершение любых уголовных преступлений, так и за неисполнение Конституции, решений Конституционного Суда Российской Федерации или иных федеральных судов.

В Российской Федерации также легализована одна из самых жестких и в то же время пробельных процедур реализации этой меры ответственности, что девальвирует ее правовое значение и превращает эту меру ответственности в правовую фикцию. Каковы же тезисы, положенные в основу такого суждения?

Во-первых, совершенно неясно, почему необходимо участие в процедуре Верховного и Конституционного судов Российской Федерации. Не подлежит сомнению тот факт, что судопроизводство включает в себя специальные стадии (досудебная подготовка, предварительное слушание, прения сторон, исследование доказательств, включая заслушивание свидетелей, экспертов, реплики), которые направлены на выяснение истины, служат средством ее достижения. В свете этого трудно представить, о какой истине может идти речь, когда Верховный Суд РФ должен дать заключение о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков тяжкого преступления без проведения самых необходимых процессуальных действий. В реальности такое заключение будет являться в значительной мере субъективным предположением, основанным

не на всесторонней оценке доказательств, а лишь на изучении письменных документов, которое, в принципе, может сформулировать любое лицо, сколько-нибудь знакомое с основами юриспруденции. Суд в этой ситуации выступает в не свойственной ему роли: и как сторона обвинения (как органы внутренних дел или прокурор), и как эксперт, но даже обвинение имеет в своем распоряжении необходимые средства для сбора доказательств, каких вообще лишен суд (меры процессуального принуждения, право допроса, очной ставки, экспертизы). Кроме того, как отмечается в литературе, в законодательстве не регламентирован вопрос о процессуальном порядке рассмотрения Верховным Судом РФ признаков преступления в действиях глав государства, невозможно определить, какой орган в составе Верховного Суда РФ должен давать заключение (президиум, коллегия или пленум).³

Во-вторых, согласно ч.3 ст.93 Конституции РФ Совет Федерации в течение 3 месяцев принимает решение по обвинению, поддержанному Государственной Думой. При этом, если Верхняя палата вообще не будет рассматривать этот вопрос (на что она имеет полное право), то процедура импичмента прекращается. Надо также учесть и то, что к этому моменту в распоряжении Совета Федерации могут быть и положительное заключение Верховного суда о наличии признаков тяжкого преступления, и заключение Конституционного Суда РФ о соответствии Основному закону процедуры выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации. Как отмечается в литературе, «подобного нельзя найти ни в одной Конституции»⁴.

В-третьих, непонятно, по какой причине Конституционному Суду РФ была уготована роль проверки установленного порядка выдвижения обвинения: этот порядок в конституционной норме закреплен, и трудно даже представить, какого рода проверка будет осуществляться Конституционным Судом РФ. Фактически, это может быть лишь проверка правильности голосования и подсчета голосов парламентариев, соблюдения буквы норм Регламента Государственной Думы, опосредующих создание и деятельность специальной комиссии и ее заключение. Нельзя не подчеркнуть, что происходит в определенном смысле дублирование функций Конституционного Суда РФ и самой специальной комиссии Государственной Думы (например, проверка правильности подсчета голосов, наличия кворума для голосования – ст.178 Регламента Государственной Думы). Не стоит забывать, что в условиях отсутствия нормативных актов, регламентирующих процедуру проверки, Конституционный Суд РФ просто не может проверить соблюдение установленного порядка выдвижения

обвинения.⁵ И более того, крайне сложно представить, что в условиях гласности и допуска средств массовой информации в зал для голосования возможны какие-либо серьезные фальсификации, тем более, что сам процесс голосования будет находиться под постоянным наблюдением и контролем со стороны различных депутатских групп, прессы и представителя Президента Российской Федерации в Государственной Думе.

В-четвертых, ни Конституцией РФ, ни Федеральным законом детально и исчерпывающе не регламентированы полномочия специальной комиссии, создаваемой Государственной Думой для подготовки обвинения против Президента Российской Федерации. Полномочия указанной комиссии предусмотрены лишь в одной статье Регламента Государственной Думы (ст.178), и ее правовой статус представляется явно недостаточно проработанным. Совершенно не определены процессуальный статус документов, полученных в ходе опроса лиц, могущих сообщить о фактах, положенных в основу обвинения, отсутствуют законодательно определенные процессуальные основы правомочий по назначению экспертиз, оформлению показаний экспертов, не установлена ответственность за неявку должностных лиц для дачи показаний комиссии. Так, например, памятна процедура выдвижения обвинения против бывшего Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, когда высшие государственные чиновники просто не являлись для дачи показаний членам данной специальной комиссии.

Важно отметить, что процедура привлечения Президента к ответственности в большинстве демократических государств мира также отличается от российской модели в сторону большей «открытости» и процедурной ясности. Процедура, как правило, имеет две разновидности: судит Президента специальный Суд, а передают дело в суд обе палаты парламента (Высокая палата правосудия во Франции, Конституционный Суд в Италии, Государственный трибунал в Польше,) или же модель, в рамках которой решение принимается высшим представительным органом власти, когда одна из палат возбуждает обвинение, а другая отрешает от должности (США, где решение всегда принимает Сенат, или же, как в Ирландии, решение принимает та из палат парламента, в которую поступило обвинение, сформулированное другой палатой).

Более того, российское законодательство может «гордиться» изобретением понятия «неприкосновенности» лица, не занимающего государственной должности, предусмотренного Федеральным законом «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий и

членам его семьи» от 25 января 2001 года №12-ФЗ.⁶ В соответствии с нормами данного правового акта невозможно привлечь к уголовной ответственности Президента, прекратившего исполнение своих полномочий за совершение преступных деяний в период нахождения на должности (ст.3) в обычном уголовно-процессуальном порядке. Кроме того, предусмотрена и беспрецедентная процедура снятия неприкосновенности для лица, не имеющего специального статуса, не занимающего никакой государственной должности, а именно – согласие Государственной Думы и Совета Федерации на привлечение к ответственности. По сути это своего рода абсолютный иммунитет, не свойственный даже монархам в современных парламентских монархиях. Это правовой «беспредел», насилие над правом в интересах определенных политических групп, в угоду политической целесообразности. Такой закон представляет собой прямой вызов принципам демократии, правового государства и формального равенства граждан Российской Федерации, он свидетельствует о пренебрежении властными органами магистральными общеправовыми принципами в узких партийно-политических интересах.

В принципе, не будет преувеличением сказать, что процедура отрешения от должности в российской Конституции изначально не была рассчитана на реальное применение на практике. Это мертворожденное образование, закрепленное лишь для маскировки и лишь формально имеющее демократическое содержание. Этот тезис подтверждает и предпринятая депутатами Государственной Думы попытка отрешения от должности первого Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина в 1998-1999 гг. Как известно, в апреле – мае 1998 года 247 депутатов Государственной Думы инициировали возбуждение процедуры отрешения от должности президента, а затем была создана специальная комиссия под председательством В.Д.Филимонова для подготовки соответствующих заключений. На рассмотрение Государственной Думы были вынесены заключения этой комиссии по каждому из пяти пунктов обвинения против Президента России, выдвинутых депутатами Государственной Думы. Эти обвинения вкратце сводились к обвинениям в совершении следующих преступных деяний: разрушение СССР, совершение государственного переворота (разгон Верховного Совета РСФСР), развязывание военных действий в Чеченской Республике, совершение действий, приведших к ослаблению обороноспособности и безопасности РФ, и совершение действий,

приведших к геноциду российского народа. Все указанные выше деяния были квалифицированы по соответствующим статьям УК РСФСР и УК РФ 1996 года⁷. Депутаты Государственной Думы голосовали за каждый из пяти пунктов обвинения и не смогли набрать необходимого большинства в 300 голосов ни по одному пункту обвинения⁸, несмотря на то, что, по крайней мере, два из этих обвинений – совершение государственного переворота (разгон Верховного Совета и штурм здания), развязывание военных действий в Чечне – действительно имеют под собой реальные признаки конкретных тяжких уголовных преступлений – ст.ст.105 «Убийство», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», 286 «Превышение должностных полномочий» УК РФ 1996 г.

Еще ранее, в период действия Конституции РСФСР 1978 года, а именно 29 марта 1993 года, была предпринята попытка отрешения от должности Президента Российской Федерации по решению Съезда народных депутатов РСФСР за принятие правовых актов и обращений к населению, не соответствующих Конституции РСФСР, но эта попытка также была неудачной.⁹

Если мы действительно провозгласили целью формирование в России правого государства, то, конечно, указанная процедура вряд ли соответствует этому общеправовому принципу.¹⁰ Наша конституционная модель отрешения от должности президента создавались под конкретного президента (Б.Н.Ельцина) в период его почти безграничной власти, при отсутствии высшего представительного органа, и поэтому явно не соответствует потребностям эволюционного демократического развития России, приближения к общецивилизационным и устоявшимся мировым стандартам конституционного строя. Полностью справедливо суждение одного из ведущих отечественных правоведов-исследователей Основного закона Российской Федерации С.А.Авакьяна: «... действующая Конституция устанавливает такие основания для постановки вопроса об отрешении, при которых оно фактически невозможно»¹¹.

В самое ближайшее время необходимо задуматься о разработке поправок к Конституции, заново создающих механизм конституционной ответственности президента. При этом, согласно общемировой практике применения института отрешения от должности президента, необходимо расширить основания для импичмента – как минимум совершение любого уголовного преступления или, возможно, административного проступка. Необходимо упростить процедуру реализации ответственности посредством

либо превращения Совета Федерации в квазисудебный орган с надлежащими полномочиями (исключение из процедуры Конституционного и Верховного судов с их неясными «заключениями»), либо создания специального судебного органа (государственного суда либо трибунала), или делегирования этого полномочия Конституционному Суду для решения вопроса об импичменте Президента Российской Федерации. Но до реализации этого сценария может пройти несколько лет, поэтому важно посредством поправок в действующее законодательство максимально процессуально детализировать процедуру отрешения от должности Президента Российской Федерации, восполнив пробелы конституционного регулирования. Оправданной и давно требуемой мерой (дающей возможность избежать субъективизма в принятии соответствующих решений) может быть признано внесение специальной главы в УПК РФ, закрепляющей процессуальные основы полномочий специальной комиссии Государственной Думы, гарантий прав экспертов и свидетелей, ответственность за неявку на заседания специальной комиссии, содержательную характеристику заключения Верховного Суда РФ о наличии признаков преступления в действиях Президента Российской Федерации, а также особенности процедуры возбуждения уголовного дела против Президента Российской Федерации (отрешенного от должности), передачи дела в суд (скорее всего это должен быть Верховный Суд РФ).

К ПРОБЛЕМЕ О НАКАЗАНИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Примак А.А.
Сибирский юридический институт
МВД России

Одной из особенностей уголовно-правового воздействия на осужденных, посягающих на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, выступают особые правила назначения им наказания. Вместе с тем изучение эффективности самого уголовно-правового воздействия немисливо без исследования наказания, так как содержание последнего, определение его целей и порядка назначения формируют теоретические основы арсенала средств уголовно-правового принуждения.¹ Сказанное актуализирует потребность в изучении

проблем, связанных с содержанием санкций норм, регламентирующих ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы (ст.ст.313, 314 и 321 УК РФ).

Справедливо отмечается в юридической литературе, что от характера строения санкций, видов и размеров наказаний в значительной мере зависит линия карательной практики в борьбе с преступностью. Дефекты законодательного определения санкций оказывают неблагоприятное влияние на судебную практику.²

Анализ видов наказания, установленных за совершение названных преступлений, позволяет нам презюмировать, что законодатель обоснованно ограничивается (в минимальном плане) лишением свободы, поскольку карательное содержание наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в основном схоже с соответствующими административными и дисциплинарными взысканиями, поэтому с аксиологической точки зрения установление их в законодательстве и применение на практике возможно лишь с позиции их способности обеспечить достижение стоящих перед наказанием превентивных и общесоциальных целей.³

Поскольку указанные преступления посягают на реализацию наказания, то очевидно, что недостижение целей лишения свободы исключает постановку вопроса, даже на теоретическом уровне, о назначении осужденным менее репрессивных наказаний, это во-первых. Подтверждением данного вывода могут служить результаты анкетирования, где ни один из респондентов не отметил целесообразность установления в законе наказаний за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст.313, 314 и 321 УК РФ, более мягкой репрессии, чем лишение свободы. Во-вторых, как справедливо замечает А.И.Марцев, это фактическая невозможность назначения осужденным наказания, не связанного с лишением свободы, так как в подобном случае встал бы вопрос об отсрочке исполнения приговора, для чего основания нет.⁴ Дополнительным аргументом этого вывода являются итоги изучения приговоров, вынесенных в отношении осужденных, по 2% из которых назначено более мягкое наказание, чем лишение свободы по статьям 115, 116, ч.3 ст.327 УК РФ), санкция которых не предусматривает данный вид наказания. Во всех названных случаях, как и при применении института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст.64 УК РФ), которое имело место в отношении двух

осужденных, реализовывалась ст.71 УК РФ для замены назначенного наказания на лишение свободы.⁵

Исследуя размер наказания за насилие в отношении субъектов пенитенциарной деятельности (ст.321 УК РФ), авторы отмечают его негативное влияние на унификацию наказаний, установленных за угрозу совершения преступления и нарушение принципов справедливости и равенства граждан перед законом.⁶ Кроме указанного, санкция по рассматриваемому составу нуждается в координации с позиции Федерального закона от 20 апреля 1995 г. №45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁷, предусматривающего в числе мер правовой защиты повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и имущество представителей власти (ст.3), к которым также относятся сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Сопоставление общих норм по отношению к ст.321 УК РФ по медиане санкций, т.е. ее средним значением между верхним и нижним пределом наказания (лишения свободы), позволяет нам отметить три позиции.

Во-первых, диспропорция строгости специальной нормы по отношению к общей, которая имела место в предыдущем законодательстве, регламентирующем ответственность за посягательства в отношении государственных служащих, и неоднократно подвергалась в специальной литературе обоснованной критике⁸, выдержана, поскольку оценка законодателем общественной вредности преступления по сравнению с деянием, содержащимся в общей норме, постоянно возрастает (см. рис.1).

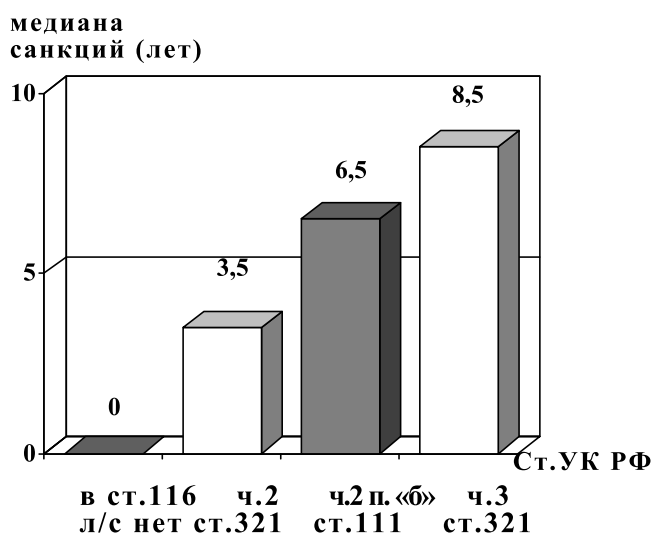

Рис.1.

Во-вторых, с учетом того, что ч.3 ст.321 УК РФ в качестве потерпевших признает и сотрудника места лишения свободы (его близких), и осужденного, не выдерживает критики

непоследовательность законодателя относительно равной общественной вредности применения насилия, опасного для жизни или здоровья указанных лиц, тогда как при регламентации неопасного насилия подчеркивается повышенная уголовно-правовая охрана деятельности сотрудников исправительных учреждений по сравнению с деятельностью осужденных путем установления разных минимальных рамок лишения свободы.

Следовательно, в-третьих, непоследователен законодатель при оценке общественной вредности преступления и, соответственно, пределов, в которых установлены размеры наказаний, исходя из существующей в законодательстве классификации преступлений (ст.15 УК РФ). Объем карательного заряда в ст.321 УК РФ определяется от 6 месяцев до 12 лет. Ориентируясь на эти показатели, можно провести градацию данного деяния на виды. В соответствии со ст.15 УК РФ, казалось бы, норма о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, содержит в себе все четыре категории преступлений. Однако это не так, законодатель не только справедливо не признает возможность дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества посягательством, сравнимым с преступлением небольшой тяжести, но и необоснованно упускает тяжкие преступления, поскольку ч.1 и ч.2 ст.321 УК РФ содержат в себе преступление средней тяжести, а ч.3 – особо тяжкое.

Вряд ли можно поддержать законодателя в обусловленности качественной дискретности (скачка) общественной вредности дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Представляется целесообразным постепенный перевод влияния видов насилия в отношении субъектов уголовно-исполнительной деятельности на определение характера вредности путем закрепления последовательного перехода от одной категории преступления к другой. Образец реализации такого подхода обнаруживается в уголовно-правовом регулировании деяний, связанных с уклонением от отбывания лишения свободы. В частности, ст.314 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести, ч.1 ст.313 – средней тяжести, ч.2 ст.313 – тяжкого преступления.

Вместе с тем обращает на себя внимание отход законодателя от объективной оценки общественной вредности деяний, препятствующих реализации лишения

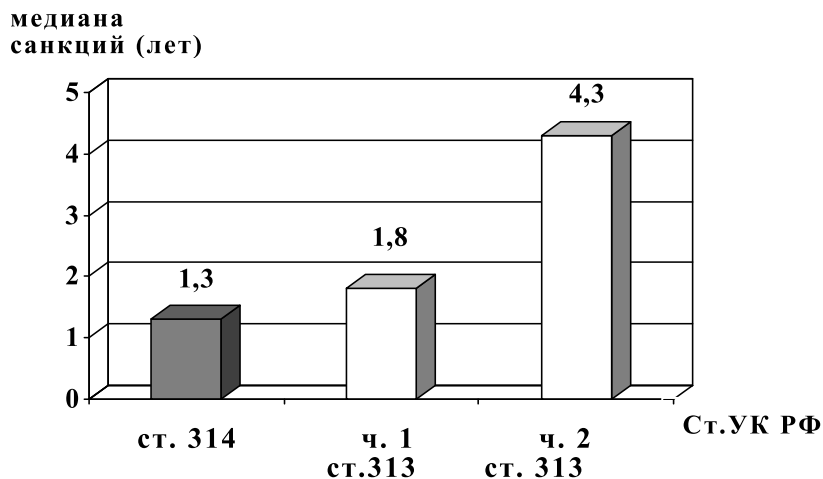

Рис.2.

свободы. Такая позиция законодателя связана не только с тем, что в основе категоризации преступлений лежит формальный критерий (запрещенность), а не содержательный (общественная вредность), но и пренебрежение им же самим введенной классификации преступлений. Этот вывод следует из анализа медианы санкций за побеговые деяния, которая, отклонения от отбывания лишения свободы до простого состава побега, незначительно повышается; затем увеличивается более чем в два раза в квалифицированных видах побега (см. рис.2). По нашему мнению, оценка в законе качественной дискретности общественной вредности должна увеличиваться в пропорциональном соотношении, иначе это приводит к девальвации карательной практики. В частности, нами были изучены приговоры по двух категориям дел: уклонение от отбывания лишения свободы (ст.314 УК РФ) и оставление места лишения свободы осужденным, находящимся фактически вне сферы изоляции (невозвращение в колонию лицом, пользующимся правом бесконвойного перемещения; невозвращение в колонию-поселение; невозвращение в колонию лицом, направленным на стационарное лечение в органах здравоохранения и т.п.), которое предусмотрено ч.1 ст.313 УК РФ и, по мысли законодателя, является более общественно опасным, следовательно, должно наказываться строже. Однако анализ средних сроков лишения свободы, назначенных за эти преступления, говорит, что правоприменитель не выдерживает этой позицию законодателя, поскольку средний срок лишения свободы по ст.314 УК РФ составил 15,5 месяцев, а по ч.1 ст.313 УК РФ – 14 месяцев.

Необоснованность законодательных пределов наказания становится еще более очевидной при исследовании нижнего предела санкций статей, регламентирующих ответственность за

преступления, связанные с уклонением от отбывания наказания. Он составляет во всех случаях (ст.314, ч.1 и ч.2 ст.313 УК РФ) 6 месяцев лишения свободы. Таким образом, в указанных нормах размеры наказания расположены в таких пределах, что за одно и то же посягательство может быть назначено наказание как за преступление небольшой тяжести, так за преступление средней тяжести (ч.1 ст.313 УК РФ). Особенно в этом плане заслуживает критики санкция ч.2 ст.313 УК РФ, так как правоприменитель за деяния, указанные в этой статье, может определить меру воздействия, соответствующую преступлению и небольшой, и средней тяжести, а также тяжкому преступлению, что, соответственно, может негативно отразиться на эффективности применения уголовно-правовых норм.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что система санкций в нормах, регламентирующих уголовную ответственность осужденных за посягательства на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, нуждается в совершенствовании. Содержание выявленных нами недостатков – анализ специальной литературы по проблемам эффективности уголовно-правового воздействия, а также попытки моделирования автором пределов лишения свободы позволяют признать наиболее оптимальным при компоновке санкций статей использовать принцип, предложенный А.И. Марцевым, суть которого сводится к тому, что устанавливая размеры наказаний необходимо в пределах, определенных для каждой категории преступлений.⁹ Лишь определяя типовую социальную вредность конкретного посягательства, возможно адекватно отразить в законе его объективную опасность.

Таким образом, актуальным выступает проблема отнесения конкретного преступного акта, совершаемого осужденным, к определенной категории преступления. Каждой категории преступлений по характеру и степени общественной вредности корреспондирует определенной ценности объект, при этом интересы правосудия относятся к объектам, представляющим среднюю ценность.¹⁰ Важность объекта повышается в связи с тем, что вред причиняется уголовно-исполнительной деятельности по реализации одного из самых суровых уголовных наказаний – лишения свободы.

Следовательно, уже сам факт возможного причинения вреда объекту, представляющему указанную ценность, дает основания отнести исследуемые деяния к категории преступлений средней тяжести. На необходимость такого умозаключения указывают и результаты опроса сотрудников судебных и правоохранительных

органов, которые оценили пределы лишения свободы за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы, как недостаточные для эффективной профилактики преступности в местах изоляции от общества. В частности, применительно ко всей группе исследуемых норм 72,9% респондентов высказались за увеличение сроков наказания (см. таблицу №1). При этом 0,9% предложили введение смертной казни или пожизненного лишения свободы в санкцию нормы, предусматривающей ответственность за насилие, опасное для жизни или здоровья, применяемое в отношении сотрудников места лишения свободы (ч.3 ст.321 УК РФ).¹¹

Таблица №1

А) увеличение максимального предела срока наказания...	19,5%
Б) увеличение максимального и минимального сроков наказания.....	32,4%
В) увеличение минимального предела срока наказания.....	20%

Показатель мнения представителей правоохранительных органов об усилении ответственности лишенных свободы свидетельствует не только об отсутствии должной оценки в законе общественной вредности исследуемых преступлений, но и о том, что в механизме сдерживания осужденных от совершения преступлений нельзя недооценивать элемент устрашения¹² более строгим наказанием. Актуализируется указанный тезис тем обстоятельством, что усиление наказания с учетом общественной вредности является одной из детерминант, влияющих на поведение прежде всего тех людей, для которых тюрьма как олицетворение (символ) наказания, не стала ни реальным, ни эффективным средством ограничения криминальной активности. По крайней мере, именно с такой позиции был интерпретирован в литературе вывод А.И.Марцева о необходимости выделения «конкретизированного общепредупредительного воздействия»¹³, вследствие чего обосновывалась потребность в определении наиболее суровых наказаний за тяжкие преступления, совершаемые осужденными, в том числе за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, вплоть до смертной казни.¹⁴

Таким образом, представляется целесообразным ужесточение наказаний за совершение анализируемых преступлений. Оно должно быть реализовано увеличением, по нашему мнению, и минимальных, и максимальных сроков лишения свободы. При этом законодателю необходимо исходить из того, что:

– во-первых, преступления, посягающие на нормальную уголовно-исполнительную деятельность по реализации приговора суда о назначении лишения свободы, относятся к категории средней тяжести. Вследствие этого минимальное наказание за эти деяния не может быть меньше двух лет лишения свободы. Вместе с тем ряд квалифицирующих отягчающих обстоятельств своими социально-правовыми свойствами обуславливают качественную дискретность общественной вредности конкретного деяния, переводящее преступление из одной категории в другую.¹⁵ Сопоставление правовой регламентации исследуемых преступлений с выявленными А.И.Марцевым квалифицирующими признаками, изменяющими характер вредности любого деяния с повышением категории преступления, позволяет автору отнести побег, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с применением насилия или угрозой его применения; с применением оружия либо предметов, используемых в качестве оружия к тяжким преступлениям. Поскольку дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, причиняет вред объекту средней ценности насильственным способом, то простой состав указанного преступления следует относить также к тяжким. Применение опасного насилия к субъектам пенитенциарной деятельности переводит это преступление в разряд особо тяжких, так как вред подобным способом может причиняться либо двум разным объектам, каждый из которых самостоятельно представляет среднюю ценность, либо одному из них – ценному – здоровью (например, причинение тяжкого вреда);

– во-вторых, устанавливать наказание необходимо в рамках той категории, которая соответствует объективной общественной вредности конкретного преступления. Таким образом, санкция ч.1 ст.313 и ст.314 УК РФ не должна содержать наказание менее двух лет лишения свободы, но и не должна превышать пятилетнего срока. Соответственно, квалифицированные виды побега, как и применение насилия, не опасного для жизни или здоровья субъектов уголовно-исполнительной деятельности (ч.ч.1 и 2 ст.321 УК РФ), должны наказываться в рамках от пяти до десяти лет лишения свободы. Применение опасного насилия (ч.3 ст.312 УК РФ) предполагает минимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы;

– в-третьих, моделируя пределы наказания, необходим плавный переход количественных показателей лишения свободы в зависимости от объективной общественной вредности деяний, подпадающих в разряд единой категории, где санкция одной

статьи (части) не пересекается с цифровыми характеристиками другой. Следовательно, представляется правильным, чтобы наказание за уклонение от отбывания лишения свободы предусматривало лишение свободы от двух до трех лет, а простой состав побега – от 3 до 5 лет. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении осужденного – от 5 до 7 лет; в отношении сотрудника места лишения свободы (его близких) – от 7 до 10 лет. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья осужденного, – от 10 до 12 лет; второй категории потерпевших – от 12 до 15 лет. Реализация этого предложения требует выделения ч.4 ст.321 УК РФ либо, что наиболее предпочтительнее, регламентации ответственности за насильственное посягательство в отношении осужденных и сотрудника места лишения свободы (их близких) в разных статьях уголовного закона.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кулешов Ю.И.,
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт
Дальневосточного государственного
университета

На современном этапе развития российского общества один из ключевых вопросов государственной власти связан с поддержанием доверия граждан к государству. Степень этого доверия напрямую зависит от эффективной и законной деятельности государственного аппарата. В этой связи правосудие становится важнейшим гарантом прав и свобод личности, надежной защитой конституционного строя России, ее экономической мощи, правопорядка от преступных посягательств. Однако при осуществлении этих задач само правосудие также нуждается в охране, в том числе уголовно-правовыми средствами.

В уголовно-правовой теории проблемы охраны правосудия неоднократно становились предметом исследования.¹ Вместе с тем следует признать справедливым утверждение профессора Л.В.Лобановой о том, что степень разработанности данных проблем нельзя признать достаточной. Тем более, подчеркивает

автор, настораживает тот факт, что в период происходящей в стране судебно-правовой реформы данные проблемы не только не стали предметом пристального изучения, а наоборот, активность ученых значительно снизилась.²

Возможно, это объясняется тем, что в общей совокупности совершаемых преступлений на территории Российской Федерации данная группа преступлений составляет менее одного процента.³

Однако значимость тех или иных уголовно-правовых норм следует определять не только количеством регистрируемых преступлений, но важностью охраняемых отношений. В этом аспекте сфера правосудия представляет несомненный научный интерес, ибо, как верно отметил А.М.Ларин, подобные деяния сравнимы с наиболее тяжкими преступлениями.⁴

Кроме того, проводимая в стране судебная реформа, принятие нового процессуального законодательства (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ) потребуют коррекции уголовно-правовых норм о преступлениях против правосудия. Сказанным определяется значимость рассматриваемых проблем в настоящей статье.

Анализируемое преступление хотя и является наименее распространенным деянием в данной группе преступных посягательств, однако представляет наибольшую общественную опасность, так как сопряжено с непосредственным посягательством на интересы правосудия. Предусмотренное в настоящей статье Уголовного кодекса РФ общественно опасное деяние причиняет ущерб правосудию в конституционном смысле этого слова. Оно посягает на законность и обоснованность решения, выносимого судьей единолично или судом коллегиально в ходе конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства.

Так, осуждая по ст.305 УК РФ судью А., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что, являясь должностным лицом, представителем власти, наделенным в конституционном порядке полномочиями принимать обязательные для исполнения решения, А., сознавая, что действует вопреки федеральным законам и целям правосудия, умышленно вынесла 20 неправосудных решений по гражданским делам об усыновлении детей, граждан Российской Федерации, гражданами США. Вынесение неправосудных решений повлекло существенное нарушение конституционных прав и законных интересов усыновленных несовершеннолетних детей.⁵

Как показывает обзор результатов деятельности Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей общих, арбитражных и

военных судов, объем обращений, заявлений и жалоб в квалификационные коллегии с каждым годом увеличивается. Определенная часть этих обращений связана с противозаконной деятельностью судей. Так, в 2001 г. на основании пп.9 п.1 ст.14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» квалификационными коллегиями судей были прекращены полномочия 40 судей за поступки, позорящие честь и достоинство судьи и умаляющие авторитет судебной власти. Из них 15,4% – за фальсификацию судебных документов; 7,7% – за изготовление приговоров вне пределов совещательной комнаты и 18% – за другие грубые нарушения процессуального закона.⁶

По конструкции состав преступления, предусмотренного ст.305 УК РФ, относится к категории формальных. Поскольку принятие судом решения в ходе рассмотрения дела носит нередко поэтапный характер, в юридической литературе возникла дискуссия по поводу момента окончания данного преступления.

Доминирующей является точка зрения, согласно которой вынесение заведомо неправосудного судебного акта (приговора, решения или иного судебного акта) следует считать окончанным с момента его подписания судьей (судьями) независимо от вступления его в законную силу.⁷

В некоторых юридических источниках эта позиция уточнялась, и речь шла не просто о подписании, а об обязательном оглашении данного судебного акта.⁸

Буквальное толкование термина «вынести» означает в том числе *принять решение, объявить*.⁹ Поэтому под понятием «вынесение приговора, решения или иного судебного акта» следует понимать не только составление данного судебного документа, его подписание, но и в случаях, предусмотренных законодательством, его оглашение. Как только принятый неправосудный акт порождает значимый для судопроизводства результат (например, оставление заявления без рассмотрения, изменение меры пресечения обвиняемому и т.п.), данное преступление считается окончанным. Именно по этой причине действия судьи Н. были квалифицированы по ч.1 ст.305 УК РФ как окончанное преступление. Н., осознавая, что уголовное дело по обвинению Д. в совершении особо тяжких преступлений фактически находится в производстве другого судьи, не имея письменного разрешения или указания суда, используя юридическую некомпетентность народных заседателей, умышленно вынес неправосудное решение об изменении Д. меры пресечения (заключение под стражу было заменено подпиской о невыезде). Данное определение судья Н. подписал и, заверив

гербовой печатью, отправил в СИЗО. В результате этого решения Д. был из-под стражи освобожден и впоследствии скрылся от следствия и суда.¹⁰

Предметом преступления названы приговор, решение и иной судебный акт.

Приговор – это решение о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанций, или неприменении к нему наказания (п.26 ст.5 УПК РФ).

Решение – это постановление суда первой инстанции, которым дело в гражданском или арбитражном судопроизводстве разрешается по существу (ст.194 ГПК РФ, ст.167 АПК РФ).

Иные судебные акты существуют, как правило, в двух формах: постановления или определения. Это может быть заключительный акт, например, конституционного или административного судопроизводства. Постановления или определения выносятся судьей (судом) при осуществлении правосудия в предусмотренных соответствующим законодательством случаях. Например, в арбитражном процессе судебные акты апелляционной, кассационной или надзорной инстанций оформляются постановлением (ст.271, 289, 305 АПК РФ), а ст.ст.184, 147, 151 и др. АПК РФ регулируют случаи вынесения судом определения (например, при приостановлении производства по делу, прекращении производства по делу и т.п.). Подробно порядок и основания вынесения того или иного судебного акта регулируются соответствующими процессуальными нормами. Во всех случаях выносимые судебные акты должны быть законными и обоснованными.

Объективная сторона преступления состоит в вынесении неправосудного судебного акта. Принципиальное значение для характеристики объективной стороны имеет раскрытие понятия «неправосудный». Таковым следует признавать судебный акт, в котором заведомо допущены нарушения материального или процессуального права либо искажены обстоятельства, имеющие важное значение для разрешения дела по существу. В результате этого данный судебный акт по форме или содержанию не соответствует требованиям закона, приводит к нарушению законных прав и интересов физических или юридических лиц, общества или государства. Так, Высшая квалификационная коллегия судей РФ дала согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи А. за то, что последняя сфальсифицировала материалы гражданского дела. Судья А. из корыстных побуждений, не проводя судебное разбирательство, сфабриковала

дело о разводе в отношении гр. Г. в целях освобождения его имущества от возможной конфискации по приговору суда за совершенное преступление. Судья А. поручила народному заседателю изготовить и подписать фальшивый протокол несостоявшегося судебного заседания.¹¹

Представляется, что не всякое отступление от требования закона при вынесении того или иного судебного акта однозначно свидетельствует о наличии в действиях судьи рассматриваемого состава преступления. В самой статье такие критерии не обозначены.

В юридической литературе, как правило, говорится о «грубом нарушении»¹² или о «существенном нарушении»¹³ материального или процессуального законодательства. По-видимому, оценка допущенного судом отступления от закона при вынесении того или иного судебного акта в целях разграничения уголовно-наказуемого деяния и дисциплинарного проступка должна даваться в каждом конкретном случае. В учебной и научной литературе дается примерный перечень нарушений, которые, бесспорно, свидетельствуют об уголовно наказуемом неправосудно вынесенном судебном акте.

По гражданским делам – это необоснованный отказ в удовлетворении иска либо удовлетворение иска при отсутствии объективных к тому оснований, незаконное прекращение производства по делу и т.п. По уголовным делам – это осуждение заведомо невиновного или оправдание виновного, явно необоснованное изменение меры пресечения или назначенное судом наказание.

Субъект преступления специальный – судья или судьи. Согласно ст.125-127 Конституции РФ судебная система предусматривает наличие трех федеральных судов: Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда.

Кроме федеральных судов в Российской Федерации действуют конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации.

К федеральным судам относятся:

- Конституционный Суд Российской Федерации;
- Верховный Суд Российской Федерации, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды¹⁴, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции;

– Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, федеральные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов Российской Федерации, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

К судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. И те, и другие являются принципиально новыми судами, возникшими в ходе проводимой в стране судебной реформы.

Таким образом, правосудие может осуществляться лишь в вышеперечисленных судах и только лицами, которые в соответствии с законодательством признаны судьями, то есть наделены соответствующими полномочиями и исполняют свои обязанности на профессиональной основе. К осуществлению правосудия также может быть привлечено лицо, не менее десяти лет проработавшее в качестве судьи и находящееся в отставке, так называемый *почетный судья*.

Характеризуя понятие «судья», важно подчеркнуть, что это строго определенное лицо, наделенное законом полномочиями осуществлять правосудие на профессиональной основе и выполняющее эту функцию в одном из судов, установленных законодательством Российской Федерации.

Граждане Российской Федерации участвуют в осуществлении правосудия в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей. При этом, согласно арбитражному процессуальному законодательству, народные заседатели, непосредственно участвующие в судебном заседании и осуществляющие правосудие, пользуются правами и несут обязанности судьи (ст.19 АПК РФ). В ГПК РФ 2003 г. правосудие может осуществляться только профессиональными судьями (ст.14 ГПК РФ). Аналогичная позиция была провозглашена и в принятом УПК РФ, который изменил содержание понятия «судья». В отличие от ранее действовавшего процессуального закона в ст.5 УПК РФ в данное понятие включается только профессиональный судья.¹⁵ Однако реалии сегодняшнего дня оказались сложнее предлагаемых законодательных новелл. Поэтому в соответствии с Федеральным законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон от 29 мая 2002 г. №59 «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» участие народных заседателей в уголовном судопроизводстве продлено до 2004 года. При осуществлении правосудия народные заседатели пользуются всеми правами судьи, установленными УПК РФ.

Таким образом, в ст.305 УК РФ в понятие «судья» включается не только профессиональный судья, назначенный на эту должность в установленном законом порядке, но и народные и арбитражные заседатели, участвующие в составе суда в рассмотрении и разрешении уголовного или арбитражного дела.

Спорным остается вопрос о том, можно ли отнести к субъектам данного преступления присяжных заседателей в силу того, что они выносят вердикт о виновности или невиновности лица и могут принять заведомо неправосудное решение. Следует согласиться с теми авторами, которые считают противоречащим закону положительное решение этого вопроса. Так, Л.В.Лобанова указывает на то, что «законодатель не счел необходимым предусматривать ответственность за вынесение заведомо незаконного вердикта присяжными заседателями». При этом она сожалеет, что при буквальном толковании ст.305 УК РФ «присяжный заседатель оказался вне круга субъектов» данного состава преступления.¹⁶ С этой позицией следует согласиться.

В рассматриваемой статье предусмотрены квалифицированные виды данного преступления: 1) вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы; 2) наступление в результате данного деяния иных тяжких последствий.

В первом случае речь идет о назначении в качестве меры наказания лишения свободы на определенный срок либо пожизненного лишения свободы. При этом не имеет значения, считалось ли назначенное наказание условным в соответствии со ст.73 УК РФ или нет.

Иные тяжкие последствия являются оценочной уголовно-правовой категорией, которая определяется в каждом конкретном случае в зависимости от наступивших последствий. К ним можно отнести самоубийство лица, длительное отбывание наказания невиновным, тяжелая болезнь невиновного, совершение тяжких или особо тяжких преступлений лицом, незаконно оправданным, и т.п.

III. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ С ПРОЯВЛЕНИЕМ ЖЕСТОКОСТИ

Чирков Д.К.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

Среди проблем, стоящих перед российским обществом, на одно из первых мест все увереннее выходит проблема наркомании как глобальная угроза здоровью населения страны и национальной безопасности.

В данном случае особая опасность наркомании состоит не только в том, что употребление наркотиков разрушает личность, но и в том, что сама наркотизация выступает одной из причин совершения рассматриваемых нами преступлений – преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости (далее – СНОПЖ).

К примеру, за последние семь лет количество потребителей наркотиков в стране возросло примерно в 3,8 раза и, по мнению автора, уже к середине 2006 года может превысить 7,5 миллионов человек. Таким образом, с учетом прежде всего возрастной категории наркоманов (11-24 года) под угрозой оказывается практически все новое поколение страны, а отсюда и все вытекающие последствия. Но особое беспокойство вызывает рост наркотизации несовершеннолетних (в 6-7 раз за последние четыре года), а также среди женщин, девочек (в 6 раз за последние десять лет). Так, за последние десять лет число случаев смерти от употребления наркотиков среди детей увеличилось в 42 раза.

А выборочный анализ статистических показателей преступности несовершеннолетних в России, например, за 2002 год, дает основание сделать вывод о снижении в большинстве регионов числа преступлений, совершенных лицами от 14-17 лет в состоянии алкогольного опьянения. Между тем в этих же регионах резко возросло количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения, а

также существенно увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений.

Для изучения криминологической характеристики личности несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости, необходимо рассмотреть элементы структуры личности преступников-наркоманов. Для более детального исследования необходимо раскрыть социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и социально-ролевые характеристики несовершеннолетних наркоманов, совершивших преступления СНОПЖ.

Полное представление об исследуемом объекте можно получить лишь на основе свойств и признаков, которые связывают или различают его с преступностью в целом, а также необходимостью изучения наркоситуации в стране. Если мы хотим исследовать преступления, совершенные несовершеннолетними в СНОПЖ, то это необходимо сделать в тесной связи с преступностью взрослых, относящейся к аналогичной группе преступлений. В этой связи были опрошены 1030 совершеннолетних¹ и 592 несовершеннолетних², осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. Анализ результатов опроса проводился по тем же базовым позициям, по которым изучались преступления несовершеннолетних. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить некоторые особенности в криминологической характеристике личности и преступлений, совершенных несовершеннолетними в СНОПЖ. Проявляются они в тенденциях, динамике и структуре, причинах и условиях, особенно ярко – в мотивации преступного поведения.

Предваряя выводы об особенностях криминологической характеристики личности и преступлений, совершаемых несовершеннолетними в СНОПЖ, необходимо, на наш взгляд, учесть одно очень важное обстоятельство. Молодежь (особенно подростки) болезненно реагирует на негативные последствия кризисного состояния общества. Увеличивающаяся наркотизация несовершеннолетних в России является своеобразным «барометром», определяющим катастрофическое падение нравственности и духовности общества. Например, в 8-9 раз за последние пять лет возросло количество наркоманов среди несовершеннолетних (школьников и студентов) прежде всего в крупных городах.

Мониторинг среди учащихся школ, гимназий, ПТУ, техникумов и вузов города Красноярска показал довольно значительное распространение в их среде наркотических средств.

Около 25% обучающихся заявили, что они знакомы в той или иной мере с наркотическими веществами. При опросе 76 осужденных в специализированных воспитательных колониях, совершивших исследуемые нами преступления, было установлено, что 25% из них впервые начали употреблять наркотики в 14 – 15 лет, 36% – в возрасте 16 лет, 39% – 17 лет.

Особое внимание следует уделить анализу качественных (структурных) изменений наркоманийной преступности (что является более широким понятием, чем СНОПЖ) несовершеннолетних. Криминологическими исследованиями здесь выявлен ряд неблагоприятных тенденций.

Повышается степень общественной опасности наркоманийной преступности, возрастает тяжесть причиняемых ими последствий. Увеличивается удельный вес особо жестоких преступных посягательств на личность с элементами цинизма и садизма, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения.

Неблагоприятны и тенденции роста женской преступности в рассматриваемых преступлениях. До последнего времени она интенсивно увеличивалась, чуть ли не обгоняя рост мужской преступности. Некоторые противоправные посягательства со стороны женского пола носят «нетрадиционный», исключительно дерзкий и опасный характер, отличаются особой жестокостью, действуют по принципу: все или ничего. В основном насильственные действия несовершеннолетних наркоманов женского пола с проявлением жестокости, как показало наше исследование, совершаются в группах и представляют собой повышенную опасность. Опасность не только в том, что совершаются тяжкие преступления, но и в том, что виновны в них именно девушки-подростки наркоманки.

Особую тревогу вызывает омоложение лиц, употребляющих наркотики, которые через небольшой промежуток времени становятся потенциальными преступниками или инструментом совершения преступления. Необходимо коснуться и того факта, что в наркотизации подрастающего поколения заинтересованы наркосиндикаты, которые увеличивают территорию своего влияния (подчинения), а появление более тяжелых наркотиков, например героина, кокаина, ЛСД и других, ухудшает данное положение.

Увеличивается удельный вес исследуемых нами преступлений, совершенных несовершеннолетними наркоманами в соучастии со взрослыми (наркоманами).

Ухудшаются социальные характеристики несовершеннолетних лиц, совершивших исследуемые нами преступления. В частности, среди них не учился и не работал примерно каждый третий из числа опрошенных.

Преступления совершаются несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости как в группах, так и в одиночку, их соотношение примерно 73%:27%.

Рассматриваемые группы состоят:

- а) из несовершеннолетних наркоманов мужского пола;
- б) из несовершеннолетних наркоманов женского пола;
- в) из несовершеннолетних обоого пола;
- г) из несовершеннолетних, куда зачастую входят взрослые, ранее судимые лица.

Рассматривая тенденции исследуемой преступности, следует отметить увеличение доли преступников, имеющих психические аномалии, не исключаящие вменяемость (дебильность, психопатии, сексуальные отклонения и др.).

Особую опасность создает появление наркотиков синтетического происхождения, а также тяжелых наркотиков (героин, кокаин и др.), которые вызывают у людей, тем более у несовершеннолетних, наркотическую зависимость уже после первого употребления. По данным российского государственного медицинского университета (РГМУ), с первого укола формируется психическая зависимость от героина в 55% случаев у юношей и в 82% у девушек.³ Наркоману со стажем на покупку наркотиков ежедневно требуется 550-800 рублей (примерно 20–30 долларов США) в зависимости от региона, которые, естественно, добыть легальным путем невозможно.

Рассматривая криминологическую характеристику преступлений и личности несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости, необходимо учитывать вышеназванные количественные и качественные изменения.

Явным свидетельством качественных изменений, происходящих в структуре личности потребителя наркотиков под влиянием длительной наркотизации, служат данные о мотивации преступных действий обследованных подучетных (см. таблицу 1).

Таблица 1

Мотивация совершения корыстных, корыстно-насильственных преступлений

Длительность	Мотив совершения преступления		
	Пристрастие к	Иной мотив (%)	Всего (%)

наркотизации	наркотикам (%)		
1	2	3	4
От 2 до 5 месяцев	15	85	100
От 5 до 7 месяцев	20	80	100
От 7 месяцев до 1 года	35	65	100
1	2	3	4
От 1 года до 1,5 лет	48	52	100
От 1,5 до 2,5 лет	70	30	100
От 2,5 до 3,5 лет	80	20	100
От 3,5 до 5 лет	95	5	100

Из представленных данных видно, что корыстные, корыстно-насильственные и другие преступления в абсолютном большинстве совершаются лицами, употребляющими наркотические средства свыше одного года, по мотивам, связанным с пристрастием к наркотикам. Например, среди совершивших корыстные, корыстно-насильственные и другие преступления по мотивам пристрастия к наркотикам лица, употребляющие наркотические средства от 1 года до 1,5 лет, составляют 48%, а лица, употребляющие наркотические средства от 1,5 до 2,5 лет, – 70%, от 2,5 до 3,5 лет – 80%, от 3,5 до 5 лет – 95%, т.е. чем выше стаж наркомана, тем больше совершаются рассматриваемые преступления по мотивам пристрастия к наркотикам. Исключение составляют группы потребителей наркотиков с самой ранней наркотизацией – примерно до 1 года. Так, в группе с длительностью наркотизации от 2 до 5 месяцев 15% всех корыстных, корыстно-насильственных и других преступлений совершено обследованными по мотиву пристрастия к наркотикам, а в группе от 5 до 7 месяцев этот показатель составляет 20%, от 7 месяцев до 1 года – 35%.

Приведенные данные лишней раз свидетельствуют о том, что в результате длительной наркотизации происходят негативные, порой необратимые изменения в сознании и поведении лиц, употребляющих наркотические средства, которые находят свое отражение в направленности преступных посягательств и их мотивации. На первоначальном этапе наркотизации совершение многих преступлений, в том числе связанных с наркотиками, объясняется сдвигом и деформациями различного объема и интенсивности общей ценностной ориентации у большинства обследованных нами лиц.

Немедицинский прием наркотических средств на этом этапе непосредственного значения в совершении преступлений не имеет (от 2 месяцев до 1 года), хотя, несомненно, способствует укреплению антиобщественных взглядов и интересов.

На этапе длительной наркотизации (от 1 года и выше), напротив, немедицинское потребление наркотиков выступает уже в роли одной из основных детерминант, которая непосредственно обуславливает совершение не только наркотических, но и корыстных, корыстно-насильственных, в частности жестоких, преступлений.

Учитывая, что чаще всего жестокость проявляется несовершеннолетними при совершении преступлений насильственного характера, нами была выделена самостоятельная группа таких преступных деяний. В основе объединения рассматриваемых преступных деяний в отдельную криминологически значимую группу относятся главным образом такие критерии, как способ действия преступника, объект посягательства и др. К их числу можно отнести следующие преступления: умышленные убийства, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, вымогательство, грабежи, разбой, квалифицированное хулиганство, побои и истязания, но этот перечень преступлений не следует считать исчерпывающим. В связи с тем, что количество преступлений, не вошедших в исследуемую группу, незначительно, они не могут повлиять на характеристику общей тенденции рассматриваемых преступлений несовершеннолетних.

Чтобы криминологическая характеристика рассматриваемых преступлений была наиболее полной и достоверной, необходимо рассмотреть латентность тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных как взрослыми, так и несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения. Для этого мы применили один из методов исследования – опрос. Путем анкетирования были опрошены 1030 взрослых⁴ осужденных и 592 несовершеннолетних⁵, отбывающих наказание в воспитательных колониях (см. таблицу 2).

Таблица 2

Уровень латентности преступлений,
совершаемых несовершеннолетними в СНОПЖ

Вид совершенного преступления	Совершили преступление в состоянии наркотического опьянения		Совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения	
	Совершеннолетние	Несовершеннолетние	Совершен-	Несовершеннолет-
			ен-	шеннолет-

	Зарегист рирован о офици- ально		Незарегис- трирова но		Зарегист рирован о официал ьно		Незарег истриро вано		нолетн ие	ние
	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Умышленные убийства	5	2	8,3	14	–	–	2,6	2	6,4%	2,3%
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	7,5	3	11,5	19	8,3	1	9,2	7	10,7%	13,6%

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью	17,5	7	20,1	34	8,3	1	5,3	4	15%	10,2%
Разбой	37,5	15	22,4	38	33,3	4	25	19	22%	22,6%
Вымогательство	–	–	6,4	11	8,3	1	13,3	10	4,6%	2,3%
Грабеж	30	12	19,5	33	25	3	21	16	18,9%	20,4%
Хулиганство (ч.2– 3 ст.213 УК РФ)	2,5	1	9,5	16	16,8	2	21	16	11,9%	17%
Побои и истязания	–	–	2,4	4	–	–	2,6	2	10,5%	11,6%
Всего %	100	40	100	169	100	12	100	76	100%	100%

Полученные в результате исследования данные явно не совпадают с официально зарегистрированными статистическими данными ввиду того, что статистика учитывает и изучает только ту часть действительно совершенных преступлений в состоянии наркотического опьянения, о которой поступила информация в соответствующие статистические органы МВД, прокуратуры, суда.

Наконец мы подошли к вопросу о показательности данных, наблюдаемых уголовной статистикой. Еще раз отметим, что уголовная статистика учитывает и изучает только официальные данные.⁶ Многие ученые (Э.Ферри, Е.Ресснер, А.Ашрот и др.) подчеркивали, что фактическая преступность больше обнаруженной, а та, в свою очередь, больше наказанной, и считали при этом соотношение между ними устойчивым и постоянным. Некоторые из них пытались определить это соотношение в цифрах. Так, по данным английской уголовной

статистики за 1884-1885 гг., Майо Смит подсчитал, что наказанная преступность составила 24% по отношению к обнаруженной.⁷

Результаты проведенного анкетирования осужденных показывают, что преступления, совершенные несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости, в исследуемой группе составляют 12,8% (1,6%)⁸, в другой исследуемой группе совершеннолетних это соотношение составляет 16,4% (3,9%). Преступления, совершенные несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения с проявлением жестокости, в 15,5 раза превосходят официально зарегистрированные преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, а у совершеннолетних это превосходство составляет 8,6 раза. Около 1,5% преступлений не вошли в рассматриваемый перечень исследуемых нами преступлений (изнасилование, захват заложников и др.).

Как уже отмечалось, из 12,8% выявленных в результате проведенного опроса преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения, официально проходили по уголовному делу как совершившие преступления в состоянии наркотического опьянения около 1,6% несовершеннолетних. Что касается совершеннолетних, то их процент составляет 3,9% из 16,4%, выявленных в результате опроса. Следовательно, латентность тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, составляет у несовершеннолетних один к восьми, а у взрослых – один к четырем. Анализируя результаты исследования, мы пришли к выводу, что при расследовании преступлений зачастую не фиксируются вышеназванные обстоятельства (был он в состоянии наркотического опьянения либо нет), так как наркотическое опьянение визуально определить, а при явных признаках отличить от алкогольного опьянения, трудно.

Из оставшихся опрошенных несовершеннолетних в исследованной нами группе 11,2% по уголовному делу не проходят как лица, совершившие преступление в состоянии наркотического опьянения. В результате опроса выяснилось, что из них 3,2% проходили по уголовному делу как совершившие преступление в состоянии алкогольного опьянения, хотя были под воздействием наркотических средств. Это они объясняли тем, что хотели скрыть от родственников и близких свою наркотическую зависимость. Другие 8% оставшихся скрыли, что находились в состоянии наркотического опьянения, так как знали, что это является более отягчающим обстоятельством, чем алкогольное опьянение.

Одна из важнейших черт социально-демографической характеристики – отношение несовершеннолетних, совершивших преступления с проявлением жестокости, к городской или сельской части населения. В ходе исследования были получены следующие данные: соотношение городского населения в исследуемой группе преступлений СНОПЖ с сельским составляет 82%: 18%. Это можно объяснить тем, что наркобизнес развивается там, где есть деньги. Сельское хозяйство России находится в катастрофическом нищенстве, следовательно, доходы сельчан намного ниже. Наиболее важной причиной превосходства городского населения над сельским в рассматриваемом случае является ослабление социального контроля, нерациональное использование свободного времени, доступность наркотиков и многое другое.

Наиболее важной чертой криминологической характеристики личности преступника-наркомана, совершившего рассматриваемые преступления, как уже было отмечено, является насильственный способ совершения преступления. Именно одной из специфических черт данных преступлений является применение насилия и крайнего его проявления – жестокости в достижении преступного результата. Исследования показали следующие способы проявления преступного насилия: с применением режущее-колющих орудий; с использованием того, что попадает под руки; но самым распространенным является причинение телесных повреждений руками (кулаками) и ногами преступника. Практически отсутствует применение огнестрельного оружия несовершеннолетними. Таким образом, для криминологической характеристики личности несовершеннолетнего, совершившего преступление в СНОПЖ, необходимо исследовать его отношение к спорту.

Так, результаты нашего исследования показали, что занятие каким-либо видом спорта для несовершеннолетних, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления в состоянии наркотического опьянения, малохарактерно. Примерно около 12% респондентов заявили, что до употребления наркотиков они занимались спортом. Из них 35% занимались легкой атлетикой, 25% – дзюдо, 15% – футболом, 8% – боксом, велоспортом – 5%, 12% – другими видами спорта. Следовательно, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что большая часть несовершеннолетних, совершивших рассматриваемые нами преступления, игнорировала спорт вообще. Спортивные телепередачи не смотрели 89% опрошенных несовершеннолетних, изредка – 11%. В большей степени их интересовали зарубежные фильмы, где пропаганде наркотика, порнографии, насилия, сопряженного с садизмом,

дерзостью, уделено больше внимания, а это, в свою очередь, негативно отражается на несовершеннолетних. Фильмы, проповедующие наркотики, свободу, кайф, насилие, возбуждают у них низменные чувства и желание подражать увиденному, что, в свою очередь, наносит серьезный вред обществу. Около 18% опрошенных нами несовершеннолетних, совершивших рассматриваемые преступления, заявили, что желание попробовать наркотик появилось после просмотра видеофильмов. Наиболее частыми мотивами потребления наркотиков являются: желание не отставать от компании, быть как все – 27%; любопытство, желание испытать необычные ощущения – 30,5%; показать сверстникам свою незаурядность – 18%; стремление отключиться от неприятностей – 14,6%; замена алкоголя – 2,6%; другие – 7,3%. Учитывая вышеназванные обстоятельства, мы полагаем, что необходимо ввести нравственную цензуру в СМИ, а также уделить особое внимание ранней профилактике наркомании среди несовершеннолетних, акцентируя внимание на последствиях наркомании.

Анализ преступлений, совершенных несовершеннолетними в СНОПЖ, позволил сделать вывод о том, что соотношение несовершеннолетних мужского и женского пола исследуемой группы составляет 9:1. При этом необходимо отметить, что соотношение в различных видах преступлений неодинаково.

Удельный вес лиц женского пола при совершении преступлений с проявлением жестокости наиболее высокий при совершении умышленных убийств, умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью и составляет 2,4%. Наиболее низкий показатель участия лиц женского пола в совершении таких преступлений, как вымогательство, – 0,9% от общего числа несовершеннолетних, осужденных за совершение этого вида преступлений. Необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство преступлений, совершаемых несовершеннолетними девушками-наркоманками в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости, совершается в группе. Группы эти обычно смешанные, состоящие из лиц как женского, так и мужского пола. При совершении преступления в группе девушки-наркоманки зачастую даже более жестоки и агрессивны.

В характеристике преступлений, совершаемых несовершеннолетними в СНОПЖ, особое значение имеет возраст личности. Возраст является весьма важным психофизиологическим, социальным и демографическим свойством, оказывающим влияние не только на поведение

человека, но и на формирование его личности. Кроме хронологического возраста, различают психологический, педагогический и физиологический. Известно, что эти виды возрастов между собой не совпадают, что приводит к внутренним конфликтам личности, которые могут иметь и криминогенный характер.⁹

С учетом классического определения возраста преступности несовершеннолетних следовало бы выделить возраст с 14 до 17 лет включительно. Данная позиция вполне согласуется с положением Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. Как определено в Конвенции, «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста»¹⁰.

В ходе исследования были получены следующие данные: несовершеннолетними в возрасте 14-15 лет совершено 38% преступлений, 62% преступлений приходится на возрастную группу 16-17 лет. Самым криминогенным возрастом в рассматриваемых нами преступлениях являются 15-летние и 16-летние, так как на эти два возрастных периода приходится более 68% несовершеннолетних, совершивших преступления исследуемой группы. Кроме того, в результате исследования было установлено, что наиболее высок удельный вес группы в возрасте 16-17 лет при совершении грабежей – 25,6%, разбоев – 22%, умышленном причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, соответственно, 14,8% и 16,8%, а наименьший удельный вес при причинении побоев и истязании – 6,5%.

Полученные данные могут иметь сугубо практическое значение, так как позволяют органам внутренних дел, в частности, подразделениям, осуществляющим профилактическую работу с несовершеннолетними, наиболее правильно и точно определять возрастные группы несовершеннолетних, на которых необходимо сконцентрировать предупредительное воздействие.

С целью наиболее эффективной профилактики рассматриваемых преступлений ОВД, УИН следует обратить внимание на обстоятельства, учитывающие черты личности, связанные с наркоманией. Необходимо учесть значимость изучения личности наркомана, а это связано прежде всего с тем, что существующие средства лечения и карательного воздействия малоэффективны во многом, так как еще недостаточно учитываются черты личности преступника-наркомана, что в дальнейшем затрудняет его исправление (воспитательное воздействие).

Отсюда можно сделать вывод, что одним из важнейших направлений профилактической работы органов внутренних дел должно быть своевременное совершенствование индивидуального воздействия на личность несовершеннолетнего наркомана с учетом изменений в криминальной субкультуре и реакции несовершеннолетнего на ее ценности.

СИСТЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Терехова О.Н.
Сибирский юридический институт
МВД России

В работах российских криминологов выделяется много признаков преступности. Есть попытки выделить признаки и свойства этого явления.¹ С этой точкой зрения нельзя не согласиться. Однако для понимания этого явления выделяются несколько основных признаков, которые раскрывают его сущность. Одним из таких является признак системности.

Групповая преступность несовершеннолетних представляет органическое целое, а не простую механическую сумму ее слагаемых – отдельных преступлений, она имеет признак системы. На этот счет среди криминологов есть противоположное мнение. Так, например, И.И.Карпец и С.В.Бородин считают, что недостаточно оснований понимать преступность как систему.² С этим мнением согласиться нельзя. Хотелось бы определить преступность как единое целое явление, обладающее признаком системы, так как, помимо того, что преступность – явление целостное, оно представляет из себя систему входящих в эту совокупность элементов. В последние годы в специальной литературе часто смешиваются понятия «целого» и «системы», однако согласно философским понятиям «целостность» – это внутреннее единство объекта, а «система» – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство.³ Такой подход дал возможность ученым увидеть преступность не только как совокупность преступлений, но и лиц, совершивших преступления, и преступные группы.⁴ Именно поэтому мы рассматриваем групповую преступность несовершеннолетних как систему, состоящую из таких элементов, как групповое

преступление несовершеннолетнего преступника и преступная группа, в которую он входит.

Понимание системы в определении преступности вкладывают многие ученые.⁵ И объяснить групповую преступность несовершеннолетних как систему можно наличием определенных свойств. Во-первых, групповая преступность несовершеннолетних имеет статистическую закономерность, состоящую в ее повторяемости, устойчивой зависимости от причин и условий. Во-вторых, в значительном числе случаев между преступлениями существует взаимосвязь.⁶ Исследователями давно установлено, что рост рецидивной преступности можно ожидать тогда, когда растет преступность несовершеннолетних, так как большая часть рецидивистов начинала свою преступную «карьеру» именно в несовершеннолетнем возрасте. В-третьих, преступность как система обладает значительной самостоятельностью по отношению к породившим ее причинам.⁷ В-четвертых, преступность обладает совокупностью системообразующих элементов, перечисленных ранее.

Интегрирующую роль всех элементов системы, безусловно, играет преступление, и это можно объяснить тем, что преступление входит в системообразующий признак – преступная деятельность, которая объединяет преступную группу несовершеннолетних, во-вторых, без совершения преступления не существует преступника и преступной группы, в-третьих, общественная опасность совершенного преступления является основным объективным критерием, определяющим общественную опасность его субъекта – конкретного лица или преступной группы.⁸ Совершение группового преступления – это осуществление преступной деятельности группой, соответственно, речь идет как минимум о преступной деятельности двух подростков, следовательно, групповое преступление – это прежде всего совместная преступная деятельность, что и является особенным признаком групповой преступности в целом и несовершеннолетней в частности. Совершенно верно учеными-криминологами указывается на то, что понятие группового преступления в разных отраслях науки понимается по-разному. Так, в уголовном праве это понятие предназначено для определения оснований и пределов уголовной ответственности лиц, совместно совершивших уголовно-наказуемое деяние и являющихся субъектами преступления. В криминологии групповое преступление можно определить как конкретное проявление всякой фактически совместной преступной деятельности, состоящей во взаимодействии имеющих общую цель нескольких лиц,

совершающих преступные и не преступные действия, влекущие общие социально-негативные последствия. Безусловно, ядро совместной преступной деятельности составляют действия, которые с позиции уголовного закона являются преступными.⁹ Мы можем сделать вывод, что групповым преступлением несовершеннолетних в криминологическом понимании можно считать объединенную деятельность подростков, направленную на общий конечный преступный результат, при этом достаточно того, что субъектом преступления будет являться хотя бы один подросток, а остальные члены группы совершать действия не преступного характера, но направленные на получение единого конечного преступного результата. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения второго элемента групповой преступности несовершеннолетних – преступной группы несовершеннолетних.

Преступная группа несовершеннолетних как малая социальная группа имеет количественные и качественные характеристики.

Минимальное количество участников группы составляет два человека. Этот вопрос рассматривается в работах многих юристов, психологов, социологов (Н.Смелзер, А.В.Петровский, Е.С.Кузьмин, А.В.Шеслер, Л.М.Прокументов). И мы не считаем это спорным на сегодняшний день.

Однако вопрос об основополагающем признаке образования самой преступной группы на сегодняшний день является не бесспорным. Существуют различные точки зрения, в которых при объяснении особенностей групп на главное место ставятся разные основополагающие признаки. Одни выделяют психологический фактор, например члены группы находятся в непосредственном, устойчивом личном контакте друг с другом.¹⁰ Другие ученые характеризуют группу через совместную деятельность.¹¹ В криминологическом понятии – это совместная преступная деятельность, которая является общей целью. Однако общая цель преступной группы несовершеннолетних – совершение преступлений – может быть и не главной, а ситуативно возникшей.¹² Так как для подростков часто целью является сохранение группы, то средством достижения этой цели может стать совершение преступления.

Существуют и другие мнения авторов, которые не абсолютизируют совместную преступную деятельность участников группы несовершеннолетних правонарушителей и большое значение, наряду с совместной преступной деятельностью, придают общению как основе образования, так и деятельности большинства

преступных групп несовершеннолетних¹³, считая, что другая позиция не позволит раскрыть механизм образования и длительного существования преступных групп несовершеннолетних, характер межличностных отношений в преступных группах несовершеннолетних. Правильность этого мнения подтверждается в криминологическом понятии преступной группы несовершеннолетних, которое охватывает не только соучастников преступления.

По мнению психологов, механизм возникновения, развития и функционирования групп несовершеннолетних правонарушителей дает категория деятельности.¹⁴ При этом деятельность в группе нескольких лиц образует совместную деятельность, которая обеспечивает функционирование, существование и развитие группы как социальной общности.¹⁵ Существование преступной деятельности как самостоятельного вида человеческой деятельности признается многими и обосновывается авторами как существующая на определенных законах, принципах и правилах.¹⁶ При этом группа лиц всегда выступает как система деятельностей.¹⁷ На основании психологических, социологических и криминологических суждений мы выделяем два вида совместной деятельности преступных групп несовершеннолетних, первый – это совместная преступная деятельность, второй – совместная деятельность межличностного общения, благодаря которой формируются принципы существования группы, нормы поведения, распределение обязанностей, соподчинение членов группы и т.д.

Именно совместная преступная деятельность является основным признаком наличия преступной группы несовершеннолетних. Эта деятельность обеспечивает совершение преступлений в группе подростков, о чем говорилось выше. Но поскольку совершение преступления в группе подростков является не всегда самоцелью, тогда, что же цель в совместной деятельности преступной группы подростков. Вот здесь раскрывается второй вид совместной деятельности – межличностное общение, целью которого является сохранение группы. Отметим, что у взрослых это не так значимо, и межличностное общение может быть в самой минимальной степени, у подростков деятельность, связанная с межличностным общением, как правило занимает первостепенное место.

Итак, когда мы говорим о единоличном совершении преступления подростка, мы можем сказать, что цель этой деятельности – совершение преступления. Но когда речь идет о группе несовершеннолетних, мы не можем ограничиться по

аналогии одной преступной деятельностью, поскольку группа включает в себя нескольких индивидов, которые действуют сообща, т.е. их объединяют не только совершение преступления, а еще и другие социальные межличностные отношения, которые мы определяем как второй вид совместной деятельности в преступной группе несовершеннолетних, целью которой является сохранение отношений, а значит, группы.

Потеря социальных связей между несовершеннолетним и его окружением в семье, школе и других формальных объединениях толкает их на объединение в группы, главное – быть вместе, принадлежать к любой общности своих сверстников, поскольку у подростков в 14-17 лет, по мнению психологов, явно преобладает ориентация на внутренние интересы и потребности участников группового процесса. Найти положительную форму деятельности удается немногим, учитывая ненужность этого ребенка и педагогам, и родителям, которые не хотят или не могут занять ребенка полезными внешкольными занятиями.

Мы считаем, что преступная группа несовершеннолетних прежде всего определяется через совместную преступную деятельность, иначе мы не можем вести речь о преступной группе, поскольку совершение преступления – это определенный вид деятельности, групповое совершение преступления – это совместная преступная деятельность, однако преступные группы несовершеннолетних не всегда создаются с целью совершения преступлений и зачастую совместная преступная деятельность является средством сплочения подростков для общения и времяпрепровождения в кругу своих сверстников. И не обязательно, что каждый из них стремится к цели – совершить преступление. Поэтому вполне справедливым является криминологическое понимание преступной группы несовершеннолетних рядом авторов. Так, Ф.Г.Бурчак указывает, что преступная группа – это прежде всего группа непосредственного общения, объединенная общими интересами и целями антиобщественной направленности, связанная единством преступных действий.¹⁸ А также указывает на несовпадение понятия преступной группы в уголовном и криминологическом понятии, в которую входят не только исполнители преступлений, но и подростки, поддерживающие существование самой группы.

Л.М.Прозументов включает в число участников преступной группы несовершеннолетних не только лиц, совместно принимавших непосредственное участие в совершении конкретных преступлений, но и других участников группы, создавших своей деятельностью в группе условия как для

совершения преступления, так и для жизнедеятельности самой группы.¹⁹ В данном случае автором рассматривается совместная деятельность в криминологическом понятии как деятельность участников преступной группы, не только направленная на совершение преступлений, но и на сохранение самой группы. Особенно это проявляется у несовершеннолетних. Преступные группы взрослых – это, как правило, состав соучастников, то есть лица, которые являются субъектами преступления, в преступной группе несовершеннолетних наоборот в группу входят многие несовершеннолетние, которые отстают в развитии либо не достигли возраста уголовной ответственности. Это еще раз подтверждает правильность нашей точки зрения, что преступная группа несовершеннолетних осуществляет совместную деятельность в двух направлениях – совершение преступления и межличностное общение.

Итак, определяя преступную группу несовершеннолетних, можно сказать, что это малая группа, участников которой объединяет совместная групповая деятельность, состоящая из двух взаимосвязанных направлений – совершение преступлений и межличностное общение как вид деятельности с целью создания и сохранения группы посредством совершения преступлений, в состав которой входят соучастники преступлений, лица, участвующие в совершении преступлений, но не подлежащие уголовной ответственности в силу недостижения требуемого законом возраста или невменяемости, а также лиц, не участвующих в совершении преступлений, но выполняющих в группе функции, направленные на поддержание ее жизнедеятельности.

Итак, понимание групповой преступности несовершеннолетних как системы помогает нам выявить особенные ее признаки, что необходимо при изучении внутренней характеристики данного явления, его причинности и правильного применения, профилактических мер воздействия.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Кириллов И.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Прежде всего, необходимо сказать о том, что масштабность проблем, связанных с коренным улучшением борьбы с терроризмом, требует комплексного, программно-целевого подхода к их разрешению.

Выполнение этой задачи требует активизировать реализацию системы мер борьбы с терроризмом, под которой следует понимать основанную на законах деятельность правоохранительных органов и их должностных лиц по предупреждению, пресечению преступлений террористического характера¹ и реализацию уголовной ответственности за них.

Учитывая то, что неприменение в борьбе с терроризмом законных мер воздействия на правонарушителей и подрыв тем самым правовой основы жизнедеятельности общества и государства провоцируют увеличение его масштабов, можно с уверенностью утверждать то, что правоохранительные органы могут допустить труднопредсказуемое развитие терроризма. О чем можно утверждать применительно к настоящему времени.

Говоря о системе мер борьбы с терроризмом, анализируя Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», наряду с терроризмом как явлением, являющимся ее объектом, данную систему можно представить в совокупности с субъектами и принимаемыми мерами, предполагающими правовое, научное, информационно-прогностическое, организационное, психологическое, материально-техническое, финансовое, кадровое и международное обеспечение, которое, учитывая международный характер терроризма, в настоящее время должно пронизывать все виды обеспечения.

Борьба с терроризмом должна основываться на реализации политики государства в данной области и имеет следующие цели:

- обеспечение сдерживания и сокращения уровня терроризма;
- создание и укрепление в обществе атмосферы спокойствия и стабильности;
- устранение угрозы правам, свободам и законным интересам личности, обществу и государству, возникающей в связи с возможностью совершения актов терроризма;
- выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности;
- обеспечение воздействия на лиц, участвующих в подготовке и совершении актов терроризма.

Указанные цели достигаются в результате осуществления субъектами предупреждения терроризма следующих функций:

– конкретизация задач профилактики с учетом складывающейся криминологической ситуации, особенностей региона;

– планирование профилактики;

– разработка и принятие соответствующих законодательных и иных нормативных актов;

– разработка, принятие и реализация федеральной программы борьбы с терроризмом;

– координация деятельности субъектов;

– материальное, финансовое, кадровое обеспечение деятельности по борьбе с терроризмом;

– контроль за деятельностью субъектов и оказание им необходимой помощи;

– международное сотрудничество и организация обмена опытом работы.

Борьба с терроризмом должна осуществляться на основе следующих принципов:

– приоритет мер предупреждения терроризма;

– законность;

– строгое соблюдение в профилактической деятельности требований законодательства, компетенции ее субъектов, соблюдение гарантий прав и законных интересов лиц;

– комплексное использование в антитеррористической деятельности мер экономического, социально-политического, правового, психолого-педагогического, организационного, международного характера;

– сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом;

– приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции;

– минимальные уступки террористу;

– единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

– минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций;

– неотвратимость ответственности за совершение акта терроризма обеспечивается своевременным раскрытием и расследованием;

– соответствие антитеррористической деятельности международным соглашениям, т.е. деятельность в сфере действия соответствующих международных правовых актов; использование зарубежного опыта борьбы с терроризмом.

Систему субъектов составляют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, действующие в пределах своей компетенции как непосредственно, так и через подведомственные им структуры (правоохранительные органы, органы здравоохранения, образования, социальной защиты населения, занятости населения, в компетенцию которых входят вопросы, связанные с предупреждением возникновения, ограничением и устранением обстоятельств, влияющих на поведение групп террористического риска, а также с осуществлением предупредительных мер по данному направлению).

Сложность борьбы с терроризмом определяет комплексный характер мер по ее осуществлению и, следовательно, требует создания единой скоординированной системы, функционирование которой основывалось бы на базе хорошо налаженного механизма обеспечения, как уже было сказано: правовое, научное, информационно-прогностическое, организационное, психологическое, материально-техническое, финансовое и кадровое обеспечение.

В общем плане она должна включать в себя укрепление государственных органов, участвующих в предупреждении и пресечении проявлений терроризма, предоставление им необходимых полномочий, улучшение их технической оснащенности и вооружения, создание соответствующей системы социальных льгот сотрудникам и членам их семей, усиление гарантий их правовой защищенности.

В то же время ее формирование в современных условиях представляется весьма сложной задачей, которая может быть решена в течение довольно длительного промежутка времени и при условии стабилизации экономической и политической ситуации в стране, поскольку терроризм – социально обусловленное явление, это связано, во-первых, с действием фактора нестабильности общественных отношений, во-вторых, с отсутствием в нашей стране целостной системы предупреждения преступлений, в-третьих, терроризм – относительно новое явление и опыта борьбы с ним в России недостаточно.

Необходимо выделить следующие слагаемые системы мер борьбы с терроризмом: 1) координация антитеррористической деятельности правоохранительных органов как внутри России, так и в рамках СНГ и всего международного сообщества; 2) совершенствование законодательной базы борьбы с терроризмом; 3) дальнейшая разработка и нормативное

закрепление перечня субъектов антитеррора с четким разграничением их функций; 4) создание особых оперативно-розыскных служб по борьбе с терроризмом, в первую очередь МВД-ФСБ; 5) организация мероприятий по усилению охраны стратегических и важных объектов; 6) оказание действенной помощи жертвам актов терроризма; 7) идейно-пропагандистское обеспечение антитеррористических действий служб безопасности. Естественно, все эти направления тесно взаимосвязаны и перекрывают друг друга.

Теперь необходимо остановиться на некоторых видах обеспечения. Информационно-прогностическое обеспечение системы подразумевает исследование терроризма и деятельности по его предупреждению; унификацию ведомственных и межгосударственных подходов к статистическим учетам; расширение круга статистических данных об участниках и пособниках терроризма, о потерпевших; создание единого банка информации (включая данные о результатах судебного разбирательств) и режима информационного обмена, согласование статистической отчетности о террористических деяниях и смежных криминальных деяниях, разработки и внедрения методики оценки последствий террористических деяний, включая ущерб от посягательств на жизнь и здоровье, на нормальную деятельность государственного аппарата, на спокойствие населения. Полное информационно-прогностическое обеспечение должно пронизывать собой все стадии предупреждения и на всех без исключения уровнях (международном, в рамках СНГ, внутригосударственном, межведомственном, внутриведомственном, а также в аспекте объединения усилий ведомств на основе четкого размежевания компетенции и не менее четкого механизма взаимодействия органов федерального и местного уровня).

Правовое обеспечение (совершенствование законодательной базы) представляют доработка и устранение противоречий в законе «О борьбе с терроризмом», разработка необходимых к нему приложений, устранение противоречий с законом «О противодействии экстремистской деятельности».

В сфере правотворчества объективно необходимо проведение исследования по: а) изменению и дополнению действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, направленные на изучение дифференциации уголовной ответственности за преступления террористического характера, в этом смысле необходимо также разработать закон «О типизации преступлений террористического

характера», где установить типичное описание преступления террористического характера и его квалифицирующие признаки. В пользу подобного решения говорит аналогичная тенденция, прослеживаемая в последнее время в мире. Ее характерным выражением стало Рамочное соглашение Совета Европейского Союза по борьбе с терроризмом от 7 декабря 2001 г. По этому же пути идут и разработчики дополнительного протокола к Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.; б) повышению профилактической функции уголовного закона по правовой и социальной защите сотрудников ОВД, лиц, им содействующих на гласной и негласной основе, жертв террористической деятельности; в) разработке Конвенции «О предотвращении и пресечении актов терроризма» (как в странах СНГ, так и в рамках ООН).

Возникает необходимость доработки законов об оперативно-розыскной деятельности, о милиции, о прокуратуре, о здравоохранении и психиатрической помощи, об обеспечении безопасности ядерных, химических, бактериологических объектов, информационной безопасности, уточнения положений закона о деятельности СМИ.

В сфере правоприменения: разработка системы изучения и устранения ошибок в практической квалификации преступлений террористического характера, а также вариантов выбора действий правоприменителя в различных ситуациях в соответствии с законодательством, для чего разработать совместно с Верховным Судом РФ проект постановления, результатом которого должно быть собственно постановление Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях террористического характера».

Думается, что требуется новая, учитывающая особенности терроризма редакция законов о безопасности, закона о чрезвычайном положении.

Необходима подготовка перечня международных документов о борьбе с терроризмом; целевых конвенций с ведущими зарубежными странами, в которых должны быть предусмотрены информационное взаимодействие и совместные операции по борьбе с терроризмом, экстрадиция преступников.

Помимо указанного, и современное состояние подтверждает это, на случай международных актов терроризма необходимо иметь типовые планы совместных действий; естественно, такие планы должны быть разработаны и на региональном уровне, а также отработаны путем проведения комплексных оперативных учений, где должно быть рассмотрено максимально возможное количество вариантов пресечения актов терроризма.

Организационное обеспечение подразумевает определение и дифференциацию на группы участников антитеррористической деятельности: 1) участников общей профилактики (Президент, правительство); 2) участников специальной профилактики, то есть те, кто указаны в качестве субъектов в Законе «О борьбе с терроризмом» (включая антитеррористическую пропаганду, контроль за информацией, представляющей интерес для террористов, оружием и материалами повышенной опасности, охрану режимных объектов особой важности, психологическую подготовку населения и его инструктаж, контроль за националистической, конфессиональной средой и т.д.); 3) участников пресечения террористических актов; 4) участников уголовно-исполнительной системы.

Здесь необходимо предусмотреть возможность использования сил министерства обороны, казачьих формирований, МЧС, органов местного самоуправления, инспекций, ведомственной безопасности и охраны, средств массовой информации.

В основные направления данного вида обеспечения должны входить и следующие:

- введение единой автоматизированной системы учета стрелкового, биологического, химического и др. оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

- взаимодействие между органами внутренних дел и частными службами безопасности, для чего в рамках профессиональной подготовки на местах с сотрудниками разработать цикл изучения современного состояния и перспектив развития индустрии частной безопасности; в учебный курс слушателей и курсантов учебных заведений МВД включить раздел по охранам службам.

- обучение (используя уже разработанные) сотрудников ОВД уголовно-правовым, процессуальным и оперативно-розыскным мерам борьбы с терроризмом, где необходимо предусмотреть изучение: состояния терроризма в современном мире; состояния терроризма и его растущей угрозы в России; социальной, уголовно-правовой, криминологической характеристики терроризма в мире и в России; порядка ареста; применения огнестрельного оружия, спецсредств и физической силы; охраны места совершения (возможного совершения) акта терроризма; сбора вещественных доказательств; документирования; дачи показаний в суде; взаимодействия ОВД и средств массовой информации (СМИ), информирования общественности об акте терроризма; гражданско-правовой ответственности и возмещения

вреда, причиненного в результате акта терроризма; психологических аспектов общения с задержанными лицами, эмоционально неуравновешенными людьми, жертвами террористической деятельности и т.д.

Психологическое направление предусматривает создание с учетом имеющегося зарубежного опыта особых оперативно-розыскных служб милиции, в задачи которых входили бы анализ причин усиления активности террористических групп, учет их количества, выявление потенциальных возможностей и мест нахождения, регистрация вновь возникающих групп.

Важнейшим направлением этих служб является прогнозирование возможных актов терроризма и планирование операций по их предотвращению.

Организация эффективных мероприятий по усилению охраны важных объектов требует внедрения самых современных технических средств контроля и защиты, что автоматически подразумевает увеличение ассигнований на подобные цели, разработку и реализацию программ подготовки спецподразделений по их охране. Особое внимание следует уделить охране предприятий ядерной, химической промышленности и предприятий, производящих оружие.

Оказание помощи жертвам терроризма предусматривает принятие специальных нормативных актов, регулирующих компенсацию им морального и материального ущерба, создание психологической службы или специальных центров социальной реабилитации пострадавших вследствие актов терроризма.

Огромное значение в предупреждении терроризма имеет пропагандистское, идеологическое обеспечение этой деятельности.

Особо следует выделить необходимость доработки нормативного регулирования отношений, возникающих между субъектами применения мер борьбы с терроризмом и представителями СМИ по поводу и в ходе освещения предупреждения и пресечения актов терроризма, так как необдуманное освещение акта терроризма средствами массовой информации несет в себе и отрицательные последствия, а именно: привлекает внимание к «предмету», во имя которого совершается акт терроризма; способствует созданию напряженности, обстановки страха, истерии; раскрывает картину террористической практики, в результате чего возникает эффект обучения и подражания.

Общеизвестно, что у средств массовой информации большая сила воздействия. В выходящих изданиях нельзя допускать красочные описания «похождений» террористов, утверждения

антиобщественных ценностей. Как отмечал Р.Клаттербак, «телевизионная камера равносильна оружию, которое лежит на улице, любая сторона может подобрать и использовать его в своих целях. Задача правительства – использовать это оружие в своих целях»².

Власть и СМИ должны содействовать друг другу в борьбе с терроризмом. Поэтому первостепенная задача – создание у общественного мнения благоприятного отношения к государственным средствам борьбы с терроризмом и негативного отношения к любым его проявлениям.

Необходимо строить информационную политику таким образом, чтобы радио, телевидение и пресса не превращались в рупор террористов. В то же время, прибегая к услугам журналистов, правоохранительные органы должны использовать эту возможность в целях правильного информирования населения о контрмерах, предпринимаемых против преступников, проводить разъяснительную работу о сущности терроризма, одновременно блокируя все попытки террористов апеллировать к общественному мнению.

Особо необходимо выделить меры по международному обеспечению борьбы с терроризмом:

То обстоятельство, что борьба с терроризмом обретает общемировое измерение, неизбежно побуждает международное сообщество искать пути к проведению совместной, скоординированной деятельности в этой важнейшей сфере.

Объединение усилий правоохранительных органов и служб безопасности заинтересованных государств в свою очередь предполагает обмен опытом такой борьбы, выявление наиболее ее эффективных форм, взятие на вооружение каждой национальной спецслужбой важных стратегических решений, тактических приемов, конкретных методик, выработанных и опробованных зарубежными коллегами.

Борьба с террористами правительствами ряда зарубежных стран ведется фактически в двух основных направлениях. Это, во-первых, развертывание военно-технических мероприятий, направленных на снижение эффективности террористической деятельности, и во-вторых, социально-психологические и идеологические мероприятия, направленные на то, чтобы заручиться поддержкой большинства населения в борьбе с террористами, изолировать их от населения.

Для успешного проведения этой политики объединяются усилия всех антитеррористических организаций: разведывательных органов, спецслужб безопасности, снабженных

средствами ведения борьбы и захвата террористов с расчетом на поддержку населением действий правительства, направленных на борьбу с терроризмом, каковы бы ни были его мотивы.

Так, правительство Израиля выражает жесткую позицию по отношению как к отдельным террористам, так и к организациям без каких-либо уступок, мотивируя это тем, что проявление малейшей уступчивости способствует и инспирирует быстрый рост активности других террористических групп и вызывает лишь усиление их деятельности и увеличение их притязаний.

Во всех ведущих странах Запада государство контролирует основные мероприятия по борьбе с терроризмом и пресекает любые попытки пропаганды террористической деятельности. В последние годы борьба с терроризмом обрела весьма широкие масштабы, в частности, разработаны методы распознавания террористов, нахождения бомб и различных видов оружия террористов, получения информации о террористах, необходимой для полиции, органов безопасности и т.п. Однако несмотря на все эти меры, судя по последним публикациям, террористам удается избежать возмездия за свои преступления.

Анализ материалов различных авторов и проведенных исследований, накопленного зарубежными странами опыта борьбы с терроризмом позволяет суммировать их предложения и точки зрения, которые сводятся к следующему:

1. Отказаться от идентификации актов терроризма с преступлениями агрессии, прямой или косвенной, и вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

2. Отказаться от политической фразеологии взаимных обвинений в государственном терроризме, строго придерживаясь понятийного аппарата, закрепленного в Уставе ООН, нормах договорного и обычного права, созданных на его основе.

3. Отказаться от любых концепций и доктрин, обосновывающих применение вооруженной силы против суверенных государств, обвиняемых в поощрении терроризма.

4. Содействовать универсализации членства в многосторонних международных договорах о предотвращении, пресечении и наказании за отдельные категории актов терроризма. Дополнить действующие соглашения положениями о функциональной изоляции и приостановке пользования льготами и преимуществами, проистекающими из международного сотрудничества, в отношении государств, бойкотирующих такие соглашения.

5. Это меры международного сотрудничества, к которым относятся: сотрудничество между правоохранительными,

следственными и судебными органами; определение направлений сотрудничества между государствами в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы обеспечения соблюдения законов и уголовного правосудия; совместная подготовка сотрудников правоохранительных органов по вопросам борьбы с терроризмом; разработка программ общего правового просвещения и расширения осведомленности общественности путем привлечения средств массовой информации с целью разъяснения населению той опасности, которую представляет собой терроризм.

6. Разработка проекта международного договора о выдаче, независимо от того, являются ли они частью двусторонних договоров.

7. Разработка мер взаимного сотрудничества и помощи между государствами в предоставлении доказательств в отношении судебного преследования или выдачи правонарушителей.

8. Разработка мер помощи любой стране, которая страдает от терроризма или от присутствия террористических организаций на ее территории.

9. Подготовка периодических докладов о выполнении существующих международных конвенций.

10. Разработка примерных мер по уведомлению международного сообщества о возникновении угрозы совершения или совершения акта терроризма.

11. Создание Координационного совета по безопасности от актов терроризма в целях достижения согласованных действий государств от актов терроризма и обеспечения взаимодействия соответствующих полномочных органов государств.

12. Всестороннее изучение и применение опыта борьбы с терроризмом, а также использование опыта спецслужб.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Смирнов А.И.,
кандидат экономических наук
Межрайонный отдел по пополнению
доходной части бюджетов всех
уровней при ГУВД Красноярского
края

Экономические факторы ведущие отечественные ученые-криминологи относят к основным, формирующим причины и условия коррупционной преступности в целом, и в том числе взяточничества. Поэтому при определении направлений борьбы со взяточничеством необходимо, прежде всего, обратиться к анализу именно экономических причин возникновения данного явления, что требует ответа на два основных вопроса: а) кому это выгодно; б) за счет каких факторов возможно создание условий для функционирования механизма получения взяток или, иначе говоря, в чем причина экономической эффективности взяток с точки зрения взяткодателя? Как следует из формулировки поставленных вопросов, анализ экономических причин взяточничества затрагивает социальный, социально-психологический и психологический уровни.

Ответ на первый вопрос достаточно прост и раскрывает экономические причины взяточничества на психологическом уровне. Поскольку характеристика лиц, совершивших данные преступления, включает два относительно самостоятельных и существенно отличающихся криминологических портрета: а) лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, незаконно получивших преимущества по государственной или муниципальной службе вопреки ее интересам; б) лиц, предоставивших такие преимущества последним, то определение выгоды взяточничества должно происходить с учетом приведенной дифференциации. Так, с позиции взяткополучателя выгода в получении взяток будет присутствовать до тех пор, пока риск от возможного провала будет в его представлении меньше, чем эффект от получения взятки. Вполне очевидно, что экономическое воздействие со стороны государства на чиновника должно выражаться в предоставлении возможности получения достойного вознаграждения за свой труд и обеспечении дальнейшего роста материального благосостояния законными способами (повышение по службе, увеличение денежного содержания, предоставление социальных гарантий и т.д.). Таким образом, сумма заработной платы чиновника и объем социальных гарантий, получаемых в связи с занимаемой должностью, должны соответствовать в определенной пропорции сумме потенциально возможного денежного вознаграждения (взятки), которое ему могут предложить третьи лица за соответствующее решение вопроса.

С точки зрения взяткодателя, экономическая эффективность взятки складывается как минимум из двух факторов: предполагаемая прибыль и предотвращенные потери. Расчет

предполагаемой прибыли должен включать в себя определение валовой прибыли от реализации соответствующего мероприятия за вычетом затрат, в которые включается и взятка. Соответственно, для определения потенциальной суммы взятки достаточно вычленив ту компоненту затрат, которые не будут осуществляться при условии уплаты взятки, и сравнить данную компоненту с суммой вознаграждения чиновнику. Решение о даче взятки, скорее всего, будет принято, если затраты на взятку составят от 10 до 25% от сэкономленных средств.¹

Экономический эффект от возможных потерь определить несколько сложнее, поскольку в данном случае достаточно большое влияние на сумму вознаграждения будет оказывать психологический фактор, заключающийся в восприятии взяткодателя степени вероятности наступления и реальности негативных последствий. Кроме того, методика расчета предполагаемых потерь намного сложнее, чем определение эффективности того или иного мероприятия. Поэтому можно предположить, что сумма таких взяток будет несколько ниже, чем в первом случае.

Экономические проблемы взяточничества могут рассматриваться в качестве причин и условий коррупции, опасных последствий и экономических форм ее контроля. Если рассматривать взятку как сделку между чиновником и взяткодателям, направленную на продажу должностных полномочий по совершению определенных действий либо авторитета, приобретенного в связи с занимаемой должностью, то вполне очевидно, что «предмет сделки» имеет стоимость, которая формируется в определенных правовых и социально-экономических условиях. При изменении условий изменится и цена услуг взяткополучателя. Поэтому одним из основных направлений в профилактике и предупреждении взяточничества, на наш взгляд, должно стать формирование таких экономических условий, которые способствовали бы снижению как спроса, так и предложения на подобные услуги чиновников. С учетом данного фактора необходимо разрабатывать методики расчета потенциально возможных взяток, в которых должен быть учтен интерес взяткодателя в получении максимальной выгоды для себя. В основе данных методик должно быть определение экономического интереса взяткодателя, то есть расчет условий экономической эффективности вознаграждения, уплачиваемого чиновнику.

Ответ на второй вопрос, поставленный в начале работы, предполагает определение факторов, влияющих на создание

условий для развития взяточничества на социальном и социально-психологическом уровнях. К социальному уровню относятся причины формирования в обществе факторов, с одной стороны, способствующих снижению контроля со стороны государства за деятельностью чиновников, а с другой стороны – большинство граждан, особенно предпринимателей, испытывают значительные трудности с реализацией своих законных экономических прав и интересов. Так, к основным экономическим причинам на данном уровне, детерминирующим взяточничество и другие формы корыстных злоупотреблений по службе и определяющим его высокую экономическую эффективность, необходимо отнести следующие социально-экономические факторы:

а) несовершенство оплаты труда определенных категорий должностных лиц;

б) отсутствие или наличие не в полном объеме иных социальных гарантий;

в) несовершенство налогового, таможенного и лицензионного законодательства;

г) низкий уровень контроля за использованием бюджетных средств и государственной собственности, а также предоставлением различных прав и льгот со стороны государства предпринимателям;

д) резкое увеличение масштабов теневой экономики.

Приведенные факторы тесно взаимосвязаны друг с другом. Так, несовершенство налогового, таможенного, лицензионного законодательства и снижение контроля за использованием бюджетных средств выступают в качестве решающих факторов, влияющих на формирование теневого сектора экономики, который в свою очередь обеспечивает финансирование механизма взяточничества. Соответственно оценка масштабов влияния факторов, формирующих причины взяточничества на социальном уровне, может быть дана на основе вторичных признаков, косвенно свидетельствующих об истинном уровне взяточничества. В общем виде уровень взяточничества может быть определен с учетом характеристики следующих явлений: масштабы теневой экономики (о чем было сказано выше); уровень нецелевого расходования государственных средств; непропорциональное распоряжение государственной собственностью; уровень собираемости налогов и т.д., то есть те действия, которые практически невозможно осуществить не попадая в поле зрения чиновников и не подвергаясь определенному контролю с их стороны. Однако по вторичным признакам возможно получить лишь весьма приблизительное представление о влиянии

взяточничества на экономические процессы и истинных масштабах данного явления.

Социально-психологической уровень влияет на формирование как у взяточполучателя, так и у взякодателя негативных нравственно-психологических свойств личности, обуславливающих неудовлетворение своим социальным статусом. О низкой оплате труда должностных лиц органов государственной власти и управления, как причине взяточничества, указывается в науке уголовного права уже давно. Так, на большую криминальную активность низкооплачиваемых должностных лиц указывает И.И.Рогов. Согласно результатам проведенного им исследования доля осужденных, имеющих низшие доходы среди должностных лиц, в 1,5-2 раза выше, чем среди законопослушных должностных лиц.² Соответственно, чем ниже оплата труда чиновника, тем меньшую сумму он готов принять в виде взятки, что делает его доступным более широкому кругу заинтересованных лиц, а полученные за взятки услуги становятся более выгодными. То есть снижение суммы взятки, принимаемой чиновником, увеличивает количество взякодателей, желающих получить определенные преимущества с целью повышения своего социального статуса.

Безусловно, что прерогатива в определении направлений и методов борьбы со взяточничеством должна быть закреплена за федеральными органами государственной власти. Однако региональная власть не может безучастно относиться к постоянно нарастающей волне взяточничества. Не принижая значение законодательных и организационно-правовых мер, тем не менее основным направлением борьбы со взяточничеством на региональном уровне, на наш взгляд, должно являться совершенствование социально-экономических отношений в сфере государственного управления. Улучшение материального благосостояния и увеличение социальных гарантий в данной сфере повлечет положительные изменения статуса должностных лиц как на социально-психологическом, так и на психологическом уровнях, что приведет к снижению мотивации на совершение корыстных преступлений, и в том числе взяточничества. Конечно, повышение материального благосостояния чиновников должно сочетаться с ужесточением критериев отбора кандидатов на данные должности и усилением контроля за эффективностью их текущей работы.

По данным Фонда «ИНДЕМ», суммарные потери в нашей стране от коррупции составляют от 10 до 20 млрд. долларов в год.³ Основной ущерб наносит продажность высоких должностных лиц.

Сумма его корреспондирует с госбюджетом. По оценкам правоохранительных органов, в таких отраслях промышленности, как добыча нефти, газа, редких металлов, до 50% реальной прибыли тратится на подкуп различных должностных лиц. По подсчетам квалифицированных экспертов общественной организации «Технологии – XXI век», мелкие и средние предприниматели по стране тратят на взятки чиновникам не менее 500 млн. долларов в год. Таким образом, расчетная величина прямых потерь от коррупции в 10-20 млрд. долларов вполне реальна. Все эти суммы прямо или косвенно перекладываются на плечи народа, так как коррупционные накладные расходы ведут к повышению цен, увеличению социальной напряженности, разрушению политической стабильности.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, в качестве первоочередных мероприятий в социально-экономической сфере, направленных на борьбу со взяточничеством на региональном уровне, можно определить следующее:

- увеличение денежного содержания государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительной сферы до экономически обоснованного уровня (минимум в два раза по сравнению со средней оплатой труда в промышленности);

- разработка программы обеспечения дополнительных социальных гарантий работникам сферы управления и государственных учреждений;

- увеличение финансирования правоохранительных ведомств и судов, которые не справляются со своей нагрузкой. В настоящее время они не в состоянии даже провести квалифицированную ревизию или аудиторскую проверку в предпринимательских структурах и поэтому ограничивают свою деятельность очевидными и мелкими экономическими преступлениями. Особенно остро стоит проблема проведения контрольных замеров и экспертиз на объектах строительства;

- разработка программы обеспечения социально-правового контроля за принятием решений органами власти и управления, необходимо сделать принимаемые в сфере экономики решения доступными для обсуждения всеми заинтересованными сторонами на стадии разработки. Обязательным условием принятия каждого нормативного акта должна стать криминологическая экспертиза, заключения которой должны быть обязательны для исполнения соответствующими органами;

- решение вопроса о разработке механизма государственного контроля за иностранными и внутренними инвесторами, поскольку именно на первоначальной стадии осуществления проекта

инвестор вынужден тратить большую часть средств на взятки чиновникам;

– необходимость снижения в финансовой сфере контроля за деятельностью в сфере малого бизнеса путем упрощения процедур налогообложения и получения разрешений на занятие тем или иным видом деятельности.

IV. ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Горобцов В.И.,
доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт
МВД России

Действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает, что наказание в виде лишения свободы исполняется исправительными учреждениями, являющимися составной частью уголовно-исполнительной системы. Содержащиеся в них лица изолированы от общества в соответствии с приговором суда, который, тем не менее, не лишает их гражданства России и сохраняет за ними основные гражданские права и свободы, гарантированные Конституцией РФ. Так, согласно ч.6 ст.12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) «осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения». По справедливому утверждению В.И.Селиверстова, «право осужденных на охрану здоровья обеспечивается системой государственных гарантий, а именно охраной окружающей среды, созданием необходимых условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения, контролем за питанием, производством и реализацией доброкачественных продуктов питания, предоставлением медицинской и социальной помощи»¹.

Именно в целях создания гарантий данного конституционного права осужденных ст.2 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. среди задач уголовно-исполнительной системы называет «обеспечение охраны здоровья осужденных»².

Однако, как свидетельствует практика исполнения наказания в виде лишения свободы, учреждения уголовно-исполнительной системы далеко не всегда в состоянии реализовать данную задачу.

По утверждению министра юстиции России Ю.Я.Чайки, среди проблем, стоящих перед пенитенциарными учреждениями страны в последние годы, достаточно серьезно обозначена проблема лечения осужденных. В местах лишения свободы получили распространение инфекционные заболевания, в том числе такие опасные, как туберкулез и ВИЧ. И хотя в 2002 году значительно активизировалась работа по улучшению медико-санитарного обеспечения спецконтингента, в результате чего заболеваемость в учреждениях уголовно-исполнительной системы снизилась на 13 процентов, а общий уровень смертности среди осужденных – более чем на 20 процентов³, проблема применения к лицам, лишенным свободы, медицинского воздействия стоит очень серьезно. Острота ситуации подтверждается и словами заместителя Министра юстиции России Ю.И.Калинина: «В связи с ростом поступления в места лишения свободы больных социально значимыми заболеваниями для размещения и лечения больных туберкулезом в больницах исправительных колоний и в СИЗО не хватает около 10 тыс. мест... В учреждениях пенитенциарной системы в настоящее время содержится 405 тыс. человек (практически каждый второй осужденный), страдающих различными заболеваниями».⁴

Нормализация положения дел в сфере охраны здоровья осужденных к лишению свободы предполагает комплексное использование мер медицинского, организационного, психологического, финансового, экономического характера. Но далеко не последнюю роль в оздоровлении подобной ситуации в пенитенциарной системе играет и нормативно-правовое обеспечение лечения и медицинского обеспечения осужденных к лишению свободы. При этом, на мой взгляд, необходимо выделять различные уровни правового регулирования медицинского обслуживания лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы:

первый уровень – в соответствии с нормами федерального законодательства о здравоохранении, регламентирующими общие подходы к лечению и медицинскому обслуживанию граждан;

второй уровень – согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства, отражающим специфику осуществления лечебного воздействия в условиях изоляции осужденных от общества.

Вполне естественно, что нормативно-правовое обеспечение второго уровня должно базироваться на положениях федерального законодательства о здравоохранении, и в первую очередь Основ законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» от 28 июля

1993 г., которые являются специальным нормативным документом, регламентирующим целый ряд правоотношений в здравоохранении, предоставлении медицинских услуг гражданам и лечебной практике. Вместе с тем данный акт не может в полном объеме урегулировать все возникающие в этой сфере правоотношения. Поэтому вполне логичной представляется конкретизация соответствующих отношений на уровне отраслевого законодательства и, в частности, уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, в местах лишения свободы осуществляются, как правило, все виды медицинской помощи в отношении осужденных. Причем, как справедливо подчеркивает П.Г.Пономарев, «в исправительных учреждениях осуществляются медицинское обследование и наблюдение осужденных в целях профилактики заболеваний, диспансерный учет, наблюдение и лечение методами и средствами, рекомендованными Министерством здравоохранения Российской Федерации»⁵. И в этой связи необходимо акцентировать внимание на ч.3 ст.29 Основ законодательства РФ «Об охране здоровья граждан», в соответствии с которой испытания новых методов диагностики, профилактики и лечения, а также лекарственных средств, проведение биомедицинских исследований с привлечением в качестве объекта лиц, задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в местах лишения свободы либо административный арест, не допускаются. Данная норма конкретизирована в уголовно-исполнительном законодательстве: «Осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским или иным опытам, которые ставят под угрозу их жизнь и здоровье» (ч.3 ст.12 УИК РФ).

Определенный теоретический и практический интерес представляет выяснение вопроса о видах лечения. По утверждению Н.К.Дорофеева, медико-санитарное обеспечение осужденных включает в себя амбулаторное, стационарное и специализированное лечение.⁶ Учитывая, что амбулаторное и стационарное лечение осужденных к лишению свободы осуществляется в целях предоставления медицинской помощи в случае заболевания и профилактики болезней посредством медицинского обследования, наблюдения, диспансерного учета и лечения, оно проводится по существу таким же образом, как и в отношении свободных граждан. Организационными формами осуществления подобной медицинской помощи выступают республиканские (краевые, областные) больницы общего профиля

уголовно-исполнительной системы, центральные больницы управлений лесных исправительных учреждений, медицинские части исправительных учреждений. В случаях, когда необходимая медицинская помощь не может быть оказана в лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждениях, закон допускает возможность оказания медицинских услуг в территориальных лечебно-профилактических учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения. В соответствии с ч.5 ст.101 УИК РФ «порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений органов здравоохранения и привлечения для этих целей их медицинского персонала устанавливается законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации».

Кроме такого оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы, действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает три вида специализированного лечения, которому осужденные должны подвергаться без согласия:

а) *принудительное лечение* (принудительные меры медицинского характера), применяемые по решению суда в отношении осужденных, больных алкоголизмом, наркоманией, а также страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемость (ч.1 ст.18 УИК РФ);

б) *обязательное лечение*, применяемое по решению медицинской комиссии учреждения уголовно-исполнительной системы в отношении осужденных, больных токсикоманией, открытой формой туберкулеза, не прошедших полный курс лечения венерического заболевания, а также ВИЧ-инфицированных (ч.4 ст.18 УИК РФ);

в) *специальное лечение* в медицинских учреждениях закрытого типа, осуществление которого является препятствием для перевода осужденных к лишению свободы в колонию-поселение (п.«г» ч.3 ст.78 УИК РФ).

Сравнительно-правовой анализ норм Основ законодательства Российской Федерации «Об охране здоровья граждан» и норм уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о их несогласованности в части определения видов лечения и порядка его назначения.

Сразу же оговоримся, что Основы законодательства «Об охране здоровья граждан» не предусматривают таких видов лечения, как «обязательное» и «специальное». Более того, в соответствии со ст.34 Основ законодательства «Об охране здоровья граждан» от 28 июля 1993 г. «оказание медицинской помощи (медицинское освидетельствование, госпитализация, наблюдение и изоляция) без согласия граждан или законных представителей допускается в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, или лиц, совершивших общественно опасные деяния, на основаниях и в порядке, установленных законодательством Российской Федерации.

Решение о проведении медицинского освидетельствования и наблюдения граждан без их согласия или согласия их законных представителей принимается врачом (консультантом), а решение о госпитализации граждан без их согласия или согласия их законных представителей – судом».

Таким образом, по моему мнению, введение в уголовно-исполнительное законодательство понятий «обязательное лечение» и «специальное лечение» противоречит действующему законодательству об охране здоровья граждан. Более того, на нормативно-правовом уровне не раскрываются содержание этих видов лечения, их юридическая природа, целевые установки, основания назначения, изменения, продления и прекращения, особенности правового статуса осужденных, подвергнутых таким видам лечения.

В то же время, учитывая, что указанные в ч.4 ст.18 УИК РФ заболевания, наличие которых дает основания для проведения обязательного лечения (токсикомания, открытая форма туберкулеза, венерические болезни, ВИЧ-инфекция), действительно представляют опасность для окружающих, необходимость их лечения социально востребована, организационно такие осужденные содержатся в лечебных исправительных учреждениях (ч.2 ст.101 УИК РФ), соответствующая форма медицинского воздействия на осужденных, страдающих этими заболеваниями, в период отбывания ими уголовного наказания должна быть определена на нормативно-правовом уровне в точном соответствии с законодательством об охране здоровья граждан.

Выход из создавшегося положения видится следующим образом посредством реализации одного из двух предложений:

1) объединение на законодательном уровне двух видов лечения – принудительного и обязательного, расширив в нормативном порядке круг заболеваний, при наличии которых возможно применение к осужденным принудительных мер медицинского характера. После внесения соответствующих дополнений в главу 15 УК РФ и ч.1 ст.18 УИК РФ при исполнении наказания в виде лишения свободы к лицам, совершившим преступления и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также совершившим преступления и признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании, ВИЧ-инфицированным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полный курс лечения венерического заболевания, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера;

2) введение на уровне законодательства о здравоохранении понятия «обязательное лечение», конкретизировав его назначение на уровне уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, для чего целесообразно ввести в соответствующие отраслевые нормативно-правовые акты блок норм, регламентирующих назначение, изменение, продление и прекращение обязательного лечения, его основания и целевые установки, организационные формы такого лечения, особенности правового статуса осужденных, подвергнутых обязательному лечению.

Что же касается третьего вида специализированного лечения осужденных к лишению свободы, так называемого «специального лечения в медицинских учреждениях закрытого типа» (п. «г» ч.3 ст.78 УИК РФ), то подобный подход законодателя вызывает недоумение. Дело в том, что ст.18 УИК РФ, закрепляя применение к осужденным мер медицинского характера, предусматривает их реализацию на уровне принудительного либо обязательного лечения, определив основания и порядок их назначения. Ни о каком специальном лечении, применяемом к осужденным, законодатель ни в Основах «Об охране здоровья граждан», ни в ст.18 и 101 УИК РФ вообще не упоминает. С другой стороны, абсолютно непонятным представляется термин «медицинские учреждения закрытого типа». В соответствии с ч.8 ст.74 УИК РФ в качестве разновидности исправительных учреждений, призванных исполнять наказание в виде лишения свободы, выступают лечебные исправительные учреждения, в которых содержатся осужденные, подвергнутые принудительному или обязательному лечению.

Таким образом, вследствие отсутствия нормативно-правового определения «специального лечения» как формы медицинского воздействия в отношении осужденных и «медицинских учреждений закрытого типа» как разновидности уголовно-исполнительной системы полагаю, что подобное законодательное установление, предусмотренное п. «г» ч.3 ст.78 УИК РФ, является надуманным и не соответствующим реальной правовой действительности.

В целях же создания надлежащей нормативной основы установления запрета на перевод в колонию-поселение считаю целесообразным изменить редакцию п.«г» ч.3 ст.78 УИК РФ, предусмотрев, что в колонию-поселение не переводятся осужденные, не прошедшие обязательное либо принудительное лечение. Аналогичный запрет должен быть установлен и в УК РФ (ст.58) для назначения судом наказания в виде лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении для осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, и в колонии-поселении для осужденных за умышленные преступления небольшой или средней тяжести.

Переходя к рассмотрению организационной основы осуществления лечения осужденных к лишению свободы, замечу, что действующее уголовно-исполнительное законодательство (ст.74 УИК РФ) рассматривает лечебные исправительные учреждения в качестве разновидности исправительных учреждений наряду с исправительными колониями, тюрьмами и воспитательными колониями. Согласно ч.8 ст.74 УИК РФ «в лечебных исправительных учреждениях отбывают наказание осужденные, перечисленные в частях первой и третьей ст.18 настоящего Кодекса». Таким образом, лечебные учреждения предназначены для отбывания наказания осужденными, к которым применено принудительное либо обязательное лечение. Причем специфика функционирования этих учреждений уголовно-исполнительной системы обусловлена их двойственной природой: с одной стороны, это учреждения, призванные исполнять уголовное наказание в виде лишения свободы, а с другой – медицинские заведения, осуществляющие лечение больных в условиях изоляции их от общества. Вследствие такого положения процессы исполнения наказания (реализации кары) и осуществления исправительного воздействия (реализации основных средств исправления) в лечебных исправительных учреждениях органически дополняются медицинским (лечебным) воздействием, что позволяет определить этот триединый процесс как лечебно-карательно-исправительный.

Применение к осужденным мер медицинского характера влияет и на реализацию карательно-исправительных мер, и на правовой статус осужденного. Так, в соответствии с ч.4 ст.80 УИК РФ требования раздельного содержания осужденных к лишению свободы не распространяются на лечебные исправительные учреждения. Определенная специфика в отношении осужденных, к которым применены меры медицинского характера, имеет место при перемещении (этапировании) лиц, лишенных свободы (ст.76 УИК РФ). В соответствии с §20 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 июля 2001 г. №224, длительные свидания осужденным, находящимся в лечебно-профилактических учреждениях (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы, медицинские части), не предоставляются, они могут быть заменены краткосрочными. Согласно §21 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений длительные свидания осужденным, содержащимся в лечебных исправительных учреждениях, предоставляются по нормам, установленным для соответствующего вида режима ИУ, при отсутствии медицинских противопоказаний у осужденных.

Оказываемое на больных лечебное воздействие вносит определенные изменения и в их правовой статус. В частности, на осужденных, содержащихся в лечебно-профилактических и в лечебных исправительных учреждениях возлагается дополнительная обязанность – пройти соответствующий курс лечения, то есть выполнять различные научно обоснованные медицинские предписания. Кроме того, согласно ч.2 ст.96 УИК РФ не допускается передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения осужденных, больных открытой формой туберкулеза; осужденных, не прошедших полный курс лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании; ВИЧ-инфицированных осужденных; осужденных, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемость.

Такой же контингент осужденных не подлежит переводу в колонию-поселение (п. «г» ч.3 ст.78 УИК РФ).

Лечебное воздействие вносит определенные коррективы и в процесс реализации основных средств исправления осужденных. Поскольку лечебное воздействие включает в себя медикаментозное лечение, проводимое по соответствующим схемам и на основе методических рекомендаций органов здравоохранения, и специальную терапию (которая осуществляется в форме бесед, лекций, внушений, трудовой

терапии, культтерапии и др.), в условиях лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждений нередко одно и то же мероприятие выступает элементом и лечебного воздействия, и процесса реализации основных средств исправления осужденных (например, трудотерапия, культтерапия, лекции и беседы на медицинские темы).

Характеризуя лечебно-карательно-исправительный процесс, необходимо отметить, что все его составные части органически дополняют друг друга и сливаются в единое целое в практической деятельности лечебных исправительных учреждений. Для углубленного теоретического анализа данного процесса следует выявить соотношение между составными элементами лечебно-карательно-исправительного воздействия, определить сходство и различие структурных частей этого триединого процесса.⁷

К аналогичному выводу о единстве уголовно-исполнительного и лечебного процессов по отношению к осужденным в условиях лечебных исправительных учреждений пришла Л.В.Комарова. По ее мнению, «назначение лечебных исправительных учреждений может быть представлено в виде двух компонентов: пенитенциарного и лечебного. Пенитенциарный аспект выражает карательные интересы и соответствующие им требования государства в области борьбы с преступностью, обращения с осужденными, которые определенным образом направлены также на реализацию исправительного воздействия на осужденных. Лечебный аспект назначения данных исправительных учреждений привнесен в исправительную систему извне и определяется многими параметрами, не свойственными уголовно-исполнительной системе: общим состоянием здравоохранения в стране; существующими методиками лечения заболеваний, по профилю которых подразделяются лечебные учреждения; общественными интересами в достижении эффекта выздоровления осужденных, особенно с инфекционными заболеваниями и т.д.»⁸.

Залогом успешной деятельности по применению к осужденным, содержащимся в местах лишения свободы, мер медицинского характера являются также разработка и реализация мероприятий организационно-кадрового и научно-методического свойства. К сожалению, в настоящее время отсутствуют специализированные образовательные заведения, которые бы готовили кадры для работы в лечебно-профилактических и лечебных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Зачастую в эти подразделения направляются для работы выпускники высших учебных заведений медицинского профиля,

не имеющие соответствующей пенитенциарной подготовки, а также выпускники образовательных учреждений юридического профиля МВД России и Министерства юстиции России, не имеющие медицинской подготовки. Поэтому вполне логичным представляется предложение о создании в системе Минюста ведомственного образовательного учреждения, готовящего специалистов как в области лечебного дела, так и правоохранительной деятельности для работы в лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждениях. В качестве варианта возможна и подготовка врачей и среднего персонала на специальных факультетах (отделениях) медицинских образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Следует согласиться и с предложением, высказанным А.А.Моховым, о целесообразности изучения медицинского права в юридических вузах⁹, особенно ведомственных, готовящих кадры для работы в уголовно-исполнительной системе.

Существенная помощь персоналу лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений может быть оказана посредством подготовки и направления в подразделения различного рода методических разработок по реализации средств лечебно-карательно-исправительного воздействия в отношении осужденных, к которым применены меры медицинского характера. В качестве позитивного момента следует рассматривать издание Международным Центром Тюремных Исследований, Институтом «Открытое Общество» и международной общественной организацией «Международная Тюремная Реформа» бюллетеня «Здравоохранение в тюрьмах» (Бюллетень проекта по усовершенствованию систем здравоохранения в тюрьмах и государственного здравоохранения в Восточной Европе и Средней Азии).

И последнее. Проблемы правового регулирования применения мер медицинского характера в отношении осужденных к лишению свободы недостаточно исследованы в юридической литературе, особенно после введения в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1997 г. За последние десятилетия по данной проблематике учеными-юристами опубликовано лишь несколько работ.¹⁰ Думается, что внимание к теоретическим изысканиям организационно-правовых аспектов реализации мер медицинского характера в отношении осужденных к лишению свободы и другим видам наказаний, консолидация усилий в этом направлении с учеными-медиками, психологами, специалистами в сфере науки управления позволят

создать надлежащую теоретическую базу исследования проблем лечения осужденных.

ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА АНГЛИИ И УЭЛЬСА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Тепляшин П.В.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
МВД России

Тюремное ведомство (далее – Ведомство) Англии и Уэльса, с мая 2002 года возглавляемое Гилари Бенном (Hilary Benn), является структурным исполнительным органом Министерства внутренних дел (далее – Министерство).

Радикально организационно-правовая реформа тюремной системы Англии и Уэльса, начавшаяся во второй половине прошлого века, достигла своего апогея в 90-х годах и главным образом коснулась ее окончательной централизации и подчинения Ведомства министру внутренних дел, переоценки задач и принципов ее функционирования, была связана с появлением в 1994 году Омбудсмана по делам тюрем и пробации. В апреле 2000 года был сделан последний важный шаг в сторону построения устойчивой организационно-территориальной структуры тюремной системы с учетом успешного решения оперативных задач, географической выгодностью и конструктивной координацией с полицией и подразделениями Национальной службы пробации.¹

Современным ключевым направлением деятельности Ведомства является достижение основной цели, установленной для Министерства его главой – Дэвидом Бланкеттом (David Blunkett), – строительство безопасного, справедливого и толерантного общества, в котором гармонично сочетались бы права и ответственность человека и общества, а также обеспечение охраны и защиты общества от преступных посягательств. Из семи задач, установленных министром для достижения данной цели, четвертая специально относится к деятельности Ведомства – эффективное исполнение судебных приговоров в целях снижения повторности преступных актов и защиты общества от преступников. Достижение указанной задачи основано на содержании преступников в безопасных,

соответствующих и здоровых условиях и снижении преступности путем специальных режимных мероприятий, по возможности адресованных в отношении каждого заключенного, улучшении их образования и трудовых навыков, стимулировании законопослушного поведения как во время заключения, так и после освобождения. В основу решения данной задачи положены следующие принципы:

- честность, открытость и человечность в отношениях с заключенными как со стороны сотрудников тюремной системы, так и со стороны всех иных лиц, вступающих в какой-либо контакт с ними;

- индивидуальная оценка, опека и поддержка каждого заключенного;

- равные возможности и отсутствие дискриминации в отношении осужденных по любым признакам;

- конструктивная работа и сотрудничество с различными органами уголовной юстиции и иными негосударственными организациями, способными так или иначе оказать помощь в исправлении и реабилитации преступников;

- извлечение и внедрение в практику лучшего из накопленного опыта.²

В силу сложившихся особенностей английской правовой модели, характеризующейся традиционностью прецедентного права и слабой кодификацией статутного, правовое регулирование исполнения наказания в Британии продолжает основываться на сочетании судебных прецедентов и норм уголовного, уголовно-исполнительного и тюремного права, в частности, Закона об уголовной юстиции 1991, 1993 г.г., Закона об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 года, Уголовного (об осуждении и наказании) закона 1997 года, Уголовного закона о нарушении общественного порядка 1998 года, Закона о полномочиях уголовных судов 2000 года. В основе деятельности исправительной системы Англии и Уэльса лежит сочетание норм Тюремных правил 1952 года и их новой версии 1999 года.

В соответствии с Тюремными правилами 1952 года образованы действующие и по настоящее время Ревизионно-контролирующие комиссии. Данные комиссии (вневедомственный контролирующий орган) прикреплены почти к каждой тюрьме, состоят приблизительно из 15 членов и выполняют две основные функции: 1) инспектирование и контроль условий содержания заключенных и 2) рассмотрение их жалоб. Комиссии тесно взаимодействуют с тюремными инспекциями (ведомственный контролирующий орган), образованными в 1982 году,

являющимися составной частью Ведомства и осуществляющими «контроль эффективности и корректности деятельности тюрем», и Омбудсменом по делам тюрем и пробации – группой комиссионеров из числа парламентариев, основной задачей которых является независимое расследование отдельных жалоб лиц, находящихся в тюремном заключении либо проходящих пробацию, о наиболее серьезном нарушении прав последних.

В настоящее время тюремная система Англии и Уэльса насчитывает 138 тюрем, работу которых поддерживает около 45 000 сотрудников, в их числе 30% женщин. Из всего количества тюрем 13 исключительно женских, 4 смешанных, в остальных содержатся преступники только мужского пола. Существует несколько их видов и только два типа – открытые и закрытые тюрьмы. В основу классификации на виды положен функциональный критерий достижения конкретных задач уголовного правосудия, на типы – степень охраны заключенных, которая зависит от большей или меньшей предполагаемой опасности побега заключенного.³ В тюрьмах открытого типа главным образом содержатся заключенные Категории D.⁴

Местные тюрьмы	Предназначены для содержания лиц, ожидающих суда или приведения в исполнение уже вынесенного приговора о тюремном заключении	Закрытый тип	40*	24500**
Распределительные тюрьмы	Используются для содержания и классификации лиц, осужденных к тюремному заключению, на категории. В основном все заключенные категории А, которых приблизительно 850 человек, содержатся в этих тюрьмах	Закрытый тип	5	3000
Исправительные учреждения для несовершеннолетних лиц	Являются местами, в которых содержатся преступники в возрасте от 15 до 21 года	Закрытый / открытый типы	20	9000
Центры предварительного заключения	Используются в тех же целях, что и местные тюрьмы, но в них содержатся преимущественно лица в возрасте до 21 года. Данные тюрьмы являются, как правило, структурной частью Исправительных учреждений для несовершеннолетних лиц либо Местных тюрем, и поэтому не включаются в общую тюремную статистику	По существу закрытого типа, хотя официально таковыми не являются	31	–

Особым подразделением тюремной системы являются три специальных госпиталя и четыре частных тюрьмы. Последние выполняют в основном функции Центров предварительного заключения.

Тюрьмы исправительного обучения	Предназначены исключительно для совершеннолетних лиц, приговоренных к длительным срокам тюремного заключения	Закрытый / открытый типы	60	25000
Женские тюрьмы	Образованы совсем недавно – в 1996 году – и предназначены для содержания совершеннолетних лиц женского пола	Закрытый / открытый типы	13	3000

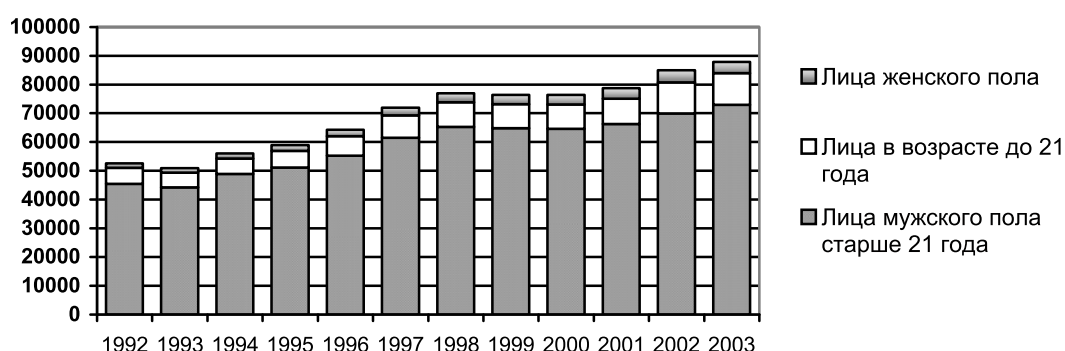
* Количество тюрем данного вида (по состоянию на 2002 год).

** Среднее приблизительное число лиц, содержащихся в данных тюрьмах (по состоянию на 2002 год).

Наблюдается постоянный рост тюремного населения. Так, если в 1992 году его средний уровень находился на отметке 45486, то в 1996 году он уже составлял 55256, в 1999 году – 64770, в 2000 – 64600, в 2001 – 66300, в 2002 – 69887 и на конец мая текущего года приблизился к 73 тысячам (72971). Лиц женского пола в 2000 году было 3350, в 2001 – 3740, в 2002 – 4212 и в мае текущего года – 3865 человек.⁵ Предлагаемая диаграмма наглядно показывает динамику роста тюремного населения в Англии и Уэльсе в период с 1992 по май 2003 гг.

Диаграмма 1

Тюремное население в Англии и Уэльсе включая лиц, находящихся в предварительном заключении

Уголовно-правовая характеристика заключенных показывает рост числа лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и снижение числа лиц, отбывающих наказание за совершение

преступлений сексуального характера, краж, действий мошеннического характера. Данные в предлагаемой таблице представлены в процентном соотношении.

Вид преступлений	1992	1994	1996	1998	2000	2001
Против личности	24,2	24,9	23,8	22,6	22,0	22,1
Изнасилования	5,6	5,4	5,2	5,3	5,8	5,8
Иные преступления сексуального характера	5,8	5,6	5,6	5,6	5,3	5,0
Ночные кражи со взломом	15,4	13,2	13,4	15,5	15,8	15,2
Грабежи и разбой	13,1	15,2	12,6	11,2	10,8	11,1
Кражи	9,8	9,1	9,0	8,8	8,8	7,8
Мошенничество и подделка документов	3,2	3,3	3,4	2,8	2,2	2,2
Связанные с незаконным оборотом наркотиков	11,6	11,8	15,4	17,7	18,0	18,9
Иные преступления	11,3	11,6	11,6	10,7	11,3	12,0

Краткая демографическая характеристика тюремного населения в Англии и Уэльсе показывает рост лиц в возрасте до 21 года, которых в среднем в 2000 году было 8439, в 2001 – 8710, в 2002 – 10836 и в мае текущего года – 11032 человек. Особую тревогу английское уголовное правосудие «бьет» по поводу увеличения числа несовершеннолетних лиц женского пола, находящихся в тюремном заключении. Так, в среднем в 2000 году их содержалось 377, в 2001 – 390, в 2002 – 467 и в мае текущего года – 579. Предлагаемая таблица более детально отражает демографическую характеристику тюремного населения (за каждый год в первой колонке поочередно идут сначала лица мужского пола затем женского, %).

Возраст	1992		1994		1996		1998		2000		2001	
15-17	2,1	1,5	2,4	2,1	3,1	3,3	3,3	2,6	3,5	2,4	3,9	2,3
18-20	11,3	8,6	11,4	8,1	10,4	9,8	11,6	8,9	11,7	9,9	12,3	11,2
21-24	22,3	15,1	20,1	18,5	18,7	15,3	17,6	18,0	17,2	17,2	17,2	16,8
25-29	23,0	23,3	22,3	22,9	21,6	21,6	21,2	21,2	19,9	21,1	19,3	20,0
30-39	24,6	32,2	26,0	29,6	27,8	31,4	28,3	30,0	28,6	32,3	28,0	30,9
40-49	11,1	14,1	11,7	13,6	11,7	13,3	11,0	14,0	11,3	12,6	11,6	14,0
50-59	4,3	4,1	4,6	4,1	5,0	4,7	5,2	4,9	5,4	3,8	5,3	4,1
<60	1,3	1,0	1,5	1,1	1,7	0,6	1,8	0,5	2,3	0,6	2,4	0,7

В желаемой перспективе планируется, что количество заключенных для мужчин не будет превышать 4% ежегодного роста, для женщин – 9%, и для всех категорий к 2008 году составит не более 83500 заключенных. Однако заметим, что с наблюдающимся реальным ростом тюремного населения данный

прогноз представляется несбыточным, превышающим планируемые цифры.

Стоит отметить, что в период с 1992 по 2000 гг. средняя продолжительность отбывания тюремного заключения возросла с 21 до 22,2 месяцев.

Констатируется увеличение числа лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного тюремного заключения. В частности, если 30 июня 2000 года таких заключенных было 4538, то в это же время следующего года уже 4810, из числа которых 72%, в том числе 3% лиц женского пола, были осуждены за совершение убийств, 10% – изнасилований, остальные – за иные сексуальные преступления. Однако увеличилось число досрочно освобожденных лиц, осужденных к пожизненному заключению, с 85 в 1996 году до 138 лиц в 2001 году. Описывая далее эту категорию лиц, стоит отметить, что 35% из них в возрасте от 30 до 39 лет, 24% – от 40 до 49 лет, 23% (в том числе 3% или 147 несовершеннолетних преступников) – до 30 лет, 12% – от 50 до 59 лет и 6% – старше 60 лет.

Вместе с тем снизилось среднее число лиц, находящихся в предварительном заключении. Так, если в 1999 году таких заключенных насчитывалось 7950, то в 2000 – 7100, а в 2001 – 6920. Однако немного увеличилась продолжительность среднего времени нахождения лиц женского пола в предварительном заключении – с 36 дней в 2000 году до 39 в 2001 году, для лиц мужского пола – 49 дней как в 2000, так и в 2001 гг.

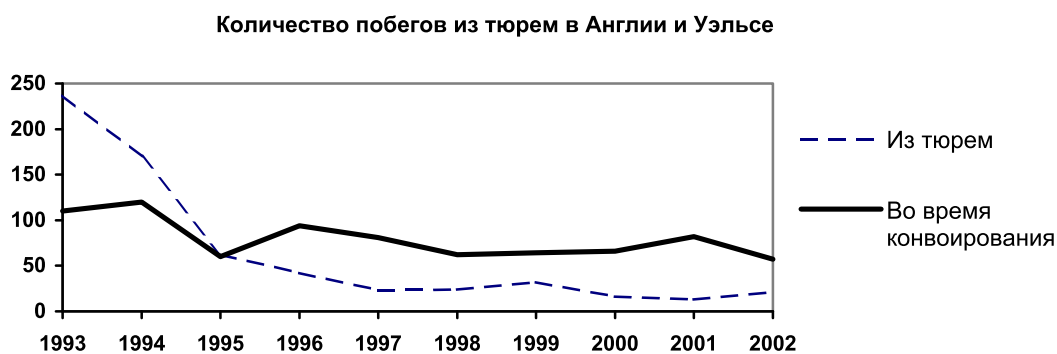
Рассматривая показатели преступности в тюремной системе, представим следующие факты. В 2001 году было зарегистрировано 108400 правонарушений, совершенных в тюрьмах, что на 3100 больше чем в предыдущем году. Однако, учитывая уровень тюремного населения, как в 2001 году, так и в 2000 году, на 100 заключенных приходилось приблизительно 163 правонарушения. Вместе с тем в 2000 году на 100 лиц женского пола приходилось 225 таких деликтов, в 2001 году – на 7 больше. Из всей совокупности правонарушений 6800 – нападения на сотрудников и заключенных, в 2000 году – 7250.

Ограничению свободы путем помещения нарушителя дисциплины в специальную камеру в 2001 году были подвергнуты 1839 лиц мужского пола и 131 лицо женского пола. Начиная с 1991 года амплитуда случаев ограничения свободы была незначительной и колебалась с 3125 в 1994 году до 1632 в 2000 году.

Снизилось незаконное преступное употребление и хранение наркотических средств с 15800 случаев в 2000 году до 143000 в

2001 году. Наблюдается уверенное снижение количества совершаемых побегов осужденных, содержащихся в тюрьмах, и конвоируемых лиц. Диаграмма 2 наглядно показывает данную тенденцию в период с 1993 по 2002 гг.

Диаграмма 2

Вместе с тем незначительно уменьшилось количество уклонений от отбывания тюремного заключения, в частности, лиц, не вернувшихся из отпуска. Так, в 1995 году их было 975, в 1996 – 1134, в 1997 – 1100, в 1998 – 942, в 1999 – 880, в 2000 – 812 и в 2001– 768, из которых 534 – взрослые лица мужского пола, 172 – несовершеннолетние преступники и 62 – взрослые лица женского пола.

Здесь следует указать, что новые Тюремные правила, вступившие в силу 1 апреля 1999 года, и Правила деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних лиц, вступившие в силу 1 апреля 2001 года, дали возможность начальнику тюрьмы самостоятельно рассматривать дела о нарушении тюремной дисциплины, поручать их расследование подчиненным ему офицерам и решать вопрос о направлении дела на судебное рассмотрение или его прекращении. В его правах также отправить дело на расследование полиции.

Касаясь условий содержания лиц, подвергнутых тюремному заключению, отметим, что, например, в 2001 году 11204 заключенных содержались по двое в одной тюремной камере, что на 2,4% меньше, чем в 2000 году.

До сих пор остается высоким уровень суицидов. Так, в 1999 году было зарегистрировано наибольшее, начиная с 1994 года, число самоубийств – 91, в 2000 году было зарегистрировано 81 самоубийство, в 2001 – 72 и в 2002 – 64. Наибольшее число суицидов, совершенных лицами женского пола, приходится на 2000 год – 8, наименьшее – на 1994 год.

Увеличивается количество предоставляемых отпусков и кратковременных выходов за пределы тюрьмы. В частности, если в 1997 году их было предоставлено 227078, то в 1998 – уже 255886, в 2000 – 256837 и в 2001 – 270122. Также возрастает количество лиц, досрочно освобожденных от отбывания тюремного заключения. Если в 1997 году досрочно освобожденных лиц было 2006, то в 1998 – уже 2383, в 1999 – 2561, 2000 – 2584 и в 2001 – 2791. В 2001 году было 13700 досрочно освобожденных лиц, содержащихся под так называемым домашним арестом. Стоит отметить, что применяемый на практике с 28 января 1999 года и регламентируемый секциями 99 и 100 Уголовного закона о нарушении общественного порядка 1998 года этот вид досрочного освобождения является последним нововведением в исполнение института досрочного освобождения.

Говоря о проблемах, важно отметить назревшую проблему правового регулирования деятельности тюремной системы. Так, в основе ее регулирования лежит сочетание Тюремных правил 1952 и 1999 гг. Причем юридическая основа положений, связанных с назначением и функциями системы, ее структурой и обязанностями министра внутренних дел и главы Ведомства, находится в Тюремных правилах 1952 года. Однако, с одной стороны, сам документ, который, как отмечают специалисты, и без того содержал много «архаики» XIX века, по-существу, не был прогрессивным и не способствовал кооперации и международному сотрудничеству в области тюремоведения⁶, «морально» устарел и в значительной степени не отражает интересов уголовной юстиции. С другой стороны, Тюремные правила 1999 года также не отвечают современным требованиям исправления лиц, подвергнутых тюремному заключению, и деятельности Ведомства в целом. Отмечается «бедность» их описательной части, непоследовательность в регулировании деятельности тюремной системы, недостаточное предоставление осужденным новых прав и привилегий. В результате новые Тюремные правила не имеют своего должного выражения в деятельности Ведомства.⁷ На это, в частности, указывает тот факт, что они не находят своего отражения в ежегодных отчетах Ведомства.

Стоит выделить две первостепенные организационно-правовые проблемы деятельности тюремной системы Англии и Уэльса: 1) переполнение тюрем⁸ и 2) проблема наркоманизации. В частности, в целях решения первой из них в течение 2003-2006 гг. планируется открытие дополнительно 2640, 2520, 2640 и 2687 соответственно за каждый год новых мест для содержания лиц, осужденных к тюремному заключению, а также более широкое

применение института досрочного освобождения от тюремного заключения. Для решения второй проблемы постоянно совершенствуется система комплексных мероприятий, объединенных единой Правительственной стратегией борьбы с наркотиками и предметно детализированных в Тюремной стратегии борьбы с наркотиками.

Представляется необходимым затронуть еще одну «проблему в перспективе», суть которой заключается в реализации программы «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников вне изоляции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных программ. В рамках тюремной системы исполнение этой программы возлагается на наиболее широкое применение института досрочного освобождения. Однако здесь имеется проблема, связанная, с одной стороны, со взаимодействием Ведомства с Национальной службой пробации и Комиссией по делам досрочного освобождения в решении задачи «переселения» лиц, отбывающих длительные сроки тюремного заключения, с другой стороны – с поиском действительно эффективного социального механизма, способного установить баланс между защитой общества от преступных посягательств, должной реабилитацией и исправлением преступника и претворением в жизнь программы «переселения».⁹ Определенные шаги система английского правосудия в этом направлении делает, что связано, например, с развитием концепции «социальных наказаний», таких социальных программ как «casework», направленных на изучение проблем и нужд лиц, нуждающихся в социальной поддержке и др.

Развитие тюремной системы происходит в русле решения комплекса взаимосвязанных проблем, касающихся повышения качества и конструктивности взаимоотношения заключенных и сотрудников системы, реального, а не формального расширения прав и возможных привилегий заключенных, развития и постоянного претворения в жизнь идеи «позитивного и гуманного заключения», снижения стигматизации заключенных путем соответствующего отношения к ним и предоставления всех возможных удобств, доступных для общества.¹⁰

Говоря о перспективах развития тюремной системы Англии и Уэльса, стоит обратиться к Корпоративному плану деятельности Ведомства в период с 2003-2004 по 2005-2006 гг., в котором обозначены основные стратегические задачи Ведомства на ближайшие три года:

– существенное снижение количества побегов;

- обеспечение безопасных и подходящих условий содержания заключенных;
- повышение и улучшение качества применения досрочного освобождения осужденных от тюремного заключения;
- увеличение количества мест для содержания лиц, осужденных к тюремному заключению;
- улучшение качества работы Ведомства;
- повышение качества взаимодействия Ведомства с такими структурами, как Национальной пробационной службой, Комиссией по делам досрочного освобождения, Комиссией по делам несовершеннолетних преступников и др.

Кроме того, в рабочем плане деятельности Ведомства на 2003-2004 гг. в качестве приоритетных задач на этот период времени выносятся, в частности, решение проблемы роста самоубийств среди заключенных, которых, например, в 2002 году было зарегистрировано 94, и повышение профессионализма среди сотрудников Ведомства.

Базовый перечень ключевых задач Ведомства, согласно этому плану, следующий:

- существенное снижение количества побегов заключенных (особенно заключенных Категории А) из тюрем и в процессе их конвоирования до 0,05%;¹¹
- недопущение увеличения количества насильственных преступлений осужденных, содержащихся в тюрьмах, не выше уровня прошлого 2002 года;
- контроль над тем, чтобы не более 18% из общего количества лиц, подвергнутых тюремному заключению, содержались по двое в тюремных камерах, предназначенных только для одного человека;
- до апреля 2004 года увеличить число сотрудников Ведомства, представляющих различные этнические группы, до 5,5% от их количества;
- обеспечить, чтобы заключенные могли иметь не менее 24 часов активного отдыха в неделю;
- удержать уровень самоубийств лиц, отбывающих тюремное заключение, на отметке не более 112,8 случаев на каждые 100000 заключенных;
- увеличить различные формы вознаграждений заключенных за добропорядочное поведение и труд;
- обеспечить, чтобы не менее 30690 заключенных получили профессиональные трудовые навыки и образование.

Таким образом, вышеперечисленные задачи, имея лишь рекомендательный характер для их исполнителя, вместе с тем с высокой точностью отражают реальные процессы и желаемые результаты деятельности Ведомства Англии и Уэльса на современном этапе.

План издания №2

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 7

Редактор Т.Ю. Яковлева
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000
ПД № 16-017 от 10.07.2000
ГЗ № 24.49.1.953 П 234.6.00 от 13.06.2000

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 13,4.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1960. – С.130.

² Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.2. – М., 1970. – С.119-121.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С.22; Глистин В.К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). – Л., 1979. – С.6.

⁴ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. – М., 1951. – С.205-206.

⁵ Беляев Н.С. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т.1. – Л., 1968. – С.303-305.

⁶ Кравцов С.Ф. Предмет преступления: Автореф. ... канд. юрид. наук. – Л., 1976. – С.8-9.

⁷ Коржанский Н.И. Указ. работа. – С.103.

⁸ Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1971. – С.28-30.

⁹ Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков, 1984. – С.47.

¹⁰ Кравцов С.Ф. Указ. работа. – С.6.

¹¹ Таций В.Я. Указ. работа. – С.16.

¹² Благоев Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. – Красноярск, 1989. – С.64.

¹³ Глистин В.К. Указ. работа. – С.46.

¹⁴ Там же. – С.51.

¹⁵ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. – 1951. – №8. – С.57.

¹⁶ Никифоров Б.С. Указ. работа. – С.129.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №7. – С.6.

¹⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №5. – С.4.

¹⁹ Таций В.Я. Указ. работа. – С.41.

²⁰ Благоев Е.В. Общественно-опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления // Проблемы уголовной ответственности и наказания: Сборник статей / Под ред. А.С.Горелика. – Красноярск, 1995. – С.14-15.

²¹ Благоев Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. – Красноярск, 1989. – С.67.

¹ Кафаров Т.М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. – Баку, 1972. – С.121.

² Зельдов С.И. Уголовно-правовые последствия судимости. – С.8.

³ Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: Дисс. ...докт.юрид. наук. – Томск, 2001. – С.209.

⁴ Сергеевский Н.Д. Русское уголовно право: Пособие к лекциям. – СПб., 1911. – С.217.

⁵ Советченко Н.А. К вопросу о совершенствовании института множественности преступлений // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Ч.3 /Под ред. В.Ф.Воловича. – Томск, 2000. – С.10-11.; Ткаченко В. Ответственность за повторное деяние // Советская юстиция. – 1988. – №4. – С.26; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: Автореф. дисс. ...докт.юрид.наук. – М., 1999. – С.11.

⁶ Черненко Т.Г. Указ. работа. – С.9.

⁷ Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. – Воронеж, 1988. – С.120.

⁸ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – С.160.

⁹ Зельдов С.И. Указ. работа. – С.12.

¹⁰ Малков В.П. Повторность преступлений. – Казань, 1970. – С.104-114.

¹¹ Архив Шарыповского городского суда Красноярского края. Уголовное дело № 1-154/2001.

¹² Архив Железнодорожного районного суда г.Красноярска. Уголовное дело № 1-926/01.

¹³ Приказ НКЮ СССР от 14 августа 1937 г. //Финансовое и хозяйственное законодательство. – 1937. – №28. – С.30.

¹⁴ Герцензон А.А. Об Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., 1959. – С.59; Дагель П.С. Вопрос, требующий разрешения // Социалистическая законность. – 1962. – №2. – С.69; Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. – М., 1966. – С.75; Соловьев В. О некоторых вопросах применения Общей части УК РСФСР // Советская юстиция. – 1961.

– №8. – С.10.

¹⁵ Дагель П.С. Указ. работа. – С.69.

¹⁶ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – С.31.

¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Лаврентьевой // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №5. – С.9-10.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Задворнова // Законность. – 1998. – №11. – С.57.

¹⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.07.1998 г. по делу Конгар // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №4. – С.9.

²⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ №605п97пр по делу Служанова // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – №4. – С.17.

²¹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М., 1963. – С.60; Малков В.П. Повторность преступлений.

– С.58-60; Горобцов В.И. Судимость: понятие, история, перспективы законодательной регламентации. – С.55-57.

²² Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – С.74-75.

²³ Архив Кемеровского областного суда, 2000. Дело № 22-1227.

²⁴ Архив Кемеровского областного суда, 2000. Дело № 22-1203.

²⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №10-Д97пр-30 по делу Банникова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №4. – С.16.

²⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Яковлева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №5. – С.10-11.

²⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.10.1999 года по делу Романенкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №7. – С.11.

²⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №9-097-82 по делу Ляпина и Петрова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №9. – С.8.

²⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.04.1999 года по делу Жукова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №3. – С.16.

³⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 44-097-109 по делу Оглы // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №9. – С.7-8.

³¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ №334п2000 по делу Карымова // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. – №1. – С.13.

³² Архив Шарыповского городского суда Красноярского края. Уголовное дело № 1-143/2001.

³³ Непринцев А. Нельзя судить по УК РФ со ссылкой на УК РСФСР // Российская юстиция. – 1999. – №6. – С.45.

³⁴ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – С.269.

³⁵ Архив Железнодорожного районного суда г.Красноярска. Уголовное дело №1-986/01.

³⁶ Архив Железнодорожного районного суда г.Красноярска. Уголовное дело №1-906/01.

³⁷ Архив Железнодорожного районного суда г.Красноярска. Уголовное дело №1-100/02.

³⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №25-099-24 по делу Ночевнова и Паниота // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №7. – С.14-15.

³⁹ Архив Железнодорожного районного суда г.Красноярска. Уголовное дело №1-1066/01.

⁴⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ №44-097-185 по делу Шалапаева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №9. – С.8.

¹ Шнитенков А.В. Отягчающие обстоятельства в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Омск, 1998. – С.9-10; Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищений: Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Омск, 2002. – С.8.

² Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.3. Наказание / Под ред. А.А.Пионтковского. – М., 1970. – С.135-136.

³ Кригер К. Общие начала назначения наказания // Советская юстиция. – 1980. – №1. – С. 19; Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. – Ярославль, 1979.

– С.68-69; Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. – М., 1976. – С.177.

⁴ Кузнецова Н.Ф., Куринов Б.А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по уголовному праву. – М., 1958. – С.101; Курс уголовного права. Общая часть. Т.2. Учение о наказании / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 1999. – С.90-91; Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999. – С.167-168.

⁵ Ткаченко В. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С.10-11.

⁶ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – С.128-132.

⁷ Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. – Воронеж, 1985. – С.46-48, 74-78, 84-97, 101; Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дисс. ...докт.юрид.наук. – Екатеринбург, 2000. – С.233, 237-238, 269-270.

⁸ Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. – М., 1959. – С.3; Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов, 1991. – С.49.

⁹ Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М., 1974. – С.19; Шеслер А.В. Указ. работа.– С.231; Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. – Свердловск, 1973. – С.17.

¹⁰ Архив Красноярского краевого суда. Архивное дело № 2-18/96.

¹¹ Архив Красноярского краевого суда. Архивное дело № 2-52/99.

¹² Российская газета. – 2003 .– 18 января.

¹³ Питецкий В.В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве). – Красноярск, 1993. – С.49.

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №8. – С.2-9.

¹ Шабуров А.С. Формальная определенность права: Автореф. дисс. ...канд.юрид. наук. – Свердловск, 1973. – С.11.

¹ Горобцов В.И. Развитие теории уголовно – правового принуждения в новом Уголовном кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск, 1997. – С.60.

² Преступность стран мира: уровень, динамика, структура преступности и осужденных: Статистический сборник / Под общ. ред. Ю.Ф.Кардополова. – 3-е изд., исп., и доп. – Красноярск, 2002. – С.289.

³ Преступность и правонарушения (1997-2001): Статистический сборник. – М., 2002. – С.160.

⁴ Там же.

⁵ Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. (В связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). – М., 2000. – С.45; Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа: Монография. – СПб., 2000. – С.206; Филимонов О.В. Проблемы применения в России уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: Сборник материалов международной конференции (г.Москва, 29-30 мая, 2002). – М., 2002. – С.19-20.

⁶ В проекте УК РФ данный вид наказания был даже исключен из системы наказаний // Российская газета. – 1995. – 3 февраля. – С.3.

⁷ Криминология / Под ред. В.Н.Бурлакова, В.П.Сальникова, С.В.Степашина. – СПб., 1999. – С.570-577.

⁸ Горобцов В.И. Организационно-правовые меры, альтернативные уголовному наказанию в виде лишения свободы // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск, 2000. – С.26-27.

⁹ Зубкова В.И. Система наказаний по УК РФ и проблемы ее реализации // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). – М., 2002. – С.139.

¹⁰ Устинов В.С. Уголовно-политическая стратегия в XXI веке // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.6

/ Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск, 2003. – С.7, 12.

¹¹ Горобцов В.И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сборник материалов международной научно-практической конференции (7-8 февраля 2003г.). Ч.1. – Красноярск, 2003. – С.24; Устинов В.С. Указ. работа. – С.7, 12; Милюков С.Ф. Указ. работа. – С.169.

¹² Устинов В.С. Указ. работа. – С.7, 12.

¹³ Если рецидив среди отбывших лишение свободы многие годы стабилен и составляет в среднем 30-35%, то среди условно осужденных совершают повторное преступление в течение испытательного срока лишь 2-5%.

¹⁴ Горобцов В.И. Правовая природа условного осуждения и отсрочки исполнения приговора: Лекция. – Орел, 1994. – С.15.

¹⁵ Там же. – С.15-16

¹⁶ Уткин В.А. Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: Материалы международной конференции. – М., 2001. – С.11-12.

¹ Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в ИТУ. – Л., 1963. – С.25-36; Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С.139-148; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л., 1973. – С.23-30; Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. – Саратов, 1973. – С. 56-96; Полубинская С.В. Цели уголовного наказания. – М., 1990. – С.14; Кардополов Ю.Ф. Новое уголовное законодательство: Понятие и цели уголовного наказания. – Красноярск, 1997.

² Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб., 2000. – С.293.

³ Там же. – С.316.

⁴ Там же. – С.294.

⁵ Там же. – С.296, 315, 316.

⁶ Там же. – С.324.

⁷ Щербатых Ю.В. Психология страха. – М., 2000. – С.69-70.

⁸ Там же. – С.380.

⁹ Там же. – С.124-127.

¹⁰ Там же. – С.125.

¹¹ Там же. – С.131, 134.

¹² Так, по данным, которые приводит Г.Ф. Хохряков, более 70 % опрошенных работников исправительно-трудовых учреждений считают, что им недостаточно прав по отношению к осужденным, понимая это как расширение их полномочий в применении к осужденным мер, в которых воплощается наказание. 32 % опрошенных убеждены, что установленные меры уголовного и исправительного воздействия малоэффективны. В кн.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. – М., 1991. – С.164. Настроения общества по этому вопросу общеизвестны: «покарать», «призвать к ответу», «наказать, чтобы другим неповадно было» – обычные высказывания по поводу меры ответственности за преступления.

¹ Уголовное право. Общая часть. – М., 1997. – С.477-478.

² Сабанин С.Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: Автореф. дисс. ...докт.юрид.наук. – Екатеринбург, 1993. – С.9-11.

³ Николук В.В. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности // Правовые и организационно-тактические проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сборник материалов научно-практической конференции. Ч.1. – Красноярск, 1998.

– С.13-15.

⁴ Антонов А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Дисс. ...канд. юрид. наук. – Томск, 2000. –С.47-53.

⁵ Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С.94.

⁶ Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С.5-6.

⁷ Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел: Учебное пособие. – Хабаровск, 1984. – С.10-12.

⁸ Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): Дисс...докт. юрид. наук в виде науч. доклада. – М., 1994. – С.23.

⁹ Галкин В.М. Указ. работа. – С.93.

¹⁰ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – №7. – С.27.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2000. – №5. – С.13.

¹² Матвеева Ю., Сумин А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Российская юстиция. – 2001. – №9. – С.62.

¹³ Российская газета. – 1998. – 10 июня.

¹⁴ Кальницкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст.228 УК РФ (комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации) // Законность. – 1998. – № 1. – С. 30.

¹⁵ О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 1996 г. №5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – №8. – С.4.

¹⁶ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – №9. – С.19.

¹⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам за четвертый квартал 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №10. – С.7.

¹⁸ Вырастайкин В. Добровольный отказ от преступления и явка с повинной // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С.57-58.

¹ Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века. Т.6. – М., 1988.

² Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. Т.8. – М., 1991.

³ Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 гг. – М., 1997.

⁴ Там же.

⁵ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М., 1938.

⁶ СУ РСФСР. – 1922. – № 20-24. – Ст. 230.

⁷ СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

⁸ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М., 1938.

⁹ Там же.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, 1960 г.

¹¹ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, 1970 г.

¹² Российская газета. – 2002.

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И.Лукашева: Пер. с болг. Д.В.Милушева. – СПб., 2001. – С.79.

² Уголовный кодекс Нидерландов / Науч. ред. Б.В.Волженкина. – СПб., 2001. – С.160-161.

³ Уголовный кодекс Дании / Науч. ред. С.С.Беляева: Пер. с дат. А.Н. Рычаевой. – СПб., 2001. – С.60.

⁴ Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н.Ф.Кузнецовой. – СПб., 2001. – С.248.

⁵ Уголовный кодекс ФРГ. – М., 2001. – С.36.

⁶ Уголовный кодекс Швейцарии. – М., 2001. – С.27.

⁷ Нерсесян А.А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США. – М., 1992. – С.196.

⁸ Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. – М., 2002. – С.283.

⁹ Уголовный кодекс КНР/ Науч. ред. А.И.Коробеева: Пер. с кит. Д.В.Вичикова. – СПб., 2001. – С.43.

¹⁰ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под ред. И.Д.Козочкина. – М., 2001. – С.503.

¹¹ Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации: Учебное пособие. – Красноярск, 1997. – С.58.

¹² Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография. – Красноярск, 1999. – С.24.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР.– 1988. – № 3. – С.18-19; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 9. – С.8; 1984. – №1. – С.7; 1991. – № 11. – С.4; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – №4. – С.9-10; 1994. – №4. – С. 4-5.

² Напр.: Петрунев В. Отграничение вымогательства от смежных преступлений // Советская юстиция. – 1973. – №14. – С.4; Михайлова Г., Тимишев И. Отграничение грабежа от вымогательства // Советская юстиция. – 1990. – №16. – С.20-21; Дворкин А., Чернов К. Квалификация вымогательства и сопряженных с ним преступлений // Законность. – 1994. – №12. – С.8-13; Ивахненко А.М. Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства (проблемы соотношения составов): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.

³ Гаухман Л.Д. Насилие при грабеже, разбое и вымогательстве // Советская юстиция. – 1969. – №2. – С.23; Скорилкина Н.А. Групповые формы вымогательства: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С.22; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступление против собственности. – М., 1997. – С.124.

⁴ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2000. – С. 203.

⁵ Напр.: Верин В. Рассмотрение дел о вымогательстве // Советская юстиция. – 1993. – №1. – С.8; Минская В. Ответственность за вымогательство // Российская юстиция. – 1994. – №7. – С.17-18; Минская В. Вопросы квалификации вымогательства // Государство и право. – 1995. – №1. – С.99-105.

⁶ Напр.: Дворкин А., Чернов К. Указ. работа. – С.12; Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. – СПб., 2000. – С.121.

⁷ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2000. – С.185.

⁸ См.: Куц В.Н. Ответственность за вымогательство по советскому уголовному праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1986. – С.12; Иванов Н.Г. Уголовная ответственность за

вымогательство // Советская юстиция. – 1989. – №10. – С.27; Минская В.С. Вопросы квалификации вымогательства. – С.104.

⁹ Михайлова Г., Тимишев И. Указ. работа. – С.20-21

¹⁰ Архив Свердловского районного суда г.Иркутска, 1997 г. Уголовное дело № 1-524.

¹¹ Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд РФ при рассмотрении дел такой категории. См., напр.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1991. – №6. – С.8; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №11. – С.8-9.

¹² Калмыков Ю.Х. К понятию обязательства в гражданском праве. Избранное: Труды. Статьи. Выступления / Сост.: О.М.Козырь, О.Ю.Шиловост. – М., 1998. – С.213.

¹³ Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. – СПб., 2000. – С.128.

¹⁴ Андреева Л.А., Овчинникова Г.В. Некоторые вопросы квалификации вымогательства // Вопросы совершенствования предварительного следствия / Под ред. С.К.Питерцева. – Вып. 7. – СПб., 1992. – С.127.

¹⁵ Напр.: Минская В.С. Ответственность за вымогательство. – С.18-19; Корягина О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Иваново, 1998. – С.148.

¹⁶ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2000. – С.205.

¹⁷ Дворкин А., Чернов К. Указ. работа. – С.12.

¹ Шишко И.В. О соотношении уголовного и регулятивных отраслей права // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.6. – Красноярск, 2002. – С.24.

² Ведомости СНД и ВС Российской Федерации. – 1993. – №1. – Ст.6.

³ Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – №30. – Ст.418.

⁴ Такая характеристика предмета указанного преступления «перекочевала», по-видимому, из постановления Правительства РФ от 4 января 1992 г. №10 «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением» // Российская газета. – 1992. – 14 января.

⁵ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). – Ростов-на-Дону, 1999. – С.256.

⁶ Ашавская А. Реализация драгоценных металлов, найденных или добытых физическими лицами // Российская юстиция. – 1999. – №10. – С.27.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1999. – С.432.

⁸ Российская газета. – 1994. – 9 июля.

⁹ Там же.

¹⁰ СЗ РФ. – 1995. – №46. – Ст.4458.

¹¹ СЗ РФ. – 1994. – №11. – Ст.1295.

¹² Пункт 4 постановления Правительства РФ от 1 июля 1994 г. №758 был признан утратившим силу постановлением Правительства РФ от 21 марта 1996 г. №300 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросу о регистрации контрактов при экспорте товаров» (СЗ РФ. – 1996. – №14. – Ст.1447.

¹³ В соответствии с п.2 ст.1 нового Федерального закона «О несостоятельности...» несостоятельными могут быть признаны все юридические лица за исключением казенных предприятий, учреждений, политических партий и религиозных организаций.

¹⁴ СЗ РФ. – 1997. – №21. – Ст.2487; №38. – Ст.4395; 1998. – №43. – Ст.5358; 1999. – №29. – Ст. 3752.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2002 г. №82 «Об отмене постановлений Правительства Российской Федерации по вопросам маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок» //СЗ РФ. – 2002. – №6. – Ст.585.

¹⁶ Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций. – СПб., 2001. – С.220.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Экономические преобразования и основные направления уголовно-правовой политики в СССР //Вопросы уголовной политики: Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск, 1991. – С.170.

¹⁹ Напр., ст. 4 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. – 1994. – №32. – Ст.3302); ст.4 Федерального закона «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. – 1996. – №5. – Ст.411); ст.94 Федерального закона «Об акционерных обществах» и др.

²⁰ Касаткин А. Сделки с драгоценными металлами на территории РФ //Законодательство и экономика. – 2000. – №4. – С.4.

¹ Собрание законодательства РФ. – 1995. – №18. – Ст.1593.

² Российская газета. – 1992. – №240.

³ О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 апреля 2001 года №1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – №6. – С. 1.

⁴ Плешаков А.М. Ценные бумаги в гражданском и уголовном праве: преступные злоупотребления и неосновательное обогащение // Адвокат. – 1997. – №12. – С.15.

⁵ Собрание законодательства РФ. – 1995. – №23. – Ст. 2171.

⁶ Ларичев В.Д. Уголовно-правовая характеристика фальшивомонетничества // Адвокат. – 2001. – № 3. – С.5-6.

⁷ Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999. – С.171.

⁸ Плешаков А.М. Ценные бумаги в гражданском и уголовном праве: преступные злоупотребления и неосновательное обогащение // Адвокат. – 1997. – №12. – С.16.

⁹ Никулин С. Уголовная ответственность за изготовление либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Законность. – 1995. – №8. – С.8-9.

¹⁰ Собрание законодательства СССР. – 1932. – № 6. – Ст. 62.

¹ Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Т.2. Особенная часть. – М., 2002. – С.374; Российское уголовное право. В 2 т. Т.2. Особенная часть / Под ред. А.И.Парога. – М., 2001. – С.318.

² Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): Учебник /Под ред. А.И.Марцева. – Омск, 1998. – С.104

³ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова, Ю.А.Красикова, А.И.Парога. – М., 1994. – С.110.

⁴ Общая часть уголовного права / Под ред. Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – С.57.

⁵ Также следует обратить внимание наших будущих оппонентов и на то, что «интерес: 1) «внимание, любопытство, проявляемое к кому-, чему-либо, преимущественная направленность мысли на какой-либо объект»; 2) «то, что составляет преимущественное содержание мыслей, речи, забот кого-либо»; 3) разгов. устар. «прибыль, выгода»; 4) обычно множественное число: «то, что составляет благо кого, чего-либо, служит на пользу кому-, чему-либо; нужды, потребности»; 3) «то, что имеет высокую стоимость, ценный предмет» //Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1981-1984.

Однако все перечисленное не зарождается самопроизвольно, но имеет свое место только в результате определенного взаимодействия людей, то есть в результате самих общественных отношений, таким образом, подобные «новаторские» юридические дефиниции содержат подмену определения целого определением его составной части, что свидетельствует о безусловном нарушении формальной логики.

⁶ Уголовное право. Общая часть /Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. – М., 1997. – С.135.

⁷ Уголовное право. Общая и Особенная части. Интенсивный полный курс / Под ред. Л.Д.Гаухмана, А.А. Энгельгардта. – М., 2000. – С.80.

⁸ Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. – М., 2000. – С.205.

⁹ Витвицкий А.А. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. – М., 2003. – С.58.

¹⁰ Уголовное право: Части Общая и Особенная: Учебник / Под общ. ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина, С.В.Максимова – М., 1999. – С.517-518.

¹¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В.Здравомыслова. – М., 1999. – С.218.

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Д.Иванова. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.270.

¹³ Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: Учебник. – М., 1999. – С.375.

¹⁴ Уголовное право. Особенная часть (конспекты лекций) /Авт.-состав. М.Смирнов, А.Толмачев. – М., 2000. – С.93.

¹⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой / Науч. ред. С.И.Улезко. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 411.

¹⁶ Иванов Н.Г. Уголовное право Российской Федерации: Общая и Особенная части: Учебное пособие. – М., 2000. – С.398.

¹⁷ Миньковский Г.М. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Г.М.Миньковский, А.А.Магомедов, В.П.Ревин. – М., 1998. – С.286.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1997. – С.430.

²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический комментарий /Отв. ред. В.М.Лебедев. – М., 2001. – С.386.

²¹ Тяжкие и особо тяжкие преступления. Квалификация и расследование. Руководство для следователей / Под общ. ред. С.Г.Кехлерова; науч. ред. С.П.Щерба – М., 2001. – С.125; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В.В.Мозякова. – М., 2002. – С.415.

²² Гуев А.Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (для предпринимателей) – М., 2000. – С.114.

²³ Диканова Т.А., Осипов В.Е. Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных» денег. – М., 2000. – С. 131.

²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2т. Т.2 / Под ред. О.Ф.Шишова. – М., 1998. – С.124; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под общ. ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М., 2000. – С. 444.

²⁵ Советское уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник /Под ред. Ю.В.Солопанова. – М., 1981. – С. 228.

²⁶ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. /Под ред. П.Н. Панченко. – Н.Новгород, 1996. – Т.1. – С.528.

²⁷ Уголовное право Российской Федерации: Учебник /Под ред. В.П.Кашепова. – М., 1999. – С.347-348.

²⁸ Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебное пособие. – М., 2002. – С.398.

²⁹ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник /Под ред. А.И.Рарога. – М., 1996. – С.192.

³⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР /Под ред. В.И.Радченко. – М., 1994. – С.144.

³¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. А.И.Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 423.

³² Конспекты лекций по Особенной части уголовного права Российской Федерации. – Омск, 1999. – С.38.

³³ Преступления и наказания в Российской Федерации. Популярный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А.Л.Цветович, А.С.Горелик – М., 1997. – С.37; Российское уголовное право: Курс лекций. Т.4. Преступления в сфере экономики / Под ред. А.И.Коробеева. – Владивосток, 2000. – С.332.

³⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий /Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и Г.М. Миньковского – М., 1997. – С.409.

³⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. В.И.Радченко; науч. ред. А.С.Михлин, И.В.Шмаров – М., 1996. – С.311; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. В.И.Радченко; науч. ред. А.С.Михлин. – М., 2000. – С.402.

³⁶ Усманов У.А. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий следователя. – М., 1999. – С. 232.

³⁷ Российское уголовное право. Особенная часть /Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. – М., 1997. – С.205; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. А.В.Наумов. – М., 1996. – С.467.

³⁸ Уголовное право. Особенная часть. Учебник /Под общ. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселова. – М., 1997. – С.314.

³⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Отв. ред. А.А.Чекалин; под ред. В.Т.Томина, В.С.Устинова, В.В.Сверчкова. – М., 2002. – С. 188.

⁴⁰ Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник /Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С.Комисарова. – М., 2002. – Т.4. – С. 87.

⁴¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник /Под ред. Б.В.Здравомыслова. – М., 1999. – С. 218.

⁴² Ветров Н.И. Указ. работа.– С. 205.

⁴³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Д. Иванова. – С. 270.

⁴⁴ Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: Учебник – М., 1999. – С. 375.

⁴⁵ Уголовное право. Общая часть. Особенная часть: Учебник / Под общ. ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина, С.В.Максимова. – С.517, 518.

-
- ⁴⁶ Уголовное право. Общая и Особенная части. Интенсивный полный курс /Под ред. Л.Д. Гаухмана, А.А. Энгельгардта. – С.80.
- ⁴⁷ Дорожков С. Уголовно-правовая характеристика контрабанды // Законность. – 2003. – № 1.
- ⁴⁸ Витвицкий А.А. Указ. работа. – С. 58.
- ⁴⁹ Уголовное право. Особенная часть: Учебник /Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – С.350.
- ⁵⁰ Гуев А.Н. Указ. работа. – С.114.
- ⁵¹ Диканова Т.А., Осипов В.Е. Указ. работа. – С. 131.
- ⁵² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2т. / Под ред. О.Ф.Шишова. – М., 1998. – Т.2. – С.124; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под общ. ред. Ю.И.Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 2000. – С. 444.
- ⁵³ Советское уголовное право: Общая и Особенная части. Учебник /Под ред. Ю.В.Солопанова. – М., 1981. – С. 228.
- ⁵⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. /Под ред. П.Н. Панченко. – Т.1. – С. 528.
- ⁵⁵ Уголовное право. Особенная часть (конспекты лекций) /Авт.-состав. М.Смирнов, А. Толмачев. – М., 2000. – С. 93.
- ⁵⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой / Науч. ред. С.И.Улезко. – С. 411.
- ⁵⁷ Дорожков С. Указ. работа.
- ⁵⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1997. – С. 430.
- ⁵⁹ Уголовное право Российской Федерации. Учебник /Под ред. В.П.Кашепова – М., 1999. – С. 347-348.
- ⁶⁰ Уголовное право. Общая и Особенная части. Интенсивный полный курс / Под ред. Л.Д.Гаухмана, А.А.Энгельгардта. – С.80.
- ⁶¹ Ветров Н.И. Указ. работа. – С. 205.
- ⁶² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998. – С. 445.
- ⁶³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник /Под ред. Б.В.Здравомыслова. – М., 1999. – С. 218.
- ⁶⁴ Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Указ. работа. – С.398.
- ⁶⁵ Миньковский Г.М. Указ. работа. – С. 286.
- ⁶⁶ Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Указ. работа. – С. 375.
- ⁶⁷ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник /Под ред. А.И.Рарога – М, 1996. – С.192.
- ⁶⁸ Миньковский Г.М. Указ. работа. – С. 286.
- ⁶⁹ Ветров Н.И. Указ. работа. – С.205.
- ⁷⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. В.Д. Иванова. – С. 270.
- ⁷¹ Уголовное право. Общая часть. Особенная часть: Учебник /Под общ. ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина, С.В.Максимова. – С.517, 518.

⁷² Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Указ. работа. – С.398.

⁷³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой /Науч. ред. С.И.Улезко. – С. 411.

⁷⁴ См. Таможенный кодекс Российской Федерации в ред. Федеральных законов РФ от 19 мая 1995 г. и от 12 декабря 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 26. – Ст. 2397.

⁷⁵ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – С. 741-742.

⁷⁶ Там же. – С. 648.

⁷⁷ Советский энциклопедический словарь. – С. 1558.

⁷⁸ Об использовании атомной энергии: Федеральный закон РФ от 21 ноября 1995 г. //Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4552.

⁷⁹ Уголовное право. Общая часть. Особенная часть: Учебник /Под общ. ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. – С.517-518.

⁸⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и судебной практикой / Науч. ред. С.И.Улезко. – С. 411.

¹ См., напр.: Комментарий к УК РФ / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – 2-е изд. испр. и доп. – М., 1998. – С.570; Дагель П. Ответственность за посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов // Советская юстиция. – 1962. – №22. – С.24; Пилявец В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений: Учебное пособие. – Калининград, 2002. – С.18.

² Пилявец В.В. Указ. работа. – С. 18.

³ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М.Прохоров. – 2-е изд. – М., 1983. – С. 931.

⁴ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Ласточкина С.Г., Хохлова Н.Н. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2001. – С.264.

⁵ Напр.: Фокин М.С. Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан: Автореф. дисс.... канд.юрид.наук. – Омск, 2000. – С.15; Дагель П. Ответственность за посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов // Советская юстиция. – 1962. – №22. – С.24 и др.

⁶ Мишин Н.Я. Расследование посягательств на личность и права граждан, совершаемых под видом исполнения религиозных обрядов: Дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 1967. – С.43.

⁷ Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву.

– СПб., 2003. – С. 381.

⁸ Архив Новосибирского областного суда. Архивное дело №2-187/97

⁹ Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. – Иркутск, 1973. – С. 34.

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. Казаченко И.Я., Незнамова З.А., Новоселов Г.П. – М., 2001. – С.600.

¹¹ О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ (в ред. Федерального закона от 26 марта 2000 года № 45-ФЗ), ст.6-8 // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А.В.Пчелинцев, В.В.Ряховский. – М., 2001. – С.50-51.

¹² Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М., 2000. – С.141-142.

¹³ Фокин М.С. Указ. работа. – С. 15-16.

¹⁴ Пилявец В.В. Указ. работа. – С. 21.

¹ Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. – Казань, 1972. – С.85.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С.210-219.

³ Архив Находкинского городского суда, 1998 г. Дело №2-2411/98.

⁴ Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев, 1978. – С.247.

⁵ Кудрявцев В.Н. Указ. работа. – С.226.

⁶ Архив Арсеньевского городского суда Приморского края, 2000 г. Дело № 1-104/00.

⁷ Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: понятие и квалификация. – М., 1975. – С.167.

⁸ Архив Партизанского городского суда Приморского края, 1999 г. Дело № 1-272/99.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – №12. – С.10-11.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №1. – С.9-10.

³ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юридических вузов и факультетов. - 2-е изд., изм. и доп. – М., 2000. – С.339-347.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №31.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №11. – С.23.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №35.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №2.

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – №2. – С.18-19.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №11. – С.15-16.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №11. – С.10.

¹¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000. – С.111.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №2. – С.12-13.

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №7. – С.12-13.

¹ Авакьян С.А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1998. – №1. – С.37.

² Конституции государств Европы. В 3 т. / Под общ.ред. Л.А.Окунькова. – М., 2001.

³ Радченко В.И. Президент в конституционном строе Российской Федерации. – Саратов, 2000. – С. 102.

⁴ Якубов А.Е. Отрешение Президента от должности и уголовное право // Вестник МГУ. – 1994. – № 5. – С. 52.

⁵ Радченко В.И. Указ. работа. – С. 102.

⁶ СЗ РФ. – 2001. – №7. – Ст. 617.

⁷ Подр.: Советская Россия. – 1999. – 15 мая. – С. 2-4.

⁸ Советская Россия. – 1999. – 18 мая. – С. 2. Результаты голосования: «за» – 241 (1-й пункт обвинения), 263 (2-й), 284 (3-й), 240 (4-й), 236 (5-й), «против» – 77(1-й), 60 (2-й), 43 (3-й), 78(4-й), 90 (5-й). Почти 100 депутатов (91) не взяли бюллетеней, а от 15 до 20 не вернули бюллетени при голосовании по каждому из вопросов.

⁹ Подр.: Российская газета. – 1993. – 1 апреля. – С.14. Для принятия решения об импичменте Президента РСФСР IX (внеочередным) Съездом народных депутатов РСФСР не хватило 72 голосов.

¹⁰ Якубов А.Е. Указ. работа. – С. 53.

¹¹ Авакьян С.А. Досрочное прекращение полномочий Президента РФ: пробелы, требующие юридического решения // Законодательство. – 1999. – №3. – С.91.

¹ Горобцов В.И. Наказание: понятие, цели, система // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 1999. – С.53.

² Игнатов А.Н. Проблемы применения наказания за тяжкие преступления против личности / А.Н.Игнатов, А.П.Дьяченко, П.Г.Пономарев. – М., 1982. – С. 25.

³ Подр.: Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. – Л., 1976. – С.83.

⁴ Марцев А.И. Вопросы правового регулирования деятельности исправительно-трудовых учреждений. – Омск, 1972. – С. 95.

⁵ Исключением здесь выступает положение, закрепленное в ч.2 ст.71 УК РФ, согласно которому дополнительные наказания либо наказания, которые могут назначаться и как дополнительные, и как основные при сложении их с лишением свободы, исполняются самостоятельно. По данным нашего исследования, ч.2 ст.71 УК РФ

применялась лишь один раз (0,5% из числа изученных дел). В данном случае необходимо отметить при неоднозначности в квалификации действий осужденного чрезмерную мягкость суда в определении наказания, без должного учета личности осужденного (трижды судим), изученности его поведения в период отбывания лишения свободы (отсутствует ссылка на характеристику администрации исправительного учреждения); при отсутствии смягчающих обстоятельств и фактическом неверном применении закона (вместо ст.71 указывается ст.70 УК РФ) суд назначил лишенному свободы наказание в виде штрафа. См.: Архив городского суда г.Сосновоборска Красноярского края. Дело №1-82/2000.

⁶ Подр.: Трахов А. Конструирование диспозиций статей с различными по степени тяжести составами преступлений // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 61-62.

⁷ Российская газета. – 1995. – 26 апреля.

⁸ Подр.: Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев, А.М.Яковлев. – М., 1982. – С.237; Скутин С.Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье, достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок: Дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 1985. – С.187 и др.

⁹ Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. – Омск, 1986. – С.53.

¹⁰ Подр.: Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. – Омск, 2000. – С. 72.

¹¹ Следует заметить, что 1,4% респондентов указали на уменьшение минимального предела срока наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст.314 и ч.1 ст.313 УК РФ. У 25,7% вопрос о пределах наказаний в санкциях ст.ст.313, 314, 321 УК РФ не нашел отражения.

¹² Марцев А.И., Максимов С.В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. – Томск, 1989. – С. 34.

¹³ Подр.: Марцев А.И. Задачи исправительно-трудовых учреждений // Проблемы борьбы с преступностью. Вып. 1. – Иркутск, 1970. – С. 53.

¹⁴ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С. 132-133.

¹⁵ Подр.: Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. – С.83-84, 90, 105-106.

¹ Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. – М., 1962; Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. – М., 1968; Тихенко С.И. Советское уголовное право. Часть Особенная. Преступления против правосудия. – Киев, 1970; Хабибулин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. – Казань, 1975; Ратинов А.Р., Адамов Ю.П. Лжесвидетельство. – М.,1976; Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия: Учебное пособие.

– М., 1978; Бажанов М.И. Уголовно-правовая охрана советского правосудия: Учебное пособие. – Харьков, 1986; Кулешов Ю.И. Уголовная ответственность должностных лиц органов внутренних дел за преступления против правосудия. – Хабаровск, 1988; Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград, 1999; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учебное пособие. – Хабаровск, 2001; Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / И.В.Дворянсков, А.И.Друзин, А.И.Чучаев. – М., 2002.

² Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2000. – С.7-8.

³ Более подробно о структуре преступлений против правосудия см.: Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2000. – С.368-382; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. проф. А.И.Долговой. – М., 2001. – С.533-545.

⁴ Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека: «Круглый стол» // Государство и право. – 1994. – №10. – С.15-16.

⁵ Архив Верховного Суда РФ, 1999. Дело № УК-ПЦ99-45.

⁶ Обзор результатов деятельности Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей общих, арбитражных и военных судов за 2001 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2002. – Вып. 1. – С.13.

⁷ Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: Учебник / Под общ. ред. проф. Л.Д.Гаухмана, проф. Л.М.Колодкина, проф. С.В.Максимова. – М., 1999. – С.710; Лобанова Л.В. Указ. работа. – С.132.

⁸ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. – Л., 1978. – Т.4. – С.344; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – С.404.

⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М., 1999. – С.115.

¹⁰ Прокуратура Магаданской области, 1998. Дело № 73244.

¹¹ Решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации о прекращении полномочий судей по пп.9 п.1 ст.14 Закона РФ «О статусе судей Российской Федерации» за совершение проступков, позорящих честь и достоинство судьи или умаляющих

авторитет судебной власти // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2002. – Вып. 1. – С.17.

¹² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. Б.В.Здравомыслова. – М., 2000. – С.441.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под общ. ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М., 1996. – С.703.

¹⁴ Выдвигаются предложения о создании специализированных судов (налоговых, административных и т.д.) на основе принятия федерального конституционного закона.

¹⁵ В юридической литературе высказывается неоднозначное мнение в связи с удалением института народных заседателей. См.: Бойков А. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. – 2002. – №3. – С.68-69.

¹⁶ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград, 1999. – С.133-134.

¹ Опрос совершеннолетних осужденных проводился в исправительных колониях строгого и особого режимов Тюменской области (ИК №1 г.Тюмень, ИК №6 г.Ишим, ИК №11 и 17 г.Сургут, ИК №3 и 18 г.Харп).

² Опрос несовершеннолетних проводился в воспитательных колониях общего и усиленного режимов Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей.

³ Колобаев А. Душепопечители // Совершенно секретно. – 1999. – № 12 (127). – С.6-7.

⁴ Опрос совершеннолетних осужденных проводился в исправительных колониях строгого и особого режимов Тюменской области (ИК №1 г.Тюмень, ИК №6 г.Ишим, ИК №11 и 17 г.Сургут, ИК №3 и 18 г.Харп).

⁵ Опрос несовершеннолетних проводился в воспитательных колониях общего и усиленного режимов Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей.

⁶ Криминология. – Л., 1993. – С. 59-63.

⁷ Atkinson, J. Mfxwell: Discovering Suicidt. London – Basingstoke 1978, 165-233.

⁸ Примечание: в скобках () указано число лиц, официально зарегистрированных как совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения.

⁹ Криминальная мотивация. – М., 1986. – С. 140-150.

¹⁰ Международные акты о правах человека. – М., 1998. – С.307.

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С.174; Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. – М., 1971. – С.248; Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1976. – С.42-67. и др.

² Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – М., 1990. – С.40-41; Карпец И.И. Проблемы преступности. – М., 1969. – С.175.

³ Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М., 1991. – С.408, 511.

⁴ Криминологи / Под ред. А.И.Долговой. – М., 1997. – С.75-90; Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дисс. ...докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С.20-26; Миронов Д.В. Преступность: понятие, признаки, свойства: Дисс. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – С.14-17.

⁵ Кузнецова Н.Ф. Указ. работа. – С.173; Иншаков С.М. Криминология: Учебник. – М., 2000. – С. 16.

⁶ Шеслер А.В. Указ. работа. – С. 19, 20.

⁷ Миронов Д.В. Указ. работа. – С. 101-104.

⁸ Шеслер А.В. Указ. работа. – С. 25.

⁹ Там же. – С. 47.

¹⁰ Антипина Г.С. Изучение малых групп в социологии и социальной психологии. – Л., 1967. – С. 10.

¹¹ Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. – М., 1978. – С. 51.

¹² Игошев К.Е. Особенности мотивации преступлений, совершаемых группами // Проблемы советского уголовного права и криминологии: Сборник ученых трудов. Вып.14. – Свердловск, 1971. – С. 167.

¹³ Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика групповой преступности: Учебное пособие. – Казань, 1999. – С.13.

¹⁴ Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. – М., 2000. – С. 27-31.

¹⁵ Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. – Томск, 2001. – С.16-17.

¹⁶ Бахин В.П. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение / В.П.Бахин, Н.С.Карпов, П.В.Цымбал / Под ред. П.В. Мельника: Монография. – Киев, 2001. – С.38-42.

¹⁷ Башкатов И.П. Указ. работа. – С.32.

¹⁸ Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев, 1986. – С.83.

¹⁹ Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. – Томск, 1993. – С.15-17.

¹ Автор полагает обоснованным отнесение к преступлениям террористического характера: преступлений, предусмотренных ст.ст

205, 206, 227, 277, 360 УК РФ, в которых террористический характер безусловен, т.е. признаков других деяний, кроме как деяний террористического характера, эти составы не содержат. Иными словами, это квалифицированные виды терроризма; преступлений, в составах которых признаки деяния террористического характера предусматриваются альтернативно с признаками других деяний: ст.126; ч.2 ст.141; ч.3 ст.178; ч.ч.2, 3 ст.211 УК РФ (См. подр.: Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.4. – Красноярск, 2000).

² См.: Cluterbuch R. Living with Terrorism L.: Faber. 1975. 147.

¹ Костиков В. Анатомия коррупции // Аргументы и факты. – №21. – 2000. – С.6.

² Рогов И.И. Экономика и преступность. – Алма-Ата, 1991. – С.66.

³ Россия и коррупция: кто кого? // Российская газета. – 1999. – 19 февраля.

¹ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. С.В. Степашина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – С.92.

² Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – №33. – Ст.1316.

³ Материалы расширенного заседания коллегии Министерства юстиции России // Преступление и наказание. – 2003. – №4. – С.7-8.

⁴ Там же. – С.14.

⁵ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. – С.357.

⁶ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Зубков. – М., 1997. – С.214.

⁷ Подр.: Горобцов В.И. К вопросу о понятии и составных элементах лечебно-карательно-воспитательного процесса // Проблемы профилактики преступности на современном этапе: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1983. – С.85-91.

⁸ Комарова Л.В. Правовое регулирования исполнения наказания в лечебных исправительных учреждениях: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С.15.

⁹ Мохов А.А. Преподавание медицинского права юристам – веление времени // Юридическое образование и наука. – 2003. – №1. – С.33.

¹⁰ Перков И.М., Хохлов П.К. Особенности организации исполнения наказания в лечебных учреждениях мест лишения свободы. – Рязань, 1973; Ковалев В.М. Особенности поддержания режима в лечебном учреждении // Исправительно-трудовые учреждения. – 1978. – №4; Горобцов В.И. Указ. работа; Антонян Ю.М., Первозванский В.П. Исправление и перевоспитание осужденных с психическими аномалиями. – М., 1985; Горобцов В.И., Силков В.Е. Правовое регулирование исполнения наказания в лечебных учреждениях мест

– Домодедово, 1988; Комарова Л.В. Указ. работа. и др.

¹ Controlling Crime / Edited by E. McLaughlin and J. Muncie. – 2nd ed. – London · Thousand Oaks·New Delhi: SAGE Publications; The Open University, 2001. – P. 218-219; Cavadino M. and Dignan J. The Penal System. An Introduction. – 3rd ed. – London: SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – P. 203-204.

² The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – P. 1125-1126.

³ Стоит отметить, что английское законодательство и теория прямо не ставят подразделение тюрем на открытые и закрытые в зависимости от срока тюремного заключения, режимных требований либо функционального назначения этих тюрем, но лишь только от «опасности побега и риска такой опасности», а соответственно и в целях их превенции (Davies M., Croall H. and Tyrer J. Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales. – 2nd ed. – London: Longman; Pearson Education, 1998. – P. 316). Это интересный факт, однако его рассмотрение не входит в предмет настоящей статьи.

⁴ Все заключенные в зависимости от прогнозируемой степени опасности совершения ими побега подразделяются на четыре Категории – А, В, С и D – соответственно от наибольшей степени такой опасности до ее отсутствия у осужденного.

⁵ Статистика получена из следующих источников: Prisons Statistics, England and Wales, 2000. – London: Home Office, 2002. – P. 1-3, 52-53; Prisons Statistics, England and Wales, 2001. – London: Home Office, 2003. – P 3-4, 12-13, 15-19, 25, 37, 95, 132-133, 168-169, 181, 184-186, 191, 194-195, 197-198; Hitchens P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England. – London: Atlantic Books, 2003. – P. 133, 145.

⁶ Cavadino M. and Dignan J. Op. cit., P. 205, 223-224.

⁷ The Oxford Handbook of Criminology... P. 1123-1124.

⁸ Так, в мае текущего года переполнение тюрем от дозволенного уровня составило 7332 заключенных.

⁹ The Oxford Handbook of Criminology... P. 1158-1159.

¹⁰ Doherty M. Criminal Justice and Penology. – London: Old Bailey Press, 2000. – P. 221-230; Cavadino M. and Dignan J. Op. cit., P.205-216.

¹¹ В Плате особое внимание обращается на снижение побегов именно в период этапирования до одного возможного случая из 20000 осужденных, подвергнутых этапированию.